Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 10 31 МАЯ № 10

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая.—О лозунге самокритики 3

Рубинштейн, Н. — Бесславный конец 8

Фейгин, В.—Смоленский сигнал 14

Боссе, А. — Капиталистическое развитие сельского хозяйства Соед. Штатов 23

Дымшиц, И. — О сменных цеховых парт'ячейках 36

Весник, Я.—О системе в новом промышленном строительстве (в порядке обсужден.) 42

Китайгородский, П.—Египет под пятой английского империализма 56

Виленкин, Я. — Американский империализм и революция в Никарагуа 62

Дискуссионный отдел.

Кармалитов, А. — Как под гром победного шествия . . отступают 68

Мотылев, В.—К вопросу о пятилетнем плане 78

Критика и библиография.

Г. Д.—М. Галкович. „Соединенные Штаты и дальневосточная проблема" 85

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА"

Главлит № А—15077 Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

О лозунге самокритики.

XV с'езд партии и последующий период партийного развития протекали и протекают под знаком лозунга самокритики. В настоящее время происходит значительная раскачка партийных организаций, советских органов и профсоюзных организаций в смысле проведения в жизнь лозунга самокритики.

Эта раскачка, несомненно, произведет освежающее воздействие на всю работу партийных и советских организаций.

Самокритика не есть новое для партии дело. Самокритика является одним из основных принципов внутрипартийной и пролетарской демократии. Коммунистическая партия, руководящая революционным пролетариатом в течение десятилетий, воспитывала последний в духе критики собственных ошибок, проявленных промахов и выявления недостатков работы пролетарских организаций.

Но необходимо отметить, что самокритика, как и вся совокупность принципов внутрипартийной демократии, ограничивалась и ограничивается в своих проявлениях конкретными трудностями проведения классово-выдержанной партийной политики в условиях давления других партий и классов (давления, находящего и идеологическое выражение) на партию пролетариата, особенно тогда, когда эта партия является единственно легальной и руководит рабочим государством.

Особенность положения теперь заключается в том, что самокритика становится именно в настоящей обстановке коммунистическим лозунгом массового действия, боевым лозунгом, долженствующим поставить под знак своего очистительного влияния на текущий период все партийные, пролетарские организации и все организации советской общественности.

Лозунг самокритики подготовлен рядом процессов, протекающих в советском обществе.

Во-первых, должен быть отмечен тот факт, что в борьбе с оппозицией, в борьбе с ликвидаторским пессимизмом и меньшевистским «прогнозом» новых ренегатов партия вынуждена была накрениться в сторону отпора этим ликвидаторским тенденциям, в сторону борьбы с преувеличениями и клеветой оппозиции, в сторону выявления наших положительных балансов. Покончивши теперь с оппозицией, партия должна внимательно присмотреться к накопившимся и недо-

статочно выявленным внутренним «нарывам» внутри партийных и советских организаций. Настоятельная необходимость этой очистительной работы не внушает никаких сомнений.

Во-вторых, совершенно несомненен тот факт, что контрреволюционные силы, стремящиеся использовать переживаемые пролетарской диктатурой трудности, значительно оживили в последнее время свою активность, особенно в тех пунктах, где обнаруживается некоторое ослабление контроля масс, ослабление критики со стороны масс замеченных недостатков, упущений, злоупотреблений и прямо вредительских операций скрытого классового врага.

В-третьих, развертывание хозяйственного строительства социализма, усложнение самой обстановки строительства делают хозяйственно необходимым усиление контроля масс, как фактора успешного социалистического строительства.

В-четвертых, налицо, несомненно, значительные успехи в области политического роста партийных масс, рабочего класса и бедняцко-середняцких слоев деревни, роста, который требует развертывания пролетарской демократии и самокритики, как условии творческого выявления сил этих политически выросших масс.

Все эти условия требуют смелого и решительного курса на развертывание самокритики как внутри партии, так и во всей системе советской общественности.

Конечно, партия отдает себе отчет в том, что лозунг самокритики, глубоко и широко проникая в массы, неизбежно влечет за собой «перехлестывания», преувеличения, необоснованные и даже вредные нам тенденции «критики», но тем не менее совершенно ясно, что смелое, энергичное проведение лозунга самокритики даст в общем балансе результатов значительное укрепление позиций партии и пролетарской диктатуры.

Наличие консервативно-бюрократических тенденций в партийном и особенно в советском аппарате обязывает к самому смелому инициативному и широкому проведению самокритики, к максимальной неограниченности этого лозунга. С этой точки зрения глубоко правильно то, что говорил по данному поводу тов. Сталин в своем отчетном докладе о V апрельском пленуме ЦК и ЦКК на активе московской организации:

«Иногда ругают критиков за несовершенство их критики, за то, что критика оказывается иногда правильной не на все сто процентов. Нередко требуют, чтобы критика была правильной по всем пунктам, а ежели она не во всем правильна, начинают ее поносить, хулить... Где же простому рабочему или простому крестьянину, чувствующему недостатки нашей работы и нашего планирования на собственной спине, где же им обосновать по всем правилам искусства свою критику? Если вы будете требовать от них правильной критики на все 100 процентов, вы уничтожите этим возможность всякой критики снизу, возможность всякой самокритики... И именно для того, чтобы не тушить самокритику, а развить ее, именно для этого необходимо внимательно выслушивать всякую критику советских людей, если она даже является иногда не вполне и не во всех своих частях правильной. Только при этих условиях могут получить массы уверенность, что им не «влетит» за несовершенную критику и что их не «засмеют» за некоторые ошибки их критики. Только при этом условии самокритика может получить действительно массовый характер и действительно массовый отклик».

Само собою разумеется, что эта постановка вопроса не исключает нашего воздействия на характер критики, на оформление типа правильной, нужной нам критики.

При проведении самокритики партийные организации должны прежде всего с достаточной отчетливостью установить, какая «самокритика» нам не нужна и вредна.

В условиях оживления активности контрреволюционных сил самокритика, конечно, будет использоваться кое-где для оформления антисоветских, антипролетарских тенденций, особенно, если речь идет об организациях, по своему составу не являющихся пролетарскими организациями; да и в среде рабочих самокритика будет в ряде случаев использовываться во вредном нам направлении.

Очень показательна в этой связи дискуссия, которая имела место в последнее время на страницах украинской партийно-советской печати по поводу статьи днепропетровского рабкора т. Блескова. Последний в своей статье указал, в порядке самокритики, на ряд недостатков и конкретных упущений на днепропетровских заводах, а затем «обобщил» эти недостатки, пришел фактически к выводу, что между партией и рабочими массами существует «разрыв», что производственные совещания «умирают», что кругом господствует «зажим» и т. п. Все эти «обобщении» противоречат фактам, все они неправильны, все они вредны по своему политическому значению. Редакции газет совершенно верно отметили, что правильный подход к самокритике предполагает внимательное и деловое отношение ко всем конкретным указаниям на недостатки, упущения, промахи и безобразия, имеющие место в советском аппарате, в хозяйственных и профсоюзных организациях; но этот же подход требует решительного отпора всякого рода «оценкам», «обобщениям», «философиям», исходящим из небольшевистского, непролетарского представления об отношениях между партией и пролетариатом, между рабочим государством и рабочим классом.

Приветствуя положительную, полезную критику, партия будет давать отпор всяким вольным или невольным попыткам протащить полуменьшевистские «оценки» и «обобщения», полу-

меньшевистскую «философию», пропаганда которых может только повредить делу пролетарской диктатуры, делу социалистического строительства.

Партия, далее, не может относиться положительно к «голой», общей «холостой», неконкретной критике, играющей вредно-засоряющую роль и не помогающей делу улучшения социалистического строительства, служащей, по сути дела, своеобразным громоотводом от нужной нам конкретной самокритики.

Наконец, партия не может относиться положительно к таким проявлениям «самокритики», которые имеют целью сознательное и необоснованное дискредитирование враждебных персонажей или организаций и которые заключают в себе элементы провокации.

Мы нуждаемся в развитии такой самокритики, которая не отделывается общими фразами и холостым верхоглядством, а является строго конкретной, так сказать «индивидуализированной», заключающей критику конкретных мероприятий, конкретных недостатков. Нам нужна самокритика, которая включает некоторые, хотя бы минимальные, обоснования того, что выдвигает критикующий. Мы нуждаемся в самокритике, которая не ограничивается чисто отрицательной задачей, но помогает наметить и конкретные предложения, дающие выход из положения.

Чрезвычайно важно также, чтобы самокритика не носила исключительно обличительного характера, но давала сравнительную критику с выявлением и положительных образцов, чтобы такая критика облегчала переход к лучшим формам хозяйствования и руководства.

Исключительного внимания заслуживает такая самокритика, которая наводит на «корешки» контрреволюционного вредительства и попустительства последнему. В этих случаях необходимо немедленно мобилизовать внимание партии на подобные явления и быстро двинуть в ход соответствующие меры привлечения к ответственности вредителей и разгильдяев, под крылом которых ведут свою антисоветскую работу наши враги.

Каждое критическое выступление должно вызывать со стороны партийных организаций и партийных руководителей советских и профессиональных организаций проверку критики и немедленной реакции в смысле устранения недостатков, привлечения к ответственности лиц, обличенных в злоупотреблениях, а также и осуществления дельных практических предложений положительного характера. Очень важно также, чтобы при разборе причин тех или иных упущений, ошибок и злоупотреблений партийные организации обеспечили смелое выявление тех условий, которые сделали возможными все эти упущения и злоупотребления, и, по возможности, приняли меры, устраняющие эти условия.

Громадное значение приобретает, так сказать, «обобществление» тех мер, которые предприняты партийными, советскими и профсоюзными организациями для устранения недостатков, выявленных в процессе самокритики. Необходимо сделать так, чтобы широкие массы рабочих видели, какие недостатки и когда устранены, какие мероприятия предприняты для устранения этих недостатков, что сделано в связи с конкретными предложениями рабочих в процессе самокритики. С этой точки зрения большое значение приобретает метод отчетов перед рабочими на общих собраниях, опубликования в газетах как стенных, так и печатных и т. д. Самокритика будет тем более действенной, и ее плодотворные результаты будут тем более прочными, реальными, чем скорее и полнее рабочие массы будут информированы о результатах этой самокритики; об улучшениях постановки дела советского строительства, о конкретных фактах действительной борьбы с разгильдяйством, злоупотреблениями и т. д.

Надо приветствовать создание в партийно-советской печати специальных страничек «Под контроль масс», которые ведут систематическую борьбу за устранение недостатков, выявление злоупотреблений а также за культивирование лучших образцов плодотворной работы в области социалистического строительства. Опыт уже доказал, что печать является одним из важнейших рычагов; что правильная постановка самокритики в печати решает в этом деле очень многое, если не главное.

Громадные задачи в связи с проведением лозунга самокритики падают на органы РКИ, которые должны дать конкретный выход стремлению масс обеспечить действительный контроль и действительную борьбу с недостатками и злоупотреблениями.

Нет никакого сомнения в том, что лозунг самокритики осуществим лишь как одно из проявлений углубляемой и ширящейся внутрипартийной, пролетарской, советской демократии. Нельзя себе мыслить успехи самокритики без решительного проведения внутрипартийной и пролетарской демократии. Только тогда лозунг самокритики становится лозунгом массового действия, когда внутри партийных организаций, внутри советских и профессиональных организаций будут все более энергично, властно и широко утверждаться начала большевистской демократии, когда будет поведен развернутым фронтом поход против бюрократизма, против казенщины, против «кумовства» и «кампанейства».

Именно поэтому лозунг самокритики должен рассматриваться, как боевой лозунг внутрипартийной демократии, как конкретное и важнейшее проявление демократизации партийного, советского и профсоюзного аппарата. Только при таком подходе к лозунгу самокритики можно обеспечить правильный курс в осуществлении этого лозунга.

Н. Рубинштейн.

Бесславный конец.

Деятельность немецких ультра-левых нашла, наконец, свое завершение. Троцкистская партия, основанная Масловым, Рут Фишер, Урбансом и К°, фактически уже не существует. Ленинбунд сгнил на корню, и его формальная ликвидация является вопросом недель, если не дней. Кратковременное существование Ленинбунда, в особенности картина его стремительного распада, представляют собой весьма поучительное явление. Поэтому не лишне подвести некоторые итоги деятельности ультра-левых «вождей» и их ныне уже не существующей организации.

Немного „истории“.

Формальное учреждение Ленинбунда состоялось меньше чем два месяца назад. В начале апреля в Берлине собралась учредительная конференция, на которой ультра-левые организовали свою партию, присвоив ей из демагогических соображений имя Ленинбунда.

На конференции вожди троцкистской партии пробовали пустить пыль в глаза, об'являя во всеуслышание, что в работах конференции принимает участие 153 делегата. Но эта реклама была мелкотравчатым мошенничеством—на конференцию были приглашены не только ультра-левые группы, а—за малочисленностью приверженцев—и отдельные ультра-левые персоны. Таким образом, значительная часть «делегатов» представляла... самих себя.

Ренегаты продолжали и на конференции ту кампанию лжи и клеветы по адресу ВКП(б) и Коминтерна, которая велась издавна ультра-левыми. На разные лады перепевались выдумки об изменении классового характера советского государства; вновь были повторены декларации о «термидоре»,—словом, учредители новой партии использовали весь арсенал отравленного оружия международной троцкистской оппозиции.

Резолюция конференции, полностью отрицавшая наличие внутренних сил социалистической революции в России, утверждала, что Всесоюзной Коммунистической партии и Советскому Союзу настанет конец, если только не подоспеют большие «события».

Стоит лишь вспомнить международное положение СССР, особенно обострившееся в те дни, когда заседала конференция ренегатов, чтобы фальшивая фраза о «событиях» получила надлежащее освещение.

Экономический шпионаж и разрушение советского хозяйства изнутри (Шахтинское дело), наступление на монополию советской внешней торговли, новые проекты англо-франко-германского блока для «окружения» СССР, воровской налет Французского банка на советское золото,—все это увязывалось и увязывается в одну линию вместе с подготовкой интервенции против СССР.

Учредительная конференция Ленинбунда внесла и свою посильную лепту в это черное дело, присоединившись к хору разномастных «Форвертсов» и стараясь ослабить поддержку СССР со стороны международного пролетариата.

Вожди Ленинбунда столкнулись еще до конференции с неприятным обстоятельством—резолюции XV с'езда ВКП(б) так же, как и постановления IX пленума ИККИ, стали поперек горла ренегатам. Об'яснить действительное значение усиленного нажима на кулака в деревне и на частного капиталиста в городе, показать, что этот нажим стал возможен в результате успешно проведенных решений XIV с'езда, Урбансы и Масловы не могли. Точно так же и соответствующий истине анализ резолюций IX пленума ИККИ был не в интересах организаторов Ленинбунда. Вожди новорожденной троцкистской партии не захотели разоблачить себя и прибегли к испытанному средству клеветы. На учредительной конференции Ленинбунда курс, принятый XV с'ездом, и решения IX пленума ИККИ были об'явлены «маневром сталинцев».

Ленинбунд и выборы в рейхстаг.

Резолюция конференции о политическом положении, направленная против ВКП(б), КПГ и Коминтерна, не представляла собою ничего нового; она продолжала лишь прежнюю тактику ультра-левых и должна была зарекомендовать Ленинбунд, как организацию, борющуюся не против буржуазии и социал-демократов, а против КПГ. И не даром «Форвертс» с удовлетворением отмечал, что «не было такого обвинения, которое обычно адресует коммунистическая пресса против социал-демократии и которое не направлялось на этом конгрессе (т.-е. на учредительной конференции Ленинбунда. *Н. Р.*) против Коммунистической партии Германии»[1].

«Гвоздем» конференции была не общеполитическая резолюция, а решение выступить с самостоятельным списком Ленинбунда на выборах в рейхстаг. Урбанс и его соратники распинались на конференции по поводу того, что Ленинбунд не хочет быть второй партией: ренегатам необходим был этот защитный маневр, как и в начале их раскольнической деятельности. Но решение о самостоятельном выступлении на выборах говорило само за себя—уже ранее сформировавшаяся партия выступила открыто.

Охотясь за парламентскими мандатами, ренегаты выполняли гораздо более важное задание в интересах германской буржуазии. Две силы боролись в избирательной кампании—германская буржуазия, представленная рядом партий от дейтш-националов до социал-демократов включительно, и пролетариат Германии в лице коммунистической партии.

Еще до выборов правительство Маркса и с.-д. приняли ряд экстраординарных мероприятий, направленных против коммунистической партии. Министр Кейдель пытался запретить союз красных фронтовиков; «Форвертс» выпустил на рынок новые порции лжи и клеветы по адресу коммунистов, заимствуя, между прочим, материал из ультра-левых листков. И понятно, что буржуазная и социал-демократическая пресса с великой радостью приветствовала известие о самостоятельном выступлении Ленинбунда на выборах. «Форвертс» торжествовал по поводу «замечательного поединка между сталинистами и ленинистами», «Берлинер Тагеблатт» не преминул напомнить о «московских деньгах» КПГ, а господа из «Вельтбюне» с удовлетворением отмечали, что коммунистическая партия получит на выборах удар «с левого фланга».

Прославленный дейтш-национал министр Кейдель оказал даже «деловое» содействие Ленинбунду, посмотрев сквозь пальцы на отсутствие неко-

[1]) «Форвертс», 10/IV 1928 г.

торых формальностей, связанных с выставлением списка ультра-левых кандидатов в рейхстаг.

Самостоятельное выступление Ленинбунда на выборах должно было, по мысли инициаторов, внести разброд в ряды рабочего класса Германии и ослабить позиции компартии.

Учредительная конференция партии ренегатов, приняв решение об участии в избирательной кампании, попыталась замести следы. Конференция направила в Коминтерн письмо, в котором заявлялось, что Ленинбунд образован для борьбы с «растущим (?) реформизмом германского рабочего класса». Наглость Урбанса—Маслова дошла до того, что они предлагали об'единить Ленинбунд с коммунистической партией—и на худой конец—принять новую партию в Коминтерн на правах «симпатизирующей» организации.

Очевидно, с целью доказать подлинность этих «симпатий» конференция обязала членов Ленинбунда вести фракционную работу внутри КПГ и союза красных фронтовиков. Для оппозиционеров—членов союза красных фронтовиков—предполагалось создать специальный центр, в задачу которого входило издание информационного органа [1]).

Из тактических соображений предводители Ленинбунда отложили созыв интернациональной конференции оппозиционных Коминтерну групп до более благоприятного момента, но лозунг «ренегаты всех стран, об'единяйтесь» был все же провозглашен на учредительной конференции Ленинбунда. Представитель группы Корша, приветствуя конференцию, требовал совместной борьбы всех оппозиционных групп против «сталинизма».

Итак, задачи троцкистской партии в Германии были точно сформулированы. Урбансы, Масловы и иже с ними «подрядились» поставлять клеветнический материал для «Форвертса»; в перспективе рисовались «собственные» парламентские мандаты (до сих пор ультра-левые располагали только крадеными), раскол КПГ и союза красных фронтовиков и об'единение ренегатов в «международном масштабе».

Развал Ленинбунда.

Уже на учредительной конференции Ленинбунда выяснилось, что среди организаторов новой партии имеются разногласия по вопросам тактики Ленинбунда, в частности в вопросе о самостоятельном выступлении на выборах.

Двурушническая политика Урбанса—Маслова, фразы о «единстве» наряду с выставлением особого списка на выборах,—все это свидетельствовало о том, что ренегаты вынуждены лицемерить.

> «По отношению к идейно-политическим выступлениям,—писал в свое время Ленин,—надо сказать, что лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренно неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого, прямого выступления».

Слова Ленина блестяще оправдались на примере германских ренегатов. В вопросе об участии в выборах часть конференции во главе с Масловым и Рут Фишер заняла особую позицию. Эта группа (26 чел.) голосовала против выступления Ленинбунда с самостоятельным списком.

[1]) «Форвертс», 10/IV 1928 г. Morgenausgabe.

Было бы ошибочным искать принципиальных разногласий между Масловым и Урбансом. Оба они—одного поля ягоды с той лишь разницей, что Маслов—более хитрый политикан—раньше сообразил, что самостоятельное выступление Ленинбунда на выборах разоблачит его, как партию, выступающую против КПГ и Коминтерна, а следовательно, бесповоротно дискредитирует ультра-левых в глазах рабочих масс Германии.

Развал Ленинбунда последовал почти непосредственно после учредительной конференции. Маслов требовал созыва новой конференции и пересмотра решения об участии в выборах. Вскоре Шолем, Маслов, Рут Фишер и ряд других ультра-левых заявили о своем выходе из Ленинбунда. Действительные причины ухода из Ленинбунда его вчерашних вождей заключаются не только, вернее, не столько, в «неумелой» тактике Урбанса, сколько в усилившемся процессе распада местных организаций Ленинбунда. Надежды на раскол КПГ не осуществились. В заседании центрального комитета Ленинбунда Шолем говорил, что Ленинбунд изолирован от КПГ. «Мы,—жаловался Шолем,—ничего не знаем о ее намерениях и планах. Финансовое положение (Ленинбунда) катастрофично». Весьма характерно, что Маслов в ответ на упреки сторонников Урбанса в саботаже и стремлении расколоть Ленинбунд сказал: «Я был бы раскольником, если было бы, что раскалывать. Но раскалывать нечего» [1]).

Наконец, наиболее показательным фактом явился переход верхушки зульской организации Ленинбунда—единственного округа, где ультра-левые имели некоторое влияние—к социал-демократии.

Переговоры вождя зульских троцкистов Гейма с социал-демократами окончились успехом: сторонники Гейма в Зуле 25 голосами против 13 постановили войти в социал-демократическую партию, примеру Гейма последовал другой ренегат—Килиан; с.-д. в свою очередь ассигновали на покупку зульской газеты Ленинбунда «Фольксвилле» 45.000 марок и отрядили полицию для сохранения «покупки» в целости. Урбанс вынужден был обратиться за помощью в ЦК КПГ.

В ответ на переход ренегатов в лагерь социал-демократии зульские рабочие, бывшие члены Ленинбунда, вынесли решение о возврате в КПГ.

Распад Ленинбунда, позорный провал предприятия ренегатов—налицо. Вместо второй партии—осколки организации, перебежка группы ренегатов к социал-демократии, изоляция от рабочих, возвращающихся в КПГ; вместо парламентских мандатов—жалкие 80.000 голосов, которые Масловым и Урбансам удалось собрать в результате клеветнической кампании против КПГ и Коминтерна.

Обанкротившиеся вожди Ленинбунда делают судорожные попытки выйти сухими из воды. В заявлениях, адресованных в ЦК КПГ Маслов, Рут Фишер, Шолем мотивируют свой выход из Ленинбунда тем обстоятельством, что отношение Ленинбунда к КПГ во время избирательной кампании было ошибочно, что Ленинбунд ведет сектантскую политику и превращается во вторую партию. Маслов и Шолем призывают своих сторонников выйти из Ленинбунда, они собирают подписи под заявлением об обратном приеме всех вышедших из Ленинбунда в КПГ.

Но ренегаты, которые только вчера обливали грязью КПГ и Коминтерн, об'являя руководство и политику Коминтерна «ликвидаторской», люди, имена которых только вчера красовались во главе избирательного списка Ленинбунда, рассчитывают вернуться в партию, сохранив весь свой фракционный раскольнический багаж.

[1]) См «Роте Фане» № 107 от 8 мая.

В заявлениях Маслова, Рут Фишер, Шолема ни единым словом не упоминается о тех преступлениях, которые совершили ренегаты против КПГ и всего международного коммунистического движения.

Основной мотив заявлений—не признание ошибочной всей деятельности ультра-левых, а указание на «сектантский дух» Ленинбунда. О знаменитой «платформе» ультра-левых, о травле Коминтерна, КПГ, о дискредитировании ВКП(б) и Советского Союза,—обо всем этом ренегаты умалчивают.

Поэтому совершенно прав был Центральный Комитет КПГ, когда он квалифицировал заявления Маслова, Рут Фишер и Шолема, как маневр, направленный к продолжению разрушительной работы в рядах партии.

Обанкротившиеся вожди выходят из Ленинбунда не потому, что эта организация является организацией предателей, а потому, что нынешняя тактика Ленинбунда непригодна для разложения коммунистической партии,—так формулировал ЦК КПГ свое отношение к заявлениям Маслова—Шолема.

Другое дело—рабочие, которые убедились в контрреволюционной деятельности заправил Ленинбунда и искренне и честно хотят вернуться в ряды КПГ. ЦК КПГ раз'яснил, что партия всячески поможет таким рабочим вновь стать под знамена Коммунистического Интернационала. Каждому рабочему, порвавшему с ультра-левыми, открыт доступ в партию; ренегаты, которые надеются вновь «сманеврировать», навсегда останутся за бортом.

Итоги.

Кратковременная история Ленинбунда и позорный крах попытки ренегатов образовать вторую партию показывают, что предсказания Коммунистического Интернационала осуществились целиком и полностью.

В 1926 году VII пленум ИККИ констатировал, что группа Маслова—Рут Фишер «вынуждена прикрывать свою контрреволюционную борьбу против коммунистического движения «левыми» лжекоммунистическими фразами». Лжекоммунистическая фраза окончательно разоблачена самим Ленинбундом.

Вожди Ленинбунда заявляли, что они строят свою организацию, так как не хотят, чтобы «тысячи честных коммунистов, левых коммунистов, оказались потерянными для коммунистического движения». Резолюция учредительной конференции Ленинбунда декларировала, что задачей новой партии является борьба «против растущего реформизма германского рабочего класса». Левая фраза вскоре обернулась правым делом. Переманивая зульских рабочих в социал-демократическую партию, продавая социал-демократам свою газету, ренегаты помогли реформистам.

Антикоммунистическая агитация Ленинбунда сослужила службу буржуазной и социал-демократической прессе.

История Ленинбунда показывает, что путь фракционной деятельности в рядах коммунистической партии неизбежно приводит фракционеров к организации второй партии.

«Мы не сомневаемся, что оппозиционеры, исключенные из других партий, не вступят на путь создания вторых партий»,—писали троцкисты в своем заявлении XV с'езду.

Грош цена таким заверениям,—ответила партия троцкистской оппозиции. Троцкисты, впрочем, мало в чем «сомневаются» и сейчас. Радек [1]), а за ним и Маслов признают, что Ленинбунд становится второй партией

[1]) См телеграмму, опубликованную в «Правде».

только с того времени, когда конференция Ленинбунда решила выступить с особым списком на выборах. Организация Ленинбунда не является для Маслова и Радека «конституирующим признаком» второй партии.

Недоброкачественность этих поздних полупризнаний бросается в глаза. Радек и Маслов хотят подменить «станцию отправления» «станцией назначения». Безнадежное предприятие!

Клика Урбанса—Маслова проделала вполне закономерный—с точки зрения отхода от коммунизма—путь от антипартийной оппозиционной деятельности в рядах КПГ к созданию второй партии, активно борющейся против Коминтерна. Выступление с особым списком кандидатов на выборах в рейхстаг—только этап—немаловажный, но все же этап—деятельности уже создавшейся второй партии.

И так же закономерен развал Ленинбунда. В условиях обостряющейся классовой борьбы нет места межеумочным группам. Поэтому размежевание идет ускоренным темпом. Не случайно, что социалистический союз Ледебура заявляет, что его члены не могут голосовать за социал-демократов, за «кандидатов вспомогательного отряда капиталистической реакции», и отдают свои голоса коммунистической партии Германии. Не случайно и то, что ренегаты из Ленинбунда уходят вместе с немногими сторонниками к партии Штампфера и Зеверинга.

Коммунистическая партия Германии продолжает укреплять свое влияние в широких рабочих массах. Политика репрессий со стороны правительства, запрещение союза красных фронтовиков и в особенности последний успех партии на выборах в рейхстаг показали это с достаточной наглядностью.

Результатом правильной политики партии является также и развал Ленинбунда. Разоблачая ренегатов, партия привлекла и привлечет вновь в свои ряды тех рабочих, которые шли за Масловым и Урбансом.

Что же касается еще не ликвидированных осколков организации ренегатов, то следует вспомнить советы Ленина по поводу ка-а-пистов и Пауля Леви и, разоблачая Урбансов, не уделять им слишком много внимания.

«Влияние в массах они не имеют и не получат, если мы сами не будем делать ошибок»,—писал Ленин о ка-а-пистах. Эти слова могут быть с полным правом отнесены к Маслову и Урбансу.

Урбансы не имеют и не получат влияния в рабочих массах Германии. Лучшая иллюстрация этого положения — полный развал их организации точно так же, как и развал остатков Веддингской оппозиции. Конец Ленинбунда означает вместе с тем и начало конца троцкистской оппозиции в других секциях Коминтерна.

В. Фейгин.

Смоленский сигнал.

Смоленский гнойник поставил перед партией ряд вопросов, требующих обсуждения и разрешения. Было бы неправильно смотреть на смоленское дело, как на эпизод, случайно имевший место в нашей партии. Перерождение отдельных клеточек партии возможно во все периоды жизни партии и в особенности, когда она стоит у власти.

«Рабочий никогда не был,—писал Ленин,—отделен китайской стеной от старого общества. У него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества. Рабочие строят новые общества, не превращаясь в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоят по колени еще в этой грязи». (Ленин, том XVI, стр. 22).

Один тот факт, что старое наследие, навыки, привычки оставляют свой след на людях, призванных к перестройке общества, создает предпосылки возможного перерождения отдельных клеточек партии и класса.

Эта опасность усугубляется еще более в период, когда пролетариат стоит у власти. В этот период отдельные представители рабочего класса, несущие государственную работу, обречены на меньшее соприкосновение с рабочим классом, чем это было бы, если бы они продолжали работать в производстве, а с другой стороны, они обречены на соприкосновение со слоями, чуждыми, а подчас враждебными пролетариату. Отрыв от пролетариата и утеря благодаря этому классового чутья и классовой идеологии находит продолжение в восприятии чуждой культуры, чуждой идеологии.

«Бывает,—говорил Ленин на XI с'езде партии,—что один народ завоюет другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю». (Том XVIII, ч. 2, стр. 43).

В Смоленском деле мы имеем яркую иллюстрацию перерождения. Дело Покална свидетельствует о том, как смешение рабочих коммунистов в быту с обывательской и классово-чуждой средой и восприятие ее культуры приводит к перерождению и гибели для рабочего класса даже лучших рабочих. Тем более такой род перерождения возможен в деревне, о чем говорит пример ряда коммунистов-крестьян. Дело сычевских коммунистов свидетельствует об усвоении коммунистами типично-буржуазной идеологии: наживы, обрастания и индивидуального благополучия.

Бытовые условия Покална.

Покалн до 20 января 1928 г. был инспектором льногосторга по Смоленской губ. и уполномоченным Запгосторга. По происхождению и социальному положению он является рабочим. С семи лет начал вести трудовую жизнь, пася скот в помещичьем имении. В двенадцать лет стал работать в

одной из рижских фабрик. В четырнадцать лет вошел в революционное движение, участвуя в расклейке и распространении революционных прокламаций. В 1912 г. вступил в РСДРП большевиков, продолжая работать на фабриках и строительных работах.

Во время империалистической войны попал в германский плен.

За попытку ведения революционной работы среди немецких солдат был заточен на 4 мес. в Кенигсбергскую крепость. Из плена бежал в 1918 г. и стал работать в Латвии сначала начальником уездной милиции, потом председателем Режицкой чрезвычайной комиссии и пр. Семья Покална была тоже революционной. Сестра — старая большевичка, отбывшая около пяти лет тюрьмы и ссылки, пять братьев Покална—большевики, четыре из них подпольщики. Отец Покална за политическую работу в Латвии был убит во время германской оккупации. Таково прошлое Покална. А бытовые условия его жизни определялись тем, что он был пастухом, рабочим, солдатом, военнопленным, а затем председателем чрезвычайной комиссии.

В Смоленске стал работать Покалн в 1926 г. Основную роль в перерождении его сыграла жена. Была она дочерью не то спекулянта, не то преступника другого рода, сосланного на три года в концентрационный лагерь. До Покална была она замужем за валютчиком-спекулянтом, подобным ее отцу, попавшим вследствие этого в Соловки. Если прежние бытовые условия Покална определялись его революционной деятельностью, то теперь они все больше и больше стали определяться запросами и потребностями чуждого элемента.

Жена Покална, это тип жен-лахудр, которые, вклиниваясь в личную жизнь коммунистов, нередко приводят наиболее слабых из них к гибели.

Нельзя закрывать на это глаза. Пример этому Покалн. Многим следует над этим подумать.

Обывательщина не способна на здоровое веселье, ей нужен для этого алкогольный дурман.

Устраивались пьянки у Покална часто, затягивались на сутки и более, пили дома, пили в саду, ходили пьяными по улице, словом, переняли и усвоили «прелести» быта пошехонского мещанства.

Идеологическое перерождение в быту сказывается уже в этом. Но идеология не может оставаться на длительный промежуток времени раздвоенной. Подобного рода отношение к бытовым условиям создало соответствующее отношение к работе. Покалн стал брать взятки со своих подчиненных сослуживцев. Брал взятки, превращал их в вино, продолжая свой быт строить по старому образцу, державшемуся на Руси столетия. Таков тип Покална. У нас их имеется, повидимому, изрядное количество. Часть из них примазалась к партии, не будучи никогда партийцами. Часть из них хорошие большевики в прошлом и гниль в настоящем.

С ними нужно, невзирая ни на что, жестоко расправляться. Нужно хорошенько запомнить слова Ленина о том, что «сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество» (том XVIII, часть 1, стр. 379).

Нужно запомнить слова Ленина и о том, что «Советская власть не мало расстреляла таких должностных лиц, которые попадались, например, во взяточничестве, и борьба против подобных негодяев будет доведена до конца» (том XVI, стр. 30). Нужно ее довести до конца.

Быт и деятельность в деревне.

Если деятельность людей в значительной мере определяет бытовую сторону их жизни, то и бытовые условия оказывают огромное, а иногда и решающее влияние на деятельность.

Об этом говорит пример деятельности, жизни и гибели Покална, об этом свидетельствуют и примеры разложения ряда деревенских коммунистов.

В Смоленской губ. в одиннадцати уездах из шестнадцати верхушка деревенской власти в быту и в работе сомкнулась, в той или иной мере, с имущими слоями деревни и бывшими помещиками. Общее, что их об'единило—это алкогольный дурман.

В Кардымовской вол. компания собутыльников и сотрапезников состояла из секретаря волкома, в последнее время работавшего инструктором укома, заместителя председателя вика, двух коммунистов из коммуны «Красный Факел», члена уисполкома, бывшего начальника милиции, бывшего помещика, двух шинкарей и нескольких кулаков.

Под флагом партийности осуществлялась кулацкая политика.

Бедняцкие фонды передавались имущим слоям, льготы, предоставленные правительством бедноте, до нее не доходили, всюду процветало покровительство зажиточным, интересы бедноты и середнячества игнорировались, производились растраты государственных средств.

В Кардымовской вол. произошла, по существу, передвижка власти от неимущих к имущим слоям, замаскированная социальным составом и партийностью носителей власти.

В Копыревщинской вол. эта передвижка совершилась даже без маскировки. В ней в течение ряда лет семенным товариществом руководила группа, состоящая из 8 бывших помещиков, 2 сыновей попов, 2 дьяконов, 3 бывших урядников, крупных кулаков и частных торговцев. Кооперировали они и кредитовали преимущественно кулаков и бывших помещиков. Застольная смычка в быту привела, таким образом, ряд коммунистов к идеологическому перерождению, что в свою очередь привело к передвижке власти в некоторых пунктах от неимущих к имущим слоям.

Обрастание.

Пример Покална и ряда деревенских коммунистов свидетельствует о возможности перерождения отдельных коммунистов из-за смешения в быту с классово-чуждыми элементами, пример сычевских коммунистов, на котором мы сейчас остановимся, свидетельствует о таком пути перерождения, где основную роль играет обрастание. Руководящая головка партийно-советского аппарата Сычевского уезда является местными крестьянами. Имеют в деревнях свои хозяйства и рассматривают свою руководящую работу, как побочный заработок к сельскому хозяйству. Это создает, с одной стороны, определенное отношение к работе, а с другой стороны, к собственному индивидуальному хозяйству, как к основному полю своей деятельности.

Оба эти момента привели коммунистов к превращению в чиновников на работе и кулаков в хозяйстве.

В учреждениях держали себя барски, к нуждающемуся населению относились высокомерно, требования и просьбы оставлялись не рассмотренными, волокита установилась подобная той, которая процветала в блаженной памяти «святейшем синоде».

А индивидуальные хозяйства подобного рода «коммунистов» укреплялись и цвели. Избушки превращались в дома с просторными помещениями и надворными постройками. Приобретался породистый скот, различного рода инвентарь, а все это приводило, с одной стороны, к тому, что население отождествляло в своем понимании кулака и коммуниста, а с другой стороны, рассматривало пропаганду коллективных хозяйств, как «брехню», как лицемерие и ложь, под шумок которых коммунисты превращаются в кулаков.

Об обрастании подобного рода «коммунистов» и об отношении к ним населения можно судить хотя бы по тому, что при проведении самообложения беднота на некоторых коммунистов перекладывала всю тяжесть самообложения. Так на хозяйство директора коммунального треста собрание крестьян наложило сумму, причитающуюся со всей деревни.

Откуда коммунисты брали средства для такого рода обрастания? Одна часть из них, пользуясь даровыми продуктами, доставляемыми из деревни, сумела делать сбережения и вкладывать их в свои хозяйства. Этот путь в том случае, если бы сбереженные средства вкладывались в хозяйства, основанные на коллективном способе производства, был бы вполне приемлемым. Его надо было бы поощрять и пропагандировать. Коммунисты при этих условиях способствовали бы развитию в деревне социалистических элементов. Но в действительности они вкладывали эти средства в индивидуальные хозяйства, способствуя таким образом развитию капиталистических элементов. Недаром в Сычевском уезде такое по существу несовместимое «единство противоречий», как словцо «красный кулак» стало обиходным.

Другая часть коммунистов обрастала за счет присвоения государственных средств. Случаи растрат в Сычевском уезде нередки. Растрачивались средства кооперативные, средства коммуны, не пренебрегалось также недвижимое имущество коммуны.

Говорить о притуплении классового чутья у этих коммунистов было бы неправильно. Это, повидимому, было в периоде более раннем. К настоящему же времени они переродились в представителей иного класса, иных социальных слоев. Они превратились в представителей деревенской буржуазии. Находясь же на командных постах государства, они проводили кулацкую политику, игнорируя интересы бедноты и покровительствуя имущим слоям.

Вопрос о кулацком обрастании деревенских коммунистов неоднократно подвергался обсуждению в партийной печати и литературе. Как литературный отклик, интересна в этом отношении книга Никифорова «Уклон». В ней описывается, как крупный партийный работник—секретарь одного из губкомов, большой военный деятель в период гражданской войны, занялся после провозглашения лозунга «лицом к деревне» сельским хозяйством. Ему предоставили большой участок земли, несравненно превосходящий обычную крестьянскую норму, так как земля была расположена в болотистой и лесистой местности. При помощи наемных рабочих он осушал болота, вырубал лес, выкорчевывал пни и привел свой участок в годное для ведения хозяйства состояние. Продолжая и дальше при помощи наемных рабочих укреплять свое хозяйство, он сделал его образцовым как со стороны введения культурно-технических приемов, так и со стороны организации труда. Партийные собрания он не посещал, общественную работу не вел и как за это, так и за организацию кулацкого хозяйства подвергся осуждению ячейки.

В этой фабуле автор зло критикует и издевается над всеми деревенскими коммунистами, характеризуя их лодырями, бесполезным наростом на крестьянской шее, и вместе с тем возводит на пьедестал величайшей партийной добродетели этого коммуниста, указывающего, по мнению автора, путь деревне от капитализма к социализму через кулацкое хозяйство.

Исходит автор из того, что способствование развитию производительных сил в деревне является краеугольным камнем партийной работы. Посредством каких форм должно происходить это развитие производительных сил?

Посредством ли поощрения развития кулацких хозяйств, или путем коллективизации деревни? Автор дает на это точный ответ: путь через ку-

лацкие хозяйства. И если коммунист сам превращается в кулака, в эксплоататора наемной силы, вместо того, чтобы использовать свои знания, энергию и любовь к сельскому хозяйству с целью развития коллективных форм, то это для автора является высшей партийной добродетелью и достоинством. С этим литературным оформлением и узаконением кулацкой идеологии нужно бороться так же беспощадно и круто, как со смоленским гнойником.

Верхушка губернской партийной организации.

Павлюченко, секретарь губкома, рабочий, проработавший на Смоленской фабрике «Катушка» около двенадцати лет. Зав. агит. отделом губкома Панфилов—крестьянин, окончивший сельскую школу. Председатель губпрофсовета Алексеев—служащий, поставленный рабочими сначала председателем фабкома, а затем избранный ими членом и впоследствии председателем губпрофсовета. Секретарь райкома Болдин—местный рабочий. Эту группу людей, поставленную смоленской партийной организацией на руководящие посты, нельзя валить на одну доску с Покалном. Взятки они не брали, казну не обкрадывали, но оторвались от масс настолько, что не видели безобразий, освещенных выше, не видели безобразий, творящихся и на немногочисленных фабричных предприятиях Смоленска.

На фабрике «Катушка» партийные и беспартийные мастера, пользуясь своим командным положением, вымогали с рабочих взятки, принуждали работниц к половому сожительству, жестоко расправляясь с ними в случае отказа, пьянствовали на дому и в публичных местах и терроризовали рабочих и коммунистическую часть фабрики настолько, что все эти безобразия в течение около четырех лет оставались нераскрытыми. В несколько меньших размерах, но такая же система распущенности и взяточничества, иногда в видоизмененных формах, существовала на Ярцевской фабрике и Рем. Авиозаводе.

Видя ряд подобного рода безобразных явлений, верхушка губернской организации не умела расценить это классово и политически, рассматривая, как случайный эпизод; представителям ЦКК тт. Ляксуткину и Цейтлину, вскрывшим этот гнойник, давались совершенно недостойные политических руководителей наивные об'яснения, а по мере обнаруживания Цейтлиным и Ляксуткиным все новых явлений преступной политики и разложения, руководящая группа губкома стала оказывать им противодействие.

На заседании президиума ЦКК, давая свои об'яснения, бывшая головка смоленской организации обнаружила притупление классового чутья, неспособность к классовому анализу явлений, подходя к разрешению больших вопросов с чиновничьим аршином: собрания, дескать, происходили у нас регулярно, активность на них была удовлетворительной, кое-что мы для борьбы с разложением сделали, теперь у нас несравненно лучше, чем было несколько лет назад и пр.

Шедевром такого рода непонимания вопросов крупного порядка и измерения больших явлений чиновничьим аршином является письмо зав. агитотделом губкома тов. Панфилова одному из своих знакомых. Это письмо Панфилов писал уже после обследования ЦКК. Как об'ясняет он факты, имевшие место в Смоленской губ.?

Приведем выдержку из его письма.

«Сычевка, это—пережиток старого курса еще при тов. Бейке, с которым (курсом) мы не соглашались, боролись и сумели переломить. Здесь ты кое-что знаешь».

Каково? Обрастание коммунистов, превращение их в кулаков, растраты государственных средств,—все это об'ясняется каким-то курсом, каким-то пережитком, переломленным к тому же. До последнего времени в Сычевском уезде происходили явления перерождения коммунистов в деревенскую буржуазию, а Панфилов, после того как представители ЦКК преподнесли ему факты последнего времени в готовом виде, называет это пережитком, к тому же переломленным. Кардымовские безобразия он об'ясняет следующим образом:

«В любом месте можно найти подобные факты, но они преподнесены концентрированно, и в этом вся их значимость». Политическая близорукость и притупление классового чутья так и несет от этого «анализа». Если в любом месте коммунисты сомкнулись с помещиками, кулаками и шинкарями, если в любом месте можно найти открытую и замаскированную передвижку власти от неимущих к имущим слоям, то втуне говорить о диктатуре пролетариата. Это обозначало бы термидор. А ведь тов. Панфилов не является сторонником такого взгляда.

Безобразия на фабрике «Катушка» превращены Панфиловым в какой-то случайный эпизод.

«Трое мастеров фабрики на протяжении времени 1924—28 гг. брали взятки, понуждали работниц к половому сожительству (2—3 факта), двое из них коммунисты».

Четырехлетнее взяточничество и пьяный разгул не со стороны 2—3 мастеров, а около десятка, во главе с председателем губотдела деревообделочников и зажим, вынуждавший рабочих мириться с таким положением, преподнесен Панфиловым, как случайное явление, не имеющее значения.

Это тип людей, оторвавшихся от массы, засосанных кабинетной работой, превратившейся для них в нечто самодовлеющее. Немалую роль сыграло в этом и то, что все они по 10 лет работали лишь в одной Смоленской губ.

Несмотря на их заслуги в прошлом, ЦКК жестоко наказал их, распустив бюро губкома, запретив занимать верхушке губкома ответственные работы и вынеся строгий выговор с предупреждением.

Это мера наказания, а как меру исправления ЦКК предложила послать их на производство, где они могли бы срастись с тем классом, от которого они оторвались.

Перед ЦКК предстала и вторая группа головки губернской организации, которая отличается от первой группы тем, что пыталась кое-что сделать, но не сумела, видела безобразные явления, но молчала, расследованию различных заявлений давала такой ход, что они терялись в бесконечной волоките.

О подобного рода коммунистах Ленин писал следующее:

«Самый худший у нас внутренний враг — это коммунист, который сидит на ответственном (а затем на неответственном) посту и который, пользуясь всеобщим уважением, как человек добросовестный, не научился бороться с волокитой, не умеет бороться с ней, ее прикрывает. От этого врага мы должны очиститься, и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся». (Том XVIII, часть 2, стр. 16).

Таким оказался председатель ГКК Никитин. Такими коммунистами оказались укомплектованы смоленские суды и печать. Они знали о некоторых безобразиях, сделали слабую попытку их искоренить, испугались первого же противодействия, сами погрязли в волоките и от всего отмахнулись.

Часть из них уже получила от ЦКК наказание, другую часть нужно обнаружить. Надо через смоленских рабочих, рядовых партийцев и актив добраться, как предлагал Ленин, и до этого типа коммунистов. Нужно перетряхнуть их так, чтобы другим неповадно было.

лацкие хозяйства. И если коммунист сам превращается в кулака, в эксплоататора наемной силы, вместо того, чтобы использовать свои знания, энергию и любовь к сельскому хозяйству с целью развития коллективных форм, то это для автора является высшей партийной добродетелью и достоинством. С этим литературным оформлением и узаконением кулацкой идеологии нужно бороться так же беспощадно и круто, как со смоленским гнойником.

Верхушка губернской партийной организации.

Павлюченко, секретарь губкома, рабочий, проработавший на Смоленской фабрике «Катушка» около двенадцати лет. Зав. агит. отделом губкома Панфилов—крестьянин, окончивший сельскую школу. Председатель губпрофсовета Алексеев—служащий, поставленный рабочими сначала председателем фабкома, а затем избранный ими членом и впоследствии председателем губпрофсовета. Секретарь райкома Болдин—местный рабочий. Эту группу людей, поставленную смоленской партийной организацией на руководящие посты, нельзя валить на одну доску с Покалном. Взятки они не брали, казну не обкрадывали, но оторвались от масс настолько, что не видели безобразий, освещенных выше, не видели безобразий, творящихся и на немногочисленных фабричных предприятиях Смоленска.

На фабрике «Катушка» партийные и беспартийные мастера, пользуясь своим командным положением, вымогали с рабочих взятки, принуждали работниц к половому сожительству, жестоко расправляясь с ними в случае отказа, пьянствовали на дому и в публичных местах и терроризовали рабочих и коммунистическую часть фабрики настолько, что все эти безобразия в течение около четырех лет оставались нераскрытыми. В несколько меньших размерах, но такая же система распущенности и взяточничества, иногда в видоизмененных формах, существовала на Ярцевской фабрике и Рем. Авиозаводе.

Видя ряд подобного рода безобразных явлений, верхушка губернской организации не умела расценить это классово и политически, рассматривая, как случайный эпизод; представителям ЦКК тт. Ляксуткину и Цейтлину, вскрывшим этот гнойник, давались совершенно недостойные политических руководителей наивные об'яснения, а по мере обнаруживания Цейтлиным и Ляксуткиным все новых явлений преступной политики и разложения, руководящая группа губкома стала оказывать им противодействие.

На заседании президиума ЦКК, давая свои об'яснения, бывшая головка смоленской организации обнаружила притупление классового чутья, неспособность к классовому анализу явлений, подходя к разрешению больших вопросов с чиновничьим аршином: собрания, дескать, происходили у нас регулярно, активность на них была удовлетворительной, кое-что мы для борьбы с разложением сделали, теперь у нас несравненно лучше, чем было несколько лет назад и пр.

Шедевром такого рода непонимания вопросов крупного порядка и измерения больших явлений чиновничьим аршином является письмо зав. агитотделом губкома тов. Панфилова одному из своих знакомых. Это письмо Панфилов писал уже после обследования ЦКК. Как об'ясняет он факты, имевшие место в Смоленской губ.?

Приведем выдержку из его письма.

«Сычевка, это—пережиток старого курса еще при тов. Бейке, с которым (курсом) мы не соглашались, боролись и сумели переломить. Здесь ты кое-что знаешь».

Каково? Обрастание коммунистов, превращение их в кулаков, растраты государственных средств,—все это об'ясняется каким-то курсом, каким-то пережитком, переломленным к тому же. До последнего времени в Сычевском уезде происходили явления перерождения коммунистов в деревенскую буржуазию, а Панфилов, после того как представители ЦКК преподнесли ему факты последнего времени в готовом виде, называет это пережитком, к тому же переломленным. Кардымовские безобразия он об'ясняет следующим образом:

«В любом месте можно найти подобные факты, но они преподнесены концентрированно, и в этом вся их значимость». Политическая близорукость и притупление классового чутья так и несет от этого «анализа». Если в любом месте коммунисты сомкнулись с помещиками, кулаками и шинкарями, если в любом месте можно найти открытую и замаскированную передвижку власти от неимущих к имущим слоям, то втуне говорить о диктатуре пролетариата. Это обозначало бы термидор. А ведь тов. Панфилов не является сторонником такого взгляда.

Безобразия на фабрике «Катушка» превращены Панфиловым в какой-то случайный эпизод.

«Трое мастеров фабрики на протяжении времени 1924—28 гг. брали взятки, понуждали работниц к половому сожительству (2—3 факта), двое из них коммунисты».

Четырехлетнее взяточничество и пьяный разгул не со стороны 2—3 мастеров, а около десятка, во главе с председателем губотдела деревообделочников и зажим, вынуждавший рабочих мириться с таким положением, предподнесен Панфиловым, как случайное явление, не имеющее значения.

Это тип людей, оторвавшихся от массы, засосанных кабинетной работой, превратившейся для них в нечто самодовлеющее. Немалую роль сыграло в этом и то, что все они по 10 лет работали лишь в одной Смоленской губ.

Несмотря на их заслуги в прошлом, ЦКК жестоко наказал их, распустив бюро губкома, запретив занимать верхушке губкома ответственные работы и вынеся строгий выговор с предупреждением.

Это мера наказания, а как меру исправления ЦКК предложила послать их на производство, где они могли бы срастись с тем классом, от которого они оторвались.

Перед ЦКК предстала и вторая группа головки губернской организации, которая отличается от первой группы тем, что пыталась кое-что сделать, но не сумела, видела безобразные явления, но молчала, расследованию различных заявлений давала такой ход, что они терялись в бесконечной волоките.

О подобного рода коммунистах Ленин писал следующее:

«Самый худший у нас внутренний враг — это коммунист, который сидит на ответственном (а затем на неответственном) посту и который, пользуясь всеобщим уважением, как человек добросовестный, не научился бороться с волокитой, не умеет бороться с ней, ее прикрывает. От этого врага мы должны очистить, и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся». (Том XVIII, часть 2, стр. 16).

Таким оказался председатель ГКК Никитин. Такими коммунистами оказались укомплектованы смоленские суды и печать. Они знали о некоторых безобразиях, сделали слабую попытку их искоренить, испугались первого же противодействия, сами погрязли в волоките и от всего отмахнулись.

Часть из них уже получила от ЦКК наказание, другую часть нужно обнаружить. Надо через смоленских рабочих, рядовых партийцев и актив добраться, как предлагал Ленин, и до этого типа коммунистов. Нужно перетряхнуть их так, чтобы другим неповадно было.

Режим зажима.

Все эти безобразия, преступления и факты разложения, вскрытые в Смоленской губ., могли оставаться в течение ряда лет нераскрытыми лишь благодаря наличию в организации того слоя «непротивленческих» коммунистов, которых Ленин охарактеризовал «самыми опасными внутренними врагами», а с другой стороны, благодаря зажиму, благодаря подавлению в ней голоса критики и протеста.

О зажиме можно судить хотя бы по тому, что даже такие сравнительно безобидные заметки, как то, что в смоленском авиозаводе уголь вокруг кочегарки рассыпан на земле и смешивается с песком и всякими отбросами, или же что заводские трубы валяются под открытым небом в канаве и портятся, не разрешалось печатать под разными предлогами. Когда смоленская газета напечатала ряд заметок о бесхозяйственности в горкомхозе, а бесхозяйственность и преступления, как это в настоящее время обнаружилось, действительно имели там место, то губернскими работниками был поднят по этому поводу бешеный вой. В ответ на заметку о неправильном распределении горкомхозом квартир, последовала статья председателя горсовета, приписывающая помещение в газете заметки тому факту, что кое - кто из работников печати не получил квартир и поэтому сводит «личные счеты» на страницах газеты. Эту статью редакция, под давлением партийной головки, вынуждена была поместить, дискредитируя себя и партийную организацию перед лицом населения.

Зажим был так велик, что даже после доклада на собрании ячейки фабрики «Катушка» о результатах обследования, доклада, который вскрывал ряд безобразий и преступлений, имеющих место на фабрике, коммунистическая часть рабочих боялась откровенно говорить, а когда раскачалась, то стали выступать почти поголовно все, в результате чего собрание тянулось три дня.

На этом собрании была избрана комиссия, которой поручили расследовать все факты, которые были обнаружены в процессе прений.

В отсутствии представителей ЦКК Цейтлина и Ляксуткина, уехавших на пленум ЦКК, на заседание этой комиссии, происходившей с участием членов бюро цеховых ячеек, явился секретарь райкома Болдин. Это заседание должно было обсудить вопрос о собрании организационного бюро по перевыборам бюро фабричной ячейки и о работе комиссии по проверке заявлений рабочих. Секретарь райкома Болдин заявил, что бюро райкома постановило в организационное бюро включить трех членов райкома, включая его самого. Несмотря на то, что заседание высказалось отрицательно к этому заявлению и голосованием отвергло предложение, все три члена райкома были включены в организационное бюро.

По вопросу о работе комиссии, которой было поручено расследовать заявления рабочих, Болдин заявил, что существование ее нецелесообразно и что все вопросы, которые она должна обсудить, могут с успехом быть переданы РКИ.

Таким образом, даже после вскрытия ряда безобразий, говоривших, помимо всего прочего, о полном отрыве руководящих кадров от масс и о зажиме, культивируемом руководящей головкой, урок нисколько не подействовал—линия зажима продолжала осуществляться.

Сила привычек и традиции.

Рабочий класс по колени еще стоит в грязи прошлого. Грязь, накопленная столетиями, не могла не оставить своего следа на том классе, который призван к перестройке общества. Пример этому—система «клепок», применявшаяся на Ярцевской фабрике. Обозначает она, по существу, взятки, преподносимые в виде угощений начальства вновь поступающими рабочими и переводящимися на более квалифицированные работы. Сила привычек и традиций особенно ярко познается на этом примере. Система «клепок» старее капитализма. В цеховом строе феодализма эта система являлась основой в выдвижении учеников к подмастерьям и подмастерьев к мастерам.

Эта система столетия назад была усвоена капиталистическими мануфактурами и фабриками и так сквозь века попала нетронутой в социалистическую фабрику Ярцева. Такова сила привычек и традиций, которые нам приходится сламывать. Но если грязь накапливалась веками, то из этого нисколько не следует, что для очистки ее тоже требуются века. Из того факта, что бытовые условия пережили много поколений, вовсе не следует, что они переживут в том виде, в каком есть, еще хотя бы одно поколение. А между тем в среде коммунистов нередки рассуждения о том, что быт в теперешнем его виде будет господствующим и среди рабочего класса и среди коммунистов в течение еще многих десятилетий. От этих рассуждений пахнет такой же гнилью, как от системы «клепок». Эти рассуждения лишний раз подтверждают, что грязь прошлого, несмотря на пройденный путь, имеет иногда тенденцию у отдельных представителей рабочего класса, возрастать и подыматься нередко повыше колен.

Классовое общество создавалось тысячелетиями, а пересоздание его, если в классовой борьбе не погибнут оба борющихся класса, отнимет срок, исчисляемый во всяком случае не тысячелетиями и столетиями, а меньшими отрезками времени. Трудно определить сроки полного пересоздания бытовых условий, но неправильно исходным пунктом рассуждений ставить исчисление сроков со времени рождения данного типа быта.

Если при оценке сроков слома старого и постройки нового взять этот критерий, то можно в намечении перспектив докатиться до Каутского.

* * *

О чем сигнализирует смоленское дело?

Во-первых, о том, что смешение в быту с чуждыми элементами может привести даже лучших представителей рабочего класса к перерождению. Пример тому судьба Покална, который предстанет скоро на скамье подсудимых.

Дело Покална не случайный эпизод. Такого рода семейное смешение с чуждыми элементами далеко не единичное явление. Обычно это смешение выходит за рамки семейных отношений и превращается в идеологическое перерождение коммуниста в обывателя, что в свою очередь приводит подчас к преступлениям и гибели.

О перерождении путем смешения в быту с классово-чуждыми элементами свидетельствует также дело кардымовских коммунистов и ряда других волостей. Это—сигнал, над этим следует подумать.

Смоленское дело свидетельствует, во-вторых, о том, что усвоение коммунистами буржуазной идеологии наживы и обрастания неминуемо ведет к перерождению.

Обнаруженный гнойник свидетельствует, в-третьих, о том, что хорошие работники и заслуженные коммунисты, отрываясь от рабочего класса, об'ективно играют роль пособников разгула враждебных сил. Это—тоже сигнал, над этим тоже следует подумать ряду работников партийного и советского аппарата.

Смоленское дело свидетельствует, в-четвертых, о том, что коммунисты, не умеющие бороться с волокитой, отступающие перед препятствиями

и сопротивлениями, играют роль покрывателей преступлений, даже будучи индивидуально честными и незапятнанными.

Вскрытый нарыв говорит, в-пятых, о том, что в условиях, когда часть руководящих кадров отрывается от масс, а другая часть, видя это, молчит, а все вместе культивируют режим зажима, возможно наличие нераскрывающихся в течение некоторого промежутка времени безобразий, приводящих в отдельных пунктах к передвижке власти. Это — тоже сигнал.

И, в-шестых, смоленское дело настоятельно диктует необходимость больше внимания уделять вопросам быта, борьбе с алкоголизмом, превратившимся в социальную опасность, искоренению такого наследства, как система «клепок», и других наследственных болезней.

Основной же вывод, вытекающий из всего хода событий в Смоленской губ., говорит о том, что лишь контролем масс и беспощадной самокритикой возможно в зародыше предотвратить растущие болезни. Только в условиях подавления голоса масс и ее критики мог вырасти смоленский гнойник.

Кто не прислушается к этим сигналам, не учтет их, а успокоится на лаврах казенного благополучия при наличии подобных язв у себя в организации, на тех партия должна обрушить двойную кару по сравнению со смолянами.

А. Боссе.

Капиталистическое развитие сельского хозяйства Соед. Штатов.

Сельское хозяйство Америки быстро развивается в капиталистическом направлении, оставляя за собой массы экспроприированных фермеров. Оно чрезвычайно увеличивает свою продукцию, хотя страна и без того уже насыщена сельскохозяйственными продуктами и производство превышает спрос, при чем цены нередко падают ниже производственных издержек широких категорий фермеров. За пять лет 1922—1926 гг. десять миллионов фермеров и их семейств покинули фермы, в среднем два миллиона человек в год; в общем чистое уменьшение „сельскохозяйственного" населения, принимая в расчет миграцию его, а также рождаемость и смертность, составило за семь лет до 1 января 1920 г. три миллиона и три четверти. Статистика цен на сельскохозяйственные продукты, дохода, банкротств, задолженности, обложения и пр. показывает нам причины этого бегства фермеров, принявшего столь грандиозные размеры. Одной из этих причин было чрезвычайное увеличение продукции вследствие введения капиталистических методов. Наш очерк посвящен рассмотрению этой стороны развития американского сельского хозяйства.

Когда 50—60 лет назад впервые начали применять земледельческие машины в фермерском хозяйстве, в результате чрезвычайно увеличилась с.-х. продукция. Средняя возделываемая на душу площадь возросла с 1850 г. от 11 до 30 акров; это увеличение проистекало главным образом от применения машин. От начала текущего столетия производительность американского сельского хозяйства увеличилась почти на 50%; половина этого увеличения приходится на время от 1910 г., а самое большое увеличение приходится на последние несколько лет. Благодаря механизации американского сельского хозяйства, роль последнего в мировом сельском хозяйстве выражается в следующих цифрах: Соед. Штаты производят 70% всей мировой продукции хлебозерна, 60% всей мировой продукции хлопка, 50% всей мировой продукции табака, 25% всей мировой продукции овса, 20% всей мировой продукции пшеницы, льна и пр.

К числу новейших машин, применяемых в американском сельском хозяйстве, принадлежат комбинированные жатвенные машины и молотилки для пшеницы, косилки для ржи, различные новые машины для сбора хлопка, тракторы и т. д. Все они еще не применяются в очень широких размерах, но не подлежит сомнению, что они произведут новую революцию в технике сельского хозяйства. Вышеприведенные цифры говорят в пользу колоссального увеличения продукции в дальнейшие десять лет в результате этого процесса рационализации сельского хозяйства.

Во время войны, а также после нее трудно было получить с.-х. рабочих на время жатвы; это послужило стимулом для применения комбинированных машин, которые заодно являются и жатвенными машинами и моло-

тилками. Эти машины собирают пучки колосьев, срезывают их, молотят и очищают зерно; это делает излишними всех рабочих за исключением машиниста и нескольких подсобных рабочих. Вначале эти комбинированные машины употреблялись только на больших культивирующих пшеницу фермах на запад от Скалистых гор. После 1918 г. сильный недостаток в сельскохозяйственных рабочих побудил меньшие фермы на восток от Скалистых гор тоже ввести эти машины, и это нововведение оказалось весьма успешным. Фабрики стали производить специальные типы таких машин, приспособленные к восточным фермам и стоящие от одной до 3 тыс. долларов в зависимости от размеров машины. Для обслуживания самой малой из этих машин достаточно одного рабочего.

В 1926 г. издержки на рабочих при сборе пшеницы были гораздо ниже, чем в предыдущие годы, когда упомянутые машины не вошли еще в широкое употребление. При употреблении комбинированных жатвенных машин общие издержки составляли 1,47—1,50 доллара на акр. Средние издержки при косилках и молотилках составляли 3,36—4,22 доллара с акра. Таким образом, комбинированная жатвенная машина сделала возможным получать прибыль от участков, приносящих 3 бушеля и меньше с акра и являющихся при ручном труде недоходными. Министерство земледелия считает, что применение комбинированной жатвенной машины прибыльно для участков, начиная от 100 акров. Средняя ферма в пшеничной полосе (Wheat Belt, Северо-Западный Центральный район) имеет 150 акров, но многие владельцы комбинированных машин, имея меньшие участки, обслуживают своими машинами соседей. Комбинированные машины работают лучше других. Потери составляют только 1—2% против 3,3—6,1% при других машинах в области Великой Равнины (Great Plaine). Итак, комбинированная жатвенная машина сберегает в среднем около 2 бушелей пшеницы с акра, кроме того, сберегает время и труд 3—5 рабочих («New-York Times», 11/IX 1927).

Газета «Wall-Street Journal» считает, что фабрики земледельческих машин продали 15 тыс. комбинированных жатвенных машин и что с помощью этих последних снята была в 1927 г. половина всей жатвы. Эти машины сыграют важную роль в ускорении перехода к крупным фермам. В одном штате Канзас в 1927 г. было в употреблении 10 тыс. таких машин, на 25% больше, чем в предыдущем году, и каждая такая машина заменяла трех рабочих-жнецов. Департамент земледелия в штате Канзас констатирует, что «потребность в пришлых рабочих уменьшилась почти на 50%, это сокращение вызвано было в значительной мере применением жатвенных машин; за последний год урожай пшеницы был вторым по величине за все время, но благодаря этим машинам потребность в рабочих не превышала цифру нормального времени, составляющую для всего штата 30 тыс.». («United Farmer», ноябрь 1927 г.). Во всей западной пшеничной полосе (Western Wheat Belt) жатвенные машины, как полагают, вытеснили 80—90 тыс. рабочих. В известной мере эти машины об'ясняют тенденцию к увеличению посевов пшеницы, имеющую место, несмотря на то, что каждый год дает излишки и цены часто падают ниже производственных издержек. Политики Соединенных Штатов все время толкуют об уменьшении посевной площади сборов, однако, применение машин имеет совершенно противоположный результат.

Новые косилки для ржи получили широкое распространение. Они тоже сберегают труд. Разница между механической и ручной работой составляет от 10 до 43 бушелей в день на человека. Эти косилки все время совершенствуются, и в дальнейшем возможно еще бо́льшее увеличение производительности. Машина стоит 400 долларов, а на ремонт приходится 16 долларов в год. Фермы небольших размеров должны употреблять ее совместно. При ручной работе человек может скосить (и собрать в снопы) полтора акра в день при благоприятных условиях; обычно 1 акр в день считается хорошей работой, но косилка с тремя лошадьми в состоянии скосить 7 акров за 10-часовой рабочий день. Косилки употребляются двух типов (cutting и picking); первые применяются тогда, когда фермер желает полностью использовать солому для прокорма скота. При применении тракторов разница в пользу машин еще больше.

Однако, необходимость машин острее всего чувствовалась в хлопководстве. Это была самая трудная проблема, и только в настоящее время она, повидимому, нашла свое разрешение. Экономические и социальные результаты механизации сбора хлопка будут огромны, в особенности в южных штатах, производящих главным образом хлопок. Во многих из этих штатов неграм не позволяли переселяться на север; эти меры вызваны были недостатком сельскохозяйственных рабочих. Негров превращали в рабов, будь то с помощью террора Ку-Клукс-Клана или арестов, отдающих их в руки частных предпринимателей, которые немилосердно эксплоатируют их. Успешная механизация сборов хлопка, несомненно, поведет к усиленному отходу негров в промышленность северных штатов, а так как большинство негров Соединенных Штатов не организованы, то это должно будет в значительной мере ухудшить положение промышленных рабочих.

Эта новая машина собирает вместе с хлопком «коробочки», в которых он находится, ветки, листья и пр.; для отделения хлопка от оболочек служит специальный экстрактор, большинство джинов (прессов для хлопка) в Западном Техасе и Оклагоме снабжены теперь такими экстракторами. Один рабочий с упряжкой лошадей может собрать с помощью машины в пять—семь раз больше хлопка, чем ручным способом. В графстве Леббок в Техасе в 1927 г. требовалось в среднем для получения кипы хлопка в 500 фунтов пять часов машинной работы, тогда как в том же округе для получения кипы хлопка ручным способом требовалось 50 часов. Применение трактора еще больше увеличивает производительность новой машины. По словам экспертов федерального министерства земледелия, работа трактором вдвое производительнее работы с обычной упряжкой в четыре лошади. В районе Corpus Christi в Техасе двухрядная сеялка с упряжкой в четыре лошади засевала в 1926 г. в среднем в день 14,3 акров, тогда как четырехрядная сеялка с трактором 35,7 акров; ту и другую работу производил один рабочий. С помощью трактора один рабочий вспахивал 43,5 акра в день, а с помощью двухрядного конного плуга—только 15,4 акров. Сборы хлопка с помощью машины уже описаны нами выше.

«Интернациональное общество жатвенных машин», крупнейший трест земледельческих ма́шин, изобрело новые машины для собирания и очистки хлопка. Они находятся еще отчасти в стадии опытов, но можно не сомневаться, что либо они, либо другие машины, построенные на аналогичных принципах, скоро окажутся вполне отвечающими своей цели. Хлопкособирательная машина в особенности подходит для работы на низменностях и других южных территориях, где продолжительный сезон и неравномерное созревание хлопка не позволяют снять всю жатву сразу. Эта машина собирает одновременно созревающий хлопок и не открывшиеся еще «коробочки». Для всей работы требуются только два человека: один управляет машиной, другой—трактором. Эти два рабочих могут собрать от 2 до 5 кип в день, тогда как при ручном способе на это требуется 8—15 дней. При этом хлопок оказывается также более высокого качества, чем при ручной работе. Надеются также, что тысячи кип хлопка, пропадающие при старом способе в виде неиспользованных остатков на полях, будут использованы при машинной работе. Развитие сельского хозяйства дошло теперь до такой стадии, что используются даже свиньи в скотобойнях и чуть ли не само хрюканье свиньи может быть использовано для граммофонных пластинок.

Для поливания хлопка раствором кальция сульфата, убивающего жучков-вредителей, пользуются обыкновенно упряжкой лошадей или мулов. С этой целью стали применять также аэропланы, потому что они работают скорее и при благоприятных условиях также дешевле, чем животная тяга. Некоторые общества применяют теперь аэропланы для таких предохранительных поливок хлопковых плантаций.

Изобретены также машины для сушки люцерны (альфальфы). Они устраняют риск, проистекающий от условий погоды, ускоряют и удешевляют сушку и дают сено более высокого качества. Изобретатель этой машины А. И. Мезон высказывается в том смысле, что обыкновенный фермер должен сойти со сцены точно так же, как мелкий сапожник: «его должна заменить форма фермерского хозяйства, напоминающая более фабрику, нежели ферму; если наши фермеры не в состоянии будут подняться до этой стадии, они превратятся во второразрядных хозяев, а потом и просто в крестьян» («N.-Y. Times», 9/I 27). Прибавим, что действительно грядущее фабричное «фермерство» низведет фермера на положение фабричного земледельца.

Были изобретены также машины для отборки хороших ягод от порченых. Химики министерства земледелия, изобревшие эту машину, подвергли ее испытаниям в летний сезон 1926 г., при чем в штате Майн сбережено было ягод на 1 млн. долларов—без этой машины они были бы негодны для консервного производства и были бы чистой потерей фермеров. Одна машина пропускает в день 350—500 бушелей. Сортировка ягод ручным способом обошлась бы столь дорого, что не окупалась бы («U. S. Daily», 22/III 27).

Нижеследующая таблица показывает число тракторов, бывших в употреблении в 1920 г. [1]).

	Число ферм, давших свед.	% ферм с тракторами	Число тракторов	% тракторов
Соединенные Штаты	229.332	3,6	246.083	100
Новая Англия	2.245	1,4	2.397	1
Средне-Атлантическая область	13.240	3,1	14.140	5,75
Северо-Восточная центральн. обл.	55.413	5,1	58.092	23,5
Северо-Западная центральн. обл.	92.123	8,4	97.884	40
Южно-Атлантическая область	10.460	0,9	11.229	5
Юго-Восточная центральная обл.	5.044	0,5	5.379	2
Юго-Западная центральная область	17.435	1,8	19.892	8
Горная область	15 865	6,5	17.513	7
Тихоокеанская область	17.507	7,5	19.557	9

От 1920 г. до 1925 г. число тракторов, находящихся в употреблении, увеличилось свыше 100% и достигло цифры 506 тыс. От 1925 г. по 1927 г. оно увеличилось на 38% и составило 700 тыс. («N.-Y. Times», 9/X 27).

Инженер министерства земледелия К. Д. Кинсман в своем исследовании «Оценка количества механической силы в фермах Соединенных Штатов» (июль 1925 г.) считает, что 60% производственных издержек американского сельского хозяйства в 1924 г. приходилось на рабочих и машины. Ежегодно использовались 16 млрд. лошадиных сил-часов, из них 880 млн. приходилось на электрическую энергию и 6.400 млн. на механическую силу. Из всей суммы затраченной энергии 80% были использованы непосредственно в производстве и сбыте. За время от 1880 до 1924 г. количество механической силы в сельском хозяйстве увеличилось на 800%. Число лошадиных сил на одного рабочего увеличилось вдвое, а число машин на рабочего увеличилось в 10 раз. Каждый рабочий обслуживает теперь вдвое большую площадь.

[1]) Abstract of 14 Census of 1920, p. 748.

До 1890 г. все количество энергии в сельском хозяйстве Соединенных Штатов получалось от животной тяги, но за первые 25 лет текущего столетия пар, газ и электричество получили широкое распространение. В 1890 г. животная тяга составляла в фермерском хозяйстве Соединенных Штатов 20 млн. лошадиных сил. В 1924 г. животная тяга осталась на том же уровне, но прибавилась механическая энергия в размере 25 млн. лош. сил, а именно тракторы, грузовики, стационарные паровые и газовые машины, моторы и т. д. Сравнивая пятилетие 1917—1921. гг. с пятилетием 1922—1926 гг., мы видим, что производительность труда увеличилась в шесть раз главным образом благодаря машине.

От 1850 г. до 1910 г. число лошадей в фермерском хозяйстве Соединенных Штатов постоянно увеличивалось, но после 1910 г. происходит постоянное уменьшение отчасти вследствие постепенной экспроприации многих фермеров, отчасти вследствие обеднения других слоев фермеров и, наконец, также вследствие широкого распространения автомобилей, грузовиков, тракторов и других земледельческих машин. Британский департамент внешней торговли в своем отчете об экономическом положении Соединенных Штатов—отчет вышел в 1927 г.—заявляет, что за последние 10 лет употребление машин сократило число лошадей в сельском хозяйстве Соединенных Штатов на 5 млн. («Report on Economic Conditions in the U. S.», Dept. of Overseas Trade, London, 1927, p. 24).

1 января 1928 г. число лошадей в фермерском хозяйстве Соединенных Штатов упало до своей низшей точки за все последние 40 лет. Число жеребцов, родившихся в 1927 г., не указывает на тенденцию к увеличению; число лошадей будет падать также в дальнейшем. Даже число мулов, постоянно увеличивавшееся от 1850 до 1926 г., начало с тех пор падать, и эта тенденция, повидимому, носит окончательный характер. Ниже мы приводим таблицу числа лошадей и мулов. Эта таблица показывает, что при капиталистическом развитии сельского хозяйства число животных в отличие от числа машин падает [1]).

Годы	Лошади	Мулы	Итого
	В миллионах		
1910	19,83	4,30	24,13
1920	19,77	5,50	25,27
1925	16,49	5,73	22,22
1926	15,83	5,73	21,56
1927	15,15	5,68	20,83
1928	14,54	5,57	20,11

Число лошадей в городах и деревнях не приводится отдельно. В 1920 г. число лошадей составляло (здесь) до 8,5% всего числа лошадей, а число мулов около 7%. Тот же самый процент может быть принят для последующих лет, хотя, несомненно, число лошадей и мулов в городах уменьшалось еще гораздо быстрее, чем на фермах.

Нижеследующая таблица показывает число автомобилей, грузовиков и тракторов в фермерском хозяйстве Соединенных Штатов в 1920 г. Для каждой области приводится абсолютное число, а также процент ферм данной области, имеющих автомобили, грузовики и тракторы [2]).

[1]) «U. S. Daily» 3/XI 27, 26/I 28; Abstract of 14 Census of U. S. of 1920, p. 750—1.
[2]) Abstract of 14 Census of 1920, p. 748.

	Автомобили		Грузовики		Тракторы	
	Абс.	В%%	Абс.	В%%	Абс.	В%%
Новая Англия	44.754	25,7	8.119	4,7	2.397	1,4
Средне-Атлантическая обл.	164.939	35,2	22.011	4,8	14.140	3,1
Северо-Восточн. центральн. обл.	550.858	47,3	26.074	2,3	58.092	5,1
Северо-Западн. центральн. обл.	693.032	57,6	33.375	2,9	97.884	8,4
Южно-Атлантическая область	200.103	16,2	15.787	1,3	11.229	0,9
Юго-Восточная центральн. обл.	86.141	7,8	5.153	0,5	5.379	0,5
Юго-Западная центральн. обл.	184.275	17,4	9.455	0,9	19.892	1,8
Горная область	98.727	37,6	7.589	2,9	17.513	6,5
Тихоокеанская область	123.533	47,2	11.606	4,6	19.557	7,5
Соединенные Штаты	2.146.362	31,0	139.169	2,0	246.083	3,6

В 1926 г. число автомобилей и т. д. на американских фермах составило 4.852.000. Отчет британского правительства подчеркивает, что число автомобилей, тракторов и т. д. так сильно увеличилось, а в будущем надо ожидать столь сильного дальнейшего увеличения, что «по всем вероятностям, Соединенные Штаты в течение целого ряда лет будут иметь избыток сельскохозяйственного производства, несмотря на увеличение своего населения, которое возрастает в общем на полтора процента в год». Конечно, это сверхпроизводство и происходящая в быстром темпе экспроприация фермеров являются неизбежным результатом проникновения капитализма в сельское хозяйство Соединенных Штатов.

Ниже мы приводим таблицу, показывающую резкое сокращение числа машин в сельском хозяйстве Соединенных Штатов в результате грандиозного кризиса, начавшегося в 1921 г. [1]).

	1920 г.	1921 г.	1924 г.	Уменьшение от 1920 на 1921 г. %%
Газовые тракторы	161.896	52.540 (1922 г.)	73.855	67.
Сеялки	21.612	5.870	8.659	73
Жатвенные машины	30.626	8.977	14.898	71
Культиваторы	17.296	6.545	13.467	62
Все машины	471.422	222.908—	283.414	53
„ „ (стоимость)	721 млн. дол.	412 млн. дол. (1922 г.)		43

Число тракторов, проданных в 1921 г., не приводится в статистике. Продукция тракторов показывает сильное уменьшение в этом году сравнительно с предыдущим. В 1922 г. мы имеем некоторое увеличение сравнительно с 1921 г. Это распространяется также на цифры всех проданных машин. В действительности уменьшение от 1920 на 1921 г. меньше показанного в таблице, потому что в последней не принято во внимание падение цен. Национальное промышленное бюро полагает, что резкое падение цен на строения, машины и орудия и т. д. «вероятно, отражает уже отмеченный факт, что в периоды депрессии откладываются расходы на содержание инвентаря и оборудования». Мы сказали бы, что для многих фермеров эти расходы напрасны, так как эти фермеры имеют весьма мало шансов на улучшение своего положения. Это один шаг вперед к банкротству и разорению, которые знаменуют собой проникновение капитализма в сельское хозяйство.

Впрочем, после 1921 г. применение машин постоянно растет, хотя очень многие фермеры не в состоянии были оправиться после кризиса. Многие фермеры, находящиеся и без того в тяжелом положении, вынуждены были войти в долги, увеличить свою задолженность, но даже они должны были увеличить и улучшить свой инвентарь, чтобы вообще продержаться,

[1]) «The Agricultural Problem», National Industrial Conference Board, New-York, 1926, p. 136; 1925—Yearbook of Agriculture, Washington, 1926, p. 1364.

хотя и временно. Преимущества зажиточных фермеров перед бедными фермерами возросли, благодаря более широкому применению машин. Ниже мы приводим таблицу, показывающую рост применения машин после 1924 г. К сожалению, имеющиеся статистические данные показывают только общую цифру стоимости машин, а не число их в последние годы, они не дают также цифр на одну ферму или на акр площади. Тем не менее, таблица ясно показывает увеличение постоянного капитала в сельском хозяйстве.

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
	в миллионах долларов		
Все машины	323,4	391,8	461,4
Увеличение сравн. с пред. годом		21,2%	17,5%
Тракторы	82,5	121,1	145,9
Жатвенные машины	29,7	28,4	46.0
Сеялки и культиваторы	14,6	20,9	26,6
	В штуках.		
Число тракторов	120.643	167.553	181.995
Число возов с конной упряжкой	—	128.963	83.547

Из всего производства земледельческих машин в 1926 г. свыше 83% было продано в Соединенных Штатах, а остальное было экспортировано. Уменьшение числа возов с конной упряжкой является, конечно, результатом растущего применения автомобилей и соответствует тому сокращению количества лошадей, о котором мы уже говорили выше.

Особая комиссия, назначенная государственным секретарем земледелия Jardine и сообщившая результаты своих работ в сентябре 1927 г., нашла, что в сельскохозяйственные машины фермеры вложили более 4 млрд. долл. и что в 1925 г. затрачено было на них свыше 330 млн. дол. Комиссия рекомендовала увеличение применения машин, подчеркивая, что это даст большие сбережения, так как расходы на энергию и рабочих составляют в среднем 60% всех производственных издержек в зерновом хозяйстве («U. S. Daily», 22/IX 27). Заметим, что эти господа по понятным причинам не говорят о том, как отражается растущее применение машин и увеличение сельскохозяйственной продукции на фермерах, которые уже разорены или находятся накануне их экспроприации.

Приводим таблицу, в которой показано применение машин различными категориями ферм в 1920 г.

	% всего числа ферм.	Стоимость машин и орудий.	% стоимости машин и оруд.
Малые фермы (до 100 акров)	63,1	1.015 млн. дол.	28,4
Средние (100—175 акров)	22,5	1.032 „ „	28,7
Крупные (175—1000 акров)	17,9	1.382 „ „	38,4
Латифундии (от 1000 акров)	1,0	164 „ „	4,6

Эта таблица показывает, что крупные фермы в бóльшей мере применяют машины, чем мелкие. Хотя мелкие фермы составляют 63,1% всего числа ферм в Соединенных Штатах, на них приходится только 28,4% земледельческих машин и орудий, тогда как на крупные фермы, составляющие всего 17,9% общего числа ферм, приходится машин и оборудований 38,4% или почти вдвое больше.

В нижеследующей таблице показаны по различным территориальным областям число ферм и возделываемая площадь.

Распределение с.-х. машин в 1920 г.

	%% ферм.	%% площади.	%% машин и орудий.
Север:			
Новая Англия	2,43	1,22	2,57
Средне-Атл. обл.	6,59	5,28	9,99
Сев.-Вост. центр. область	16,82	17,47	21,87
Сев.-Зап. центр. область	17,01	34,07	32,35
Итого	42,85	58,04	66,78
Юг:			
Южно-Атл. область	17,97	9,64	7,90
Юго-Вост. центр. область	16,31	8,82	4,90
Юго-Зап. центр. область	15,45	12,76	8,65
Итого	49,73	31,22	21,45
Запад:			
Горная область	3,79	5,98	5,31
Тихоокеанская область	3,63	4,76	6,46
Итого	7,42	10,74	11,77

На большие хлебопроизводящие штаты северных центральных районов указывают, как на лучший пример капиталистического развития сельского хозяйства: здесь большие фермы, широко применяются сложные машины и пр. Сопоставляя число ферм с процентом всей стоимости машин, можно было бы считать наиболее капиталистической Северо-Западную Центральную область с ее преобладанием экстенсивного хозяйства, так как на эту область приходится треть всех машин при всего одной шестой части всего количества ферм. Район Новой Англии имеет 2,43% всех ферм и почти такой же процент всех машин: 2,57%. Но, с другой стороны, мы видим, что в Новой Англии процент машин и орудий более чем вдвое превышает процент возделываемой площади и что пропорция между ними в Средне-Атлантическом районе тоже приблизительно такая же. С другой стороны, в Северо-Восточном Центральном районе процент машин и орудий только на одну четвертую часть превышает процент всей площади, а в Северо-Западном Центральном районе первый процент на 5% меньше второго.

На север приходится 58,4% всей возделываемой фермерской площади (improved land) Соед. Штатов и 66,78% всей стоимости с.-х. машин и орудий. На юг с его 31,22% возделываемой площади приходится только 21,45% машин, а на запад с 10,74% возделываемой площади приходится 11,77% машин. Принимая во внимание цифры рабочих и удобрения, а также более коммерческий тип хозяйства севера, можно заключить, что сравнительно с другими районами север отличается более интенсивной культурой и более капиталистическим развитием. На большие северо-центральные районы пшеницы и ржи, взятые в целом (Северный Центральный район), приходится 54,22% всех машин, больше, чем на все другие районы. Юг значительно отстает от других штатов, но быстро увеличивает свое машинное оборудование, в особенности «Новый Юг», Юго-Западный Центральный район. (Abstract of 14 Census of 1920, p. 604).

Ленин в своем сочинении: «Новые данные о законах капиталистического развития сельского хозяйства. Капитализм и сельское хозяйство в

Америке» подчеркивает, что «средняя величина фермы здесь (Северо-Западный Центральный район) больше, чем в каком бы то ни было другом районе Соединенных Штатов, и быстро возрастает. Обыкновенно этот район выставляют... как образец капиталистического сельского хозяйства в Америке. Эта общепринятая точка зрения ошибочна... она покоится на смешении примитивной формы экстенсивного хозяйства с технически прогрессивной интенсификацией сельского хозяйства». Он говорит даже, что «чем крупнее среднее хозяйство, тем больше процент хозяйств, употребляющих новейшие машины, и тем больше число машин, находящихся в употреблении. Преимущество крупного хозяйства в этой, крайне важной области доказано полностью и безусловно. Американские статистики поступают здесь тоже несколько оригинально: они не указывают числа орудий и машин, а приводят только общую стоимость тех и других». Эти замечания Ленина вполне правильны относительно Северо-Западного Центрального района и сугубо правильны в настоящее время с его огромным увеличением числа тракторов и других новейших машин сравнительно с тем, что было 15 лет назад, когда это писалось Лениным. Но если брать для сравнения не всю площадь и не число ферм, а только так называемую improved land (возделываемую площадь),—это будет точнее,—то этот район оказывается менее развитым в капиталистическом отношении, чем Северо-Атлантические районы с их электрическими машинами для доения, с их сепараторами, мызами, огороднической культурой, интенсивным применением наемного труда, удобрения и пр. и пр. Как подчеркивает Ленин: «Необходимо заметить, что, если принять во внимание стоимость машин, земли, скота, строений и пр. на акр всей площади, а не только возделываемой площади, то интенсивность сельского хозяйства Северных Штатов оказывается не столь высокой».

Ленин утверждает даже, что районы интенсивного сельского хозяйства на севере (Новая Англия и Средне-Атлантический район) «занимают первое место», тогда как «штаты Северо-Западного Центрального района, которые считаются поверхностными наблюдателями за образцовые, остаются далеко позади в смысле применения машин и капиталистического способа производства». В другом месте Ленин говорит следующее: «Тот район (Новая Англия), который, судя по площади, имеет с а м ы е м а л ы е фермы, в то же время, оказывается, имеет самые большие сел.-хоз. инвестиции в образе машин... В смысле применения машин малые фермы оказываются крупными фермами».

В качестве другого показателя капиталистического развития сельского хозяйства Ленин подчеркивает употребление наемного труда. Он пользуется данными 1909 г.; мы не имеем цифр из позднейшего времени для прямого сопоставления с этими данными, но если взять другие цифры о территориальном распределении наемного труда по районам в 1927 г., то они вполне подтверждают мысль Ленина: 1 сентября 1927 г. в фермах Северно-Центрального района, которые гораздо крупнее, нежели фермы Северно-Атлантического района, приходилось только 0,70 наемных рабочих на одну ферму, тогда как в этих последних приходилось на одну ферму 1,06 наемных рабочих; итак, в первом случае на 50% меньше. Если сравнить употребление удобрения, другой важный показатель интенсификации земледелия, мы находим подобные же отношения.

Относительно наемного труда Ленин писал следующее: «Главным признаком и показателем капитализма в сельском хозяйстве является наемный труд. Мы видим рост применения наемного труда и машин в о в с е х районах Соединенных Штатов и во всех областях сельского хозяйства. Число наемных рабочих увеличивается скорее роста сельского населения или всего населения страны. Рост числа фермеров отстает от роста цифры сельского населения.

Классовые противоречия усиливаются и обостряются». Это подтверждается в главном цифрами следующей таблицы [1]):

	1900 г.	1910 г.	1920 г.	1900—1910 г.	1910—1920 г.
	в миллионах.			Увеличение в %	
Все население.	76,0	92,0	105,7	21	15
Число всех занятых в сел. хоз.	10.4	12,1	10,5	16	—13 (умен.).
Число фермеров	5,7	6,0	6,4	5	8
Число наемных рабочих. . . .	2,02	2,57	2,65	27	0,03
% с.-х. рабочих ко всему числу занят. в с. х.	19%	22%	24%	3	2
Сельское население	45,6	49,8	51,4	9,2	3,2
% его ко всему населению . .	60%	54,2%	48,6%	—5,2 (ум.)	—5,6 (ум.).

Другой статистики, кроме данных этой таблицы, не имеется, но американское статистическое ведомство (Census Bureau) допускает, что они обманчивы, поскольку число наемных с-х. рабочих в 1920 г. указывается в 2,1 миллиона. Это кажущееся уменьшение числа с.-х. рабочих в 1920 г. сравнительно с 1910 г. правительственное статистическое бюро об'ясняет следующим образом: «Уменьшение в 1910 г. и 1920 г., надо полагать, об'ясняется главным образом (подчеркнуто нами. *А. Б.*) тем обстоятельством, что день переписи был перенесен с 15 апреля в 1910 г. на 1 января в 1920 г.». Конечно, лишь немногие фермеры держат в середине зимы столько же рабочих, как весной. В 1926 г. число с.-х. рабочих возросло от 1 февраля по 1 апреля на 20%; если увеличить на 20% цифру, приводимую для 1920 г., а именно: 2,1 млн., то мы получаем для 1 апреля 2,5 млн.,—эта цифра и приведена выше в нашей таблице. Процентная поправка должна быть еще больше, так как необходимо принять во внимание также первую половину апреля, не дату 1 апреля, а дату 15 апреля. Если же брать цифры за 1 июля или 1 сентября, что более правильно в виду тех с.-х. рабочих, которые нанимаются летом на время жатвы и пр., то число рабочих будет на 30% больше, чем к 1 апреля. Это подтвердит вплоть до 1927 г. констатированную Лениным тенденцию, что рост числа с.-х. рабочих превышает рост сельского населения, а также всего населения («Crops and markets», July, Sertember 1927. Bureau of Agricultural Economics, Department of Agriculture). В 1919 г. расходы на с.-х. рабочих превышали на 100% те же расходы в 1909 г. Это нельзя об'яснить исключительно падением покупательной силы доллара, ибо заработная плата с.-х. рабочих увеличилась за этот период только на 75%, а розничные цены пищевых продуктов—только на 70%. Расходы на наемных рабочих увеличились во всех районах, а также во всех штатах, за исключением Алабама и Миссисипи, где возросшее употребление Croppers [2]) и т. п. сделало излишним увеличение числа регулярных наемных рабочих (Abstract of 14 Census, p. 746). Даже от 1924 г. к 1927 г. (1 сентября) число с.-х. рабочих увеличилось на 9%, тогда как число помогающих по хозяйству членов семьи увеличилось только на три четверти процента. На севере число наемных с.-х. рабочих уменьшилось на 5%, но число помогающих по хозяйству членов семьи уменьшилось в два раза сильнее. На юге число наемных рабочих несколько увеличилось, тогда как число помогающих по хозяйству членов семьи увеличилось весьма значительно (12—17%)—к работе были привлечены здесь все члены семейств арендаторов и «бедных белых» фамилий. На Западе число наемных рабочих сильно увеличилось (на 50%), тогда как число помогающих по хозяйству членов семьи уменьшилось за эти три года на 10 % («Crops and Markets» Semtember 1927, p. 339).

---

[1]) Источники: Ленин. Об америк. сельск. хозяйстве; Abstract of 14 Census of 1920, pp. 483, 18, 74.

[2]) Лиц, берущих в аренду снятие урожая.

На юге заработная плата составляет половину заработной платы на западе и пять восьмых заработной платы на севере. Говоря о капиталистическом характере фермерского хозяйства, мы должны иметь в виду, что помимо рабочих на фермах, фактически арендаторы работают на крупных землевладельцев, а мелкие фермеры и их семьи закабаляются банкирами, железными дорогами, хлебными спекулянтами-биржевиками и т. д. Этот процесс быстро прогрессирует; вот где центр тяжести в эволюции американского сельского хозяйства в сторону капитализма. Даже в южных штатах, где, казалось бы, широкое привлечение негров к croping (отдача в аренду жатвы) и другим видам аренды должно было бы сделать ненужным увеличение числа наемных рабочих (ибо эти арендаторы—фактически рабочие, как признают также многие экономисты из министерства земледелия), мы констатируем увеличение применения наемного труда. Это обстоятельство имеет важное значение, хотя относительно увеличение числа наемных рабочих меньше увеличения числа помогающих по хозяйству членов семьи.

Американское сельское хозяйство уже в настоящее время носит в широкой мере капиталистический характер в том смысле, что американский фермер является товаропроизводителем и обыкновенно производит один или два специальных продукта для продажи на городском рынке. Только около 20% всей продукции фермерского хозяйства потребляется самими фермерами. Американский фермер работает для прибыли и в любой момент готов оставить свою ферму и перейти на другой участок земли, обещающий ему больше прибыли. Об этом свидетельствует большая текучесть состава арендаторов, но также и собственников ферм.

Даже консервативные хозяйственники вынуждены признать, что американское сельское хозяйство все в большей мере принимает капиталистический характер. Национальное Промышленное Бюро («Agricultural problem», p. 126) высказывается по поводу аренды следующим образом: «Это показывает, что у нас происходит переход к другой форме сельского хозяйства, отличающейся бо́льшим распределением риска; сельское хозяйство становится более товарным хозяйством (подчеркнуто нами. *А. Б.*) и утрачивает свой личный и семейный характер, это вредно отзывается на составе нашего фермерского населения и на качестве наших сельскохозяйственных ресурсов». Железнодорожный и банковый магнат B. F. Yoakum («Manufacturers Record», цит. в «Daily Worker» от 5. V. 1927), выразил это еще сильнее, заявив, что фермерское хозяйство «принимает акционерный характер» (is becoming corporationished), что богатые горожане «во все растущей мере становятся собственниками ферм... от арендатора рукой подать к положению простого крестьянина».

Иллюстрацией того, в каком направлении развивается американское фермерское хозяйство, может служить «фермерское общество (Corporation) Кемпбелля» в Хардин, штат Монтана; оно культивирует пшеницу и имеет площадь в 100.000 акров, это—самая большая пшеничная ферма в мире. Здесь совсем не применяется животная тяга и сравнительно мало рабочих. Пахота, посев, жатва и обмолот производятся в грандиозном масштабе машинами. Производственные издержки уменьшались с каждым годом, пока в 1926 г. они дошли до 8 долларов на акр. Сопоставьте с этим официальный, выставленный правительством стандарт в 16,50 долл. для образцовой фермы. Комбинированные жатвенные машины и молотилки употребляются на этой гигантской ферме в большом количестве, они сократили время обработки с трех часов до трех четвертей часа на один акр. Эти машины были с успехом применены также для других злаков, как-то: овса, ячменя, ржи, бобов, клевера и люцерны.

Кемпбелль смотрит на сельское хозяйство, как на отсталую промышленность, которая должна быть развита по примеру и образцу фабричной

промышленности, но в известных пределах, ставимых естественными условиями. Он считает, что сельское хозяйство должно разрешать проблему высоких производственных издержек таким же образом, как это делают другие отрасли промышленности: с помощью применения машин, квалифицированного труда техников и ведения хозяйства в широком масштабе. Он видит неограниченные возможности в об'единении ферм в крупные единицы на акционерных началах. Он рассуждает следующим образом: «...Фактически вся фермерская земля в наших производящих пшеницу и рожь штатах может обрабатываться по промышленным методам, они будут способствовать уменьшению производственных издержек... Массовое производство, низкие издержки на акр и увеличение индивидуальной выручки... Во всех других отраслях промышленности Соединенных Штатов выработка рабочего увеличилась... Об'единение фермерского хозяйства представляет не более трудную проблему, чем об'единение производства обуви» («N.-Y. Times», 9. I. 1927).

Другим интересным примером об'единения фермерского хозяйства является образованное шестью фермерами «Пшеничное Фермерское Общество в Hays, в штате Канзас» с капиталом в 150.000 долларов. Оно собирается обрабатывать один сплошной участок в 5.000 акров и продавать зерно через торговых агентов. Комментируя это начинание, нью-йоркская газета «Evening Post» видит в нем начало тенденции к об'единению, подобной той, которая привела к столь интенсивному трестированию в других областях в Америке. («United Farmer», Nov. 1927). Каковы будут результаты широкого об'единения ферм для их рабочих, арендаторов, задолженных собственников, а также для широких слоев полных собственников? Они будут вытеснены в ряды сельскохозяйственных рабочих.

В 1924 г. 7.428 фермерских «корпораций» дали сведения по подоходному налогу. 1.689 из этих последних показывают. что подавляющее большинство фермерских обществ занимается скотоводством и плодоводством, при чем прибегает к платным управляющим и наемным рабочим. Любопытно, что скотоводство является самым экстенсивным, а плодоводство—самым интенсивным типом фермерского хозяйства с точки зрения «вложения постоянного и переменного капитала» («Workers Monthly», Sept. 1925).

Генри Форд купил десятки тысяч акров земли и намерен устроить на них показательную ферму и таким образом разрешить проблему фермерского хозяйства. Форд уже имеет свою ферму в Дирборн, в штате Мичиган; она дала ему базу для его утверждения, что вся годовая работа фермы может быть исполнена в 20 рабочих дней, а в большинстве случаев даже в 15 дней: два дня для пахоты и бороньбы, один день для засева, пять дней на работы во время произрастания злаков, два дня на жнитво и молотьбу и пять дней для прорытия канав, постройки заборов, нанесения удобрений на почву и пр. Форд считает, что этого результата можно достигнуть с помощью вполне планомерной организации, интенсивной специализации и применения машин, сберегающих ручной труд. Так как потребуется больше машин и рабочих, чем в состоянии использовать большинство отдельных фермеров, план Форда предвидит сельскохозяйственных подрядчиков, которые будут переходить от фермы к ферме, снабжая их необходимыми рабочими и машинами.

«Если,—рассуждает Форд,—производственные издержки сельского хозяйства будут снижены так, что фермер сможет получать прибыль, мы очутимся скоро перед фактом перепроизводства, разве что увеличится потребление, поскольку достигнутые сбережения будут распространены также на потребителя. Это означает снижение цен, а низкие цены означают не только снижение издержек, но также более рациональный способ распределения (торговли). Мы доказали это на сбыте автомобилей и тракторов» («Commerce and Finance», цит. в «N.-Y. World», P. II, 27). Форд не склонен упоминать о том, какие результаты должен повлечь его план для миллионов бедных фермеров. Внутреннее потребление нельзя будет настолько увеличить, чтобы

оно в состоянии было поглотить колоссальный излишек продукции, который окажется в результате применения в большом масштабе плана Форда. Разумеется, все это еще дело будущего, но по всем видимостям развитие идет к этому. План Форда означает полную механизацию сельского хозяйства, при чем фермеры только поставляют землю или контролируют ее, а все дело остается за большими корпорациями. Нет оснований, почему эти корпорации не могут сами купить землю и поставить своих управляющих и таким образом или совсем вытеснить самостоятельных фермеров или низвести их в известный срок на положение нового «арендатора».

Успех этого типа хозяйства может быть предсказан на основе того империалистического типа сельского хозяйства, который большие американские тресты проводят в своих колониях: мы имеем в виду сахарные плантации на острове Кубе, культуру фруктов в Средней Америке и т. д. Это чисто трестированные предприятия, они уже более полустолетия успешно конкурируют с американскими фермерами.

Хозяйство фермерских обществ (корпораций) терпело не мало неудач, но они указывают только на организационные трудности, на недостаток капитала и т. д., говорят нам, что только большие общества с солидной финансовой основой могут преуспевать. Когда критики фермерских обществ указывают на неудачи и организационные трудности, они нередко проговариваются и выдают свои действительные опасения, а именно: страх перед социальными последствиями замены самостоятельных фермеров наемными рабочими. В результате, прежде чем фермерское хозяйство будет организовано таким образом, наступит социальный переворот. С другой стороны, финансовый капитал в Америке в такой полной мере является хозяином прессы и школы, а также бюрократического и военного аппарата федерального правительства и отдельных штатов, что может обманывать и держать в повиновении фермеров; это могущество финансового капитала является чуть ли не беспредельным. Об этом свидетельствует та поддержка, которую банкиры нашли у фермеров в деле концентрации и централизации торговли сельскохозяйственными продуктами: мы имеем в виду железные дороги, элеваторы, складочные дома, розничную торговлю, банки, спекуляцию на товарных биржах.

Движение в пользу децентрализации промышленности делает успехи в Соединенных Штатах. Генри Форд, Г. Е. Трипп (бывший глава электротехнического общества Вестингауза), Е. А. Филене и другие крупные промышленники выдвигают этот лозунг. Фермеры и сельское население должны быть, таким образом, превращены в наемных рабов и в то же время оставаться на своих фермах в продолжение короткого земледельческого сезона. Эта индустриализация сельского населения была важным фактором в процессе быстрой индустриализации южных штатов и проводится по всей стране. Форд полагает, что только децентрализация американской промышленности может улучшить положение фермеров, дать им возможность получать прибыль; он строит свои надежды на том факте, что децентрализация происходит теперь в увеличенном масштабе. Трипп писал, что «централизация промышленности, очевидно, зашла слишком далеко, промышленность могла бы получить значительную экономию от установки сравнительно небольших установок в небольших городах и сельских округах», это открыло бы, по мнению Триппа, новые возможности для ищущих работу. Трипп указывает, что децентрализация у м е н ь ш и т и з в е с т н ы е а д м и н и с т р а т и в н ы е т р у д н о с т и (она позволит в широкой мере применять неорганизованных рабочих и низкую оплату труда), уменьшит издержки производства и т. д. («N.-Y. Times», 21. V. 26). В своем обзоре последствий децентрализации фабричной промышленности для сельского населения министерство земледелия в самом начале откровенно заявляет, что одним из представляющихся здесь вопросов для исследователя является «свобода от рабочих волнений и конфликтов» («U. S. Daily», 10. VIII. 26).

И. Дымшиц.

О сменных цеховых парт'ячейках

Бурный рост нашего хозяйства вообще, нашей госпромышленности в частности, под'ем производительных сил города и деревни, большие успехи, которые мы проявили в деле индустриализации нашего хозяйства, первые, но твердые шаги по пути коллективизации деревни,—все это вместе пред'являет к нашей партии, как единственному руководителю делом строительства социализма в СССР, целый ряд серьезнейших требований. От нашей партийной организации, начиная от Центрального Комитета и кончая любой цеховой ячейкой на фабрике, в деревне, в госучреждении, сейчас требуется особенная гибкость, умелое приспособление к изменяющейся и усложняющейся хозяйственной обстановке, четкая и ясная политика, правильное лавирование среди всех и всяческих трудностей, упорная и беспощадная борьба со всеми извращениями партийной линии,—и не только с извращениями, но и с самими извратителями—с конкретными носителями зла. Не закостенение рутинных, привычных приемов и методов, а своевременное их изменение, своевременная смена форм и методов, гибкое маневрирование, умение быстро находить действенные методы для разрешения поставленных партией задач, — вот основные требования, которые современная обстановка пред'являет всем нашим партийным организациям в методах их работы. Эта задача может быть разрешена только при самом широком организационном охвате всех слоев рабочего класса, при постоянном взаимодействии между партией и рабочим классом, при дальнейшем развитии в наших рядах деловой пролетарской самокритики.

* * *

Под'ем нашей госпромышленности за годы нэпа явился вместе с тем и периодом консолидации пролетариата. Старые кадры квалифицированной рабочей силы, частью деквалифицировавшиеся и деклассировавшиеся во время военного коммунизма и в первые годы нэпа, снова влились на фабрики и заводы, по мере под'ема нашей промышленности. Переход от восстановительного периода к периоду реконструктивному и наше капитальное строительство неизбежно должны были вызвать количественный рост пролетариата за счет сотен тысяч новобранцев промышленности, рекрутирующихся из деревни. С другой стороны, наш партийный, советский, профессиональный и кооперативный аппарат впитал в себя не одну сотню тысяч настоящих пролетариев, тесными и неразрывными узами связанных с нашей партией. Задача орабочения нашего аппарата, которая и в настоящее время является одной из первоочередных задач партии, потребует еще и дальнейшего выдвижения старых пролетариев в аппарат. Гражданская война и ее последствия в значительной мере обескровили и опустошили ряды пролетариата. Вузы, комвузы и техникумы также впитывают в себя значительные

кадры старых пролетариев Вся эта убыль рабочей силы пополнялась из социально иных слоев—из крестьянства, городского мещанства,—мелкобуржуазную идеологию которых не смогло еще преодолеть новое пролетарское бытие.

Вся эта передвижка в рядах пролетариата, все эти молекулярные изменения в его составе, его классовая неоднородность чрезвычайно усложняют дело организационного и политико-воспитательного охвата нашей партией всех слоев рабочего класса. Трудности партработы усугубляются еще и большой текучестью рабочей силы по сравнению с довоенной (например, у горняков). Партия тысячами щупальцев охватила своим влиянием весь рабочий класс—через партийные и комсомольские ячейки, через фабзавкомы, женделегаток, рабкоров и стенкоров, через всю сложнейшую систему приводных к партии ремней. Но специфические особенности и трудности работы заставляют теперь приблизить партийную организацию к самым мелким ячейкам производства с тем, чтобы легче и лучше организационно охватить всю толщу рабочего класса, чтобы еще более приблизить партийное руководство к широким слоям рабочего класса, организационно крепче охватить партийные кадры. Уже ко времени XIV партс'езда ряд парторганизаций переходит к выделению на крупных фабричных и заводских ячейках особых цехорганизаторов, которые должны были охватывать и организовывать партийную жизнь цеха. Практика показала целесообразность и своевременность следующего шага в этом направлении—создания особых цех'ячеек.

Устав нашей партии, принятый XIV партс'ездом, закрепил и санкционировал этот шаг: «В крупных, с большим количеством рабочих, предприятиях внутри общезаводской ячейки, охватывающей все предприятия, могут быть организованы с утверждения окружкома (укома) или райкома (в городах), в каждом отдельном случае ячейки по цехам—цех'ячейки» (из устава партии). Опыт цех'ячеек все больше и больше переносится на фабрики и заводы и становится главной организационной формой массовой партработы. Цех'ячейки выковали новые кадры партактива: так при обследовании 20 цех'ячеек Выборгского района в Ленинграде, установлено, что «цех'-ячейки стали политическим центром в цехах, руководят массовыми организациями и что в них растет актив и сплоченность коммунистов вокруг бюро».

* * *

В настоящее время, однако, уже и цеховая ячейка не может являться наиболее гибкой формой организационного охвата рабочих партийным руководством и партийным влиянием. В связи с сокращением рабочего дня до 7 часов мы имеем на ряде предприятий переход на 3-сменную работу; в дальнейшем на 3-сменную работу перейдет большинство крупных фабрично-заводских предприятий. В свое время в связи с успехами рационализации и производительности труда, несомненно, встанет вопрос о переходе некоторых наших предприятий и на 4-сменную работу. Смена начинает приобретать на фабрике и заводе все большее и большее значение. Переход на 3—4 смены требует втягивания в производство новых кадров рабочих, до сих пор не подвергавшихся или в малой степени подвергавшихся партийному влиянию. Сменные рабочие в значительной своей массе—новички-пролетарии, еще не выварившиеся в фабричном котле, часто проникнутые мелкобуржуазной и крестьянской идеологией; с другой стороны, у квалифицированной части рабочих еще сильны цеховые пережитки. В этой прослойке велико еще непонимание социалистического характера наших государственных фабрик и заводов, противопоставление своих интересов интересам

предприятия; непонимание разницы между госпредприятиями и капиталистическими предприятиями, неумение отличить администрацию наших госпредприятий от частных предпринимателей и т. д. Вместе с тем среди этой части сменных рабочих чаще всего наблюдается пониженный интерес, а то и полное его отсутствие, к вопросам общественного характера—именно их труднее всего затащить на собрание, особенно, если собрание территориально далеко или не совпадает с окончанием рабочего дня. Поэтому, чтобы полнее охватить эти отсталые слои рабочих партвлиянием, необходимо, чтобы партруководство—низовая партийная ячейка—передвинулось из цеха в самую смену. Необходимость создания **сменных цеховых ячеек** в большинстве крупных фабрично-заводских предприятий, особенно перешедших на 3 смены, вполне назрела. Партийцы смены и сама смена представляют единый, об'единенный общностью интересов и одновременностью работы коллектив и требуют близкого и единого партруководства, которого цеховые ячейки—несменные, поскольку они об'единяют **несколько** смен,—обеспечить не могут. Цех'ячейки обычно партработу в смене ведут через особых группоргов, но и эта форма охвата партийцев смены в настоящее время далеко неудовлетворительна. Охват партийцев и партработы в смене часто неполный, сплошь и рядом группорги смен не могут найти секретаря цех'ячейки, так как работают они в **разных** сменах; получается некоторый отрыв цехового секретаря, цехового бюро ячейки от рядовых партийцев смены, и это отражается на всей работе. **От ориентации на цех нужно переходить к ориентации на смену, от цех'ячеек—к созданию сменных цех'ячеек.** Таково настоятельное требование жизни.

* * *

Переход на систему сменных цех'ячеек поможет наиболее легким путем разрешить целый ряд важнейших задач, стоящих перед партией. Задача роста партии за счет наиболее сознательных и близких партии товарищей из беспартийного рабочего актива лучше всего разрешается сменными ячейками. Замечено, что на крупных заводах процент вовлечения беспартийного актива в партию сравнительно невысок. Эту работу по вовлечению в партию беспартийного рабочего актива значительно лучше выполнит сменная цеховая ячейка, которая может непосредственно изучить индивидуально **каждого** выдвигающегося рабочего, привлекая его на открытые собрания, подвергая его индивидуальной обработке. Работая бок о бок с беспартийным активистом смены, партийцы смены в частных разговорах, беседах на производстве, в столовке за обедом, дома за чашкой чая могут не только детально изучить его, но и всесторонне подготовить к вступлению в партию. Именно при системе сменных цех'ячеек может быть обеспечен не случайный рост партии, а сугубо подготовленный, организованный и качественно выдержанный. Повседневная и планомерная вербовка в партию рабочего актива—далеко не легкая вещь, потому что по отношению к каждому вербуемому товарищу требуется особый, индивидуальный подход, необходима величайшая осторожность в разрешении его сомнений и колебаний, в постепенном воспитании в нем активного желания быть участником нашей партийной работы, с другой стороны, не менее важно и выявление возможной ценности для партии данного товарища. Такой индивидуальный подход лучше всего может проводить только сменная ячейка, ближе всего сталкивающаяся со сменным рабочим, с партийцем смены, могущая постоянно проверять выполнение отдельными партийцами порученной им работы по индивидуальной обработке. И, может быть, как раз тем, что сменные ячейки

только сейчас кое-где начинают появляться, об'ясняется тот факт, что до сих пор мы привыкли вовлекать в партию кампанейским путем и значительно меньше—методом индивидуальной вербовки. Октябрьский призыв, конечно, далеко не исчерпал еще всех возможностей пополнения нашей партии за счет лучших кадров беспартийного рабочего актива. Предстоит еще задача длительной индивидуальной обработки, большой работы с беспартийным активом, в результате которой наша партия может пополниться многими и многими десятками тысяч лучших пролетариев. Нужно обратить особое внимание на сравнительно недостаточное вовлечение в партию особо квалифицированных слоев рабочих, ценность которых для партии в настоящий период реконструкции сама по себе вполне понятна. Но как мы сказали, именно этот слой рабочего класса наиболее подвержен всякого рода цеховым пережиткам. Здесь нужна особенно большая выдержка, упорная, длительная, повседневная и, пожалуй, ежечасная большевистская работа по изживанию, выкорчевыванию этих пережитков, по воспитанию и внедрению в сознание этих товарищей правильных понятий и взглядов. Эта работа по плечу только сменным ячейкам, ближе всего на работе и в повседневном быту сталкивающимся с рабочими. То же самое и работа с наиболее отсталыми слоями рабочих. При системе сменных цеховых ячеек легче привлекать рабочих на открытое партсобрание, легко созывать быстрые летучие собрания, можно практиковать индивидуальное прикрепление, каждый рабочий на виду у сменного цехбюро и у сменного цехсекретаря.

* * *

Следующая область, в которой практика сменных цеховых ячеек может оказаться особенно плодотворной, это—рационализация производства и участие в ней рабочих. Едва ли будет преувеличением сказать, что такие явления, как, например, шахтинское дело, были бы абсолютно немыслимы, если бы по всей партийной системе мы имели такие низовки, как сменные цех'ячейки. Находясь на самом низу, в центре производства, сменная цех'ячейка прекрасно улавливала бы настроения рабочих и чутко на них реагировала. Сменная ячейка была бы в курсе всех конфликтов, всех трений с администрацией в самом их истоке, при самом их зарождении, и это создавало бы для нее самые благоприятные условия для безболезненного их изживания. Всякого рода зачинающуюся бузу или «волынку» сменная цех'ячейка может своевременно ликвидировать, пока она еще в зародыше, авторитетным раз'яснением, устранением тех ненормальностей, на почве которых создается недовольство рабочих. Чутко улавливая запросы и настроения рабочих, сменные цех'ячейки смогут и должны явиться тем партийным барометром, который показывает и запросы и настроения рабочего класса. Сменная цех'ячейка легче всего может заметить все ненормальности, какие тормозят четкий и нормальный ход производства—будь то грубость мастера или бюрократизм администрации, невнимательное отношение к охране рабочего труда, неправильные или несправедливые расценки, недоброкачественность сырья, отсутствие необходимых вспомогательных материалов, неиспользование или неполное использование машинного оборудования, небрежное отношение к ценным материалам. Все эти ненормальности, крайне волнующие рабочую массу, должны и могут тотчас же встать на обсуждение бюро сменной ячейки, которое сумеет предпринять меры к их устранению. Нужно только, чтобы к голосу сменной цех'ячейки своевременно прислушивались соответствующие высшие партийные, советские и профессиональные организации и во-время, и без волокиты, и бюрократизма разрешали возбуждаемые ею вопросы. Рационализация, вопросы

правильного, наиболее эффективного использования сырья, топлива, оборудования и рабочей силы, применения новых и наиболее целесообразных методов и приемов работы,—все эти вопросы могут быть радикально и практически разрешены, если только они приняты самой широкой рабочей массой, если эти решения ею продуманы, усвоены, одобрены. Только в том случае, если каждый отдельный рабочий будет рассматривать дело рационализации своего предприятия, как свое кровное дело, проявится инициатива рабочего, его многолетний опыт, его наблюдательность, его пытливость и изобретательность, только тогда рационализаторская работа оплодотворится сотнями ценных и важных предложений, даст силу и жизненность уже принятым решениям. И вот в этом деле—в деле рационализации, сменная цеховая ячейка может и должна быть на первом месте, ставя и обсуждая на своих открытых собраниях, на заседаниях бюро отдельные вопросы, связанные с рационализацией данного предприятия, участвуя на производственных совещаниях и комиссиях, принимая меры к реализации их решений. Близко соприкасаясь и индивидуально изучив рабочих по совместной работе, сменная цех'ячейка сумеет правильно разрешать и другой вопрос—о выдвиженчестве рабочих на ответственную хозяйственную, советскую и профработу.

Наконец, непосредственная близость сменной цех'ячейки к рабочим может чрезвычайно многое дать и в смысле борьбы с бюрократизмом. В каждом отдельном случае, когда рабочего-изобретателя затирают, когда ценное изобретение лежит втуне, когда бездарные администраторы проявляют преступную волокиту в деле удовлетворения справедливых требований рабочих и проч.,—сменная цех'ячейка сумеет развить энергичную борьбу с конкретными носителями зла.

Вся эта многообразная работа сменных цеховых ячеек, несомненно, приведет к оживлению всей партийной жизни вообще и к значительному идейно-политическому росту партийцев смены на живой ответственной и серьезной работе. Сменные парт'ячейки смогут и должны стать важнейшими лабораториями по выращиванию нового партийного актива. Этот новый партийный актив будет выращиваться из тех многих десятков тысяч рядовиков-партийцев—членов бюро сменных ячеек и сменных цехсекретарей, которые впервые будут призваны к участию в партруководстве, к проведению партийного влияния в смене в обстановке самой непосредственной близости и соприкосновения с рабочими. Сменные цех'ячейки послужат вместе с тем наилучшей школой партийного воспитания и для рядовиков-партийцев, работающих в смене, поскольку близость бюро сменной цех'ячейки к партийцам смены (одновременность работы) дает возможность лучше использовать каждого отдельного партийца, больше применяясь к его индивидуальным особенностям, чаще и практически проверять выполнение порученной ему работы. На собрании сменной цех'ячейки партийцы, находясь среди товарищей, которых они прекрасно знают по работе и по общению в личном быту, легче сумеют преодолеть робость и неуверенность первых выступлений, приучатся критически мыслить, приучатся к деловой самокритике. Работая по индивидуальной обработке беспартийного актива и вообще беспартийных рабочих, рядовики-партийцы смены будут сталкиваться с целым рядом вопросов и сомнений, на которые они зачастую самостоятельно не в состоянии будут дать нужного ответа; это заставит их и самих думать и обращаться за помощью к книге, членам сменного цехбюро, секретарю сменной цех'ячейки, отдельным более развитым товарищам. Все это создает большие предпосылки к оживлению всей внутрипартийной работы, повышению темпа и углубленности проработки во всей системе партпросвещения и созданию новых кадров рабочего партактива.

Переход в крупных фабрично-заводских предприятиях на систему сменных цеховых парт'ячеек поставлен самой жизнью и должен быть разрешен в положительном смысле. Ряд крупнейших наших индустриальных парторганизаций—Ленинградская и Иваново-Вознесенская—уже перешли к этой системе. Опыт этот дал богатые результаты. Сменные цех'ячейки являются тем очередным шагом, который должен быть проделан нашей партией в деле наиболее полного и наиболее широкого обслуживания как партийной, так и беспартийной части нашего промышленного пролетариата. Каждый новый шаг встречает, конечно, трудности, иногда сознательно и преувеличенно раздуваемые.

Возражения, которые раньше можно было слышать в отношении цех'ячеек, теперь иногда выставляются и против сменных цех'ячеек—отсутствие достаточных новых кадров партактива для работы в качестве секретарей сменных цехпарт'ячеек и членов бюро, боязнь распылить силы. Опыт с цеховыми ячейками показал, насколько неосновательны были эти возражения. Некоторый опыт сменных цехпарт'ячеек доказывает неосновательность этих доводов и теперь.

Переход на систему сменных цехпарт'ячеек должен будет, естественно, повлечь за собой и соответственную реорганизацию профсоюзной сети. Так, ленинградский губотдел текстилей, учтя опыт посменных парт'ячеек уже реорганизовал всю профессиональную сеть по сменам («Правда» от 20 марта 1928 г.). В отдельных случаях такая же реорганизация потребуется, может быть, и по комсомольской линии. Отдельные трудности, с которыми на практике придется столкнуться в деле перехода на систему сменных цеховых парт'ячеек, совершенно ничтожны по сравнению с теми громадными достижениями, которые нам сулит эта важная и многообещающая реформа.

Я. Весник.

О системе в новом промышленном строительстве.

(В порядке обсуждения).

1) Проблема упорядочения нового промстроительства сейчас в центре внимания и работы. Последние месяцы велся интенсивный огонь по дефектам в этой области. Энергичная критика уже послужила хорошим ударом по безынициативности, безответственности, по ком-спец-чванству, хлестаковщине и бесчестности. Бесспорно, что критику и контроль следует развивать все шире, но этой *критики* совершенно *недостаточно*,—обстрел вообще наносит урон противнику, но не дает реальных завоеваний.

Из массы сообщенных примеров мы узнали ведь не только о бесцеремонном обращении с советской деньгой и сроками строительства, но и вообще о бесплановом, о технически, экономически и организационно необоснованном разворачивании и протекании нового промстроительства; дефекты эти коренные, организационные, к коим причастна помимо исполнителей строительств вся планирующая, наркоматская Москва.

Очевидно, с одной стороны, нам нужны завоевания более глубокие, чем расширение применения советской долговой ямы, с другой же стороны—более конкретные, чем ожидание успехов культурной революции,— за артиллерийской подготовкой критики *должно последовать* организованное *наступление на недостатки для завоевания системы* в постановке нового промстроительства.

Я имею в виду не *общую систему* социалистического строительства (в целом уже показавшую жизнеспособность и преимущества перед капиталистическим хозяйством), а ее дифференциал, *систему в частях*, сильно смахивающую в отдельных отраслях строительства на бессистемность; хорошо еще, что плюс на минус дает минус только в математике.

Вопросы организации, системы вообще должны быть первоочередными, основными всегда при постановке отдельной конкретной задачи социалистического строительства (ведь проблема культурной революции без связи с критикой и организационным творчеством попахивает беззубым оппортунизмом так же, как изолированная критика, несмотря на оздоравливающие укусы, все же часто наносит вред делу). По аналогии, в управлении автомобилем, если включить скорость (уровень культуры) и дать газ (критики), но забыть про конус (системы), то мотор будет работать вхолостую.

Если мы хотим повысить ныне трагически низкий коэффициент полезного действия нашей созидательной работы и прогресс вести не только за счет (на иждивении) системы в целом, то *надо умело управлять всеми тремя рычагами*,—*дифференцированная система, инициативная критика и культурная революция*.

2) не только критика, но, что важнее, все виды практической инициативы не могут дать свои плоды в течение лишь *ударной кампании*. Больше того, сезонная шумиха зачастую прямо *вредна*, стушевывая потребные, глубокие организационные меры и приводя иногда к скороспелым *половинчатым решениям*, иногда *к перегибам*. У нас же

призывы к активности и самобичеванию многочисленны, но условия для повседневной реализации инициативы не созданы. Эти возможности развязываются лишь во время сезона, кампании (часто делаясь сверх меры развязными и безответственными), но когда мода еще не пришла или, наоборот, индульгенция уже кончилась, то активность чаще всего воспринимается как ненужное беспокойство и донкихотство.

Разве год, даже два назад не были видны нараставшие в новом промстроительстве дефекты? Разве не полезно было приостановить ошибки заранее, создать с самого начала нормальные условия? Может быть нужен был «опыт» провала больших строительств и средств, чтобы «научиться», осознать. Нет, если б у нас вообще, перманентно было обеспечено право инициативы и критики, то вместо того, чтобы сейчас истово креститься после уже грянувшего грома, можно было в свое время во всеоружии подойти к проблеме нового промстроительства (доказательства этому, заглянув в свои архивы, найдут хозорганы, наркоматы и даже НК РКИ). *Вместо призывов и кампаний* должно быть создано и обеспечено всей силой авторитета партии и всей советской системой *постоянное право инициативы, критики, творчества* (нужна не только в переносном, но и в прямом смысле некая контр-90-ая статья: «Самоуправство установленных учреждений, препятствующих кому-либо осуществлять его действительное, невоображаемое право критики и инициативы в улучшении работы... карается... принудительной безработицей...»).

Перейду к иллюстрации вышеизложенного на новом промстроительстве и к соответствующим конкретным предложениям.

Техническая сторона строительства.

Типовым и главнейшим недочетом во всех обследованных дефективных строительствах признается то, что они были развернуты без достаточного технического, проектного обоснования.

В природе происходило до сих пор так: отдельный техник, хозяйственник, группа их или хозорган пионерски или по заданию прорабатывали какую-либо хозяйственную проблему; так как реальность строительства бывала проблематичной и средства отсутствовали, то ни точными изысканиями ни проектированием не занимались, а ограничивались лишь общим техническим и экономическим обоснованием проблемы, иногда очень глубоким, но всегда с налетом оптимизма, увлечения, ибо обоснование все же служило целям агитации за новое важное дело; проходят 2—3 года, и в одну прекрасную *весну* оказывается, что агитация убедила правительство, отпущены даже авансом средства на столь дешевое, заманчивое начинание, проблема стала реальностью, строительный сезон уже начинается; ВСНХ уже торопит: надо осуществлять то, что рисовали о сроках и стоимости; нехватает гражданского мужества сознаться, что годы агитации не использованы, что в портфеле нет всех требующихся изысканий, опытов, расчетов, проектов, иногда же бесправное положение комсостава не дает возможности противостоять плановой ошибке; начинается использование отпущенных средств иногда на робкое разворачивание строительства со вспомогательных, обслуживающих построек, иногда же по ориентировочным схемам приступают и к техническим сооружениям, тогда чрезвычайно возрастает вред материальный и технический; дальше ясен путь, печальный для советских денег и верный для ревизии РКИ, ибо раз нет проекта, то распланировка строительства и расходов обязательно нерациональна, неизбежны перерасходы и затяжка против сроков, намеченных вначале, может быть, вполне правильно.

Игнорировалась все время следующая элементарнейшая *организационная схема* подхода к новому промышленному строительству:

1-й этап—всесторонний технический и экономический анализ выдвинутой хозяйственной проблемы.

2-й этап — по утверждении правительством нового строительства и включении его в твердые перспективные планы производится на основе исследований, изысканий, опытов полное техническое обоснование строительства (и выдаются заказы на основное оборудование).

3-й этап—начинаются и выполняются все строительные и монтажные работы.

В этой схеме 2-й этап выпадал,—утвердивши новое строительство, не давали нужного срока для технического оформления строительства, а давали сразу средства и гнали важнейшее дело... к провалу.

Что же виновато — отсутствие системы или злая воля? Иногда бессистемность усугубляется малограмотностью и злой волей, когда играет роль антисоветская подкладка или чаще шкурничество авторов строительства, создавших себе теплое убежище и втирающих очки государству; но, конечно, скорее можно столкнуться с противоположными случаями, когда техник действительно поднял целину, проблему, важнейшую для производительных сил страны, затем силился технически оформить строительство, но рутина советских регулирующих и хозорганов и бессистемность подхода к новому промстроительству проваливают дело.

Некоторые думают, что слабое использование иностранных достижений и специалистов всему виной; наши живые хозорганы могут рассказать, как они выписывали и не могли использовать спецов, покупали ненужные патенты, проекты, ибо заимствование за границей не того, что на данной стадии развития нового производства требуется, всегда окажется хотя и дорогим, но все же бесполезным для дела. Заграничная техника ни за какие деньги не может дать рецепта выправления на ходу бессистемно начатого нового промышленного строительства.

Нам, должно быть, скажут, что это все было в прошлом, сейчас (давно ли? с тех пор, как появился сезон, мода?) это всем элементарно понятно; как же, без проекта уж никто не возьмет на себя ответственность строить; через 2-й этап никто не перескочит; РКИ старые изжитые грехи констатирует.

Нет, это, к сожалению, не верно, успокаиваться нет оснований,—во-первых, приведенное выше элементарное разделение строительства на три этапа хотя и начинает сейчас усваиваться, но все же очень туго—нет строгих границ между этапами, комкаются вместе первый со вторым, второй с третьим, как, например, частенько начинают строительные работы до заказа оборудования и его потом приходится прикраивать к построенным зданиям, а во-вторых, что самое главное, внутренний деловой смысл, который надо вложить в каждый из этапов этой голой схемы, не продуман, партизанской же инициативой тут не заменишь требующейся системы.

Разве основной стержень строительства—проектирование, общепризнанный 2-й этап—сейчас не перегибается частенько в обратную сторону? Все сугубо осторожны, все проектируют, затягивают на годы начало строительства, тратят большие на это деньги, напроектировавшись едут за границу собирать контрольный материал, потом возвращаются и опять вдоволь проектируют, закончив, ездят сверять опять за границу, а когда все готово, то... заказ сдается за границу (иногда не в ту страну, с которой взяли образец), и проект оказывается вообще ненужным или помехой, пока не разоблачится его непрактичность.

Хотя сейчас все признали важность 2 этапа и проектируют во что бы то ни стало, но мы видим, как из отсутствия системы растут новые ошибки, не менее угрожающие успеху нового промстроительства.

Изучение и заимствование заграничных достижений было бы полезно начать с вопросов организационных, в частности с методов технического обоснования строительств,—ведь общеизвестно, что громадные достижения промышленности Америки обязаны рациональной организации дела, технические же усовершенствования сыграли относительно весьма небольшую роль. В Америке трест, хозяин, собирающийся строить новое предприятие, ставит задачу, выбирает схему производства (для чего и привлекает консультантов, техфирмы), но проектирования у себя не организует, а раздает прямо исполнение сооружения по частям, по специальности производящим фирмам на основе их зарекомендованности и ориентировочных практических соображений, фирма же гарантирует сама заданную работу оборудования и, если проект составляется после получения заказа, то лишь для наилучшего выполнения оборудования и для увязки с общей схемой производства заказчика.

У нас это делается наоборот: проектирование не распределено между производящими организациями, а сосредоточено все в технической части данного строительства (или Гипромеза); техчасть не ограничивается необходимой компановкой всего сооружения, а погружается в проектирование отдельных новых производственных процессов и даже установок.

Из такого порядка технического обоснования строительства вытекает большая потеря времени и денег и угроза несоответствия выстроенного,—очевидно, что при максимальных конструкторских талантах группы инженеров техбюро, их проект нового для них производства будет всегда теоретичен, не учтет опыта накопленного на практике; это выявится и придется исправлять при заказах или, что хуже, в процессе строительства. В таком порядке наихудшая сторона это—авторское самолюбие: когда русский конструктор, побывав за границей или получив заключение по проекту от фирм, осознает необходимость ревизии своей работы, то он берет уж неохотно заграничные стандарты и практику, разбавляя их своими теоретическими коррективами, ломка же иностранных стандартов и установленного практикой стоит больших переплат и риска технического несоответствия выстроенного.

От этакой централизации надо отказаться, ее никакими паллиативами не исправишь,—если даже отбросить соображение экономии (соображение немалое) и пригласить по каждому отдельному проекту уйму консультантов, практиков, техфирм, то этакий интеграл все же не заменит децентрализованного опыта всех производящих оборудование фирм и организаций.

Затем, нисколько не умаляя достоинств русской технической школы, надо прямо сказать, что при проектировании нового для СССР заводского строительства надо с осторожностью опираться на силы русских конструкторов, не позволять им самоучкой проходить школу и историю ошибок и завоеваний, уже пройденных другими странами. Поле для изобретательства и применения конструкторских талантов русских инженеров на имеющихся заводах и в дальнейшем на новых выстроенных заводах достаточное (и мы видим, как успешно такая конструкторская работа в машиностроении, электротехнике, механике у нас уже сейчас развивается), но в новом заводском строительстве в массе надо избегать новаторства и изобретательства. Надо отдать себе отчет в необходимой особенности подхода к новому промстроительству, в том, что эта задача организационно отлична от рационализации или капитального строительства. Когда мы подходим к постройке непрерывной прокатки, новых современных металлургических заводов, тракторов, добычи и обработки цветных металлов, то перед нами уже стоит не задача повседневных улучшений, увеличения товаров, экономии в 15—30%, а проблема доподлинной техни-

ческой революции,—скачок через десятки лет отсталости на современную передовую техническую ступень, сдача в архив старых соответствующих заводов, полная перемена рыночных отношений, удешевление, иногда в 2—3 раза, не только уничтожение товарного голода, но создание базы для дальнейшего громадного развития производительных сил страны.

При решении этаких проблем надо базироваться на твердом опыте и нельзя из-за кажущейся остроумной и очень удачной комбинации производства или отдельной установки, теоретично запроектированной русским инженером, ставить под сомнение, в риск все громадное сооружение и успех его работы.

В знакомых нам отраслях производства в Америке мы можем назвать примеры таких достижений, на которые еще долго будет ориентироваться даже передовая техника нового промстроительства Европы и самой же Америки, так что нет оснований пытаться «перефордить» американцев и этим запутывать, ставить под удар успех строительства,—непрерывную прокатку можем брать безошибочно целиком по образцу установок: Morgan Construction C° у Форда и в Sperro Opoint у Betlgem Still C°; не ошибемся, если возьмем обработку цветных металлов целиком по образцу American Smelting and Refining C°—Балтимора; мартеновский и, пожалуй, доменный цехи по образцу River Roug у Форда; в литейном деле без мудрствований надо брать тип установок Link Belt или Osborn Mfg C° или Bartlett and Snow и т. д. В других отраслях производства, не моей специальности, картина нисколько не иная,—такие же стандарты достижений, ушедших далеко вперед среднего уровня современной техники, есть и во всех видах механической обработки металла и в горном, бумажном, силикатном, текстильном деле и даже в области химических производств[1]).

Исходя из всего вышеизложенного полагаем, что в основу работ 2-го этапа, т.-е. периода технической подготовки нового промстроительства, должно быть положено:

1) управление строительства само составляет *лишь генеральный план производства* и по нему выбирает фирмы—исполнители целых производственных процессов или отдельного оборудования и установок;

2) *проектирование децентрализуется*, передаваясь тем, кто выполняет оборудование;

3) нами всесторонне должна быть *использована привилегия молодой развивающейся страны*, и все *достижения предшественников* должны быть взяты *готовыми*.

Небольшие примечания: генеральный план производства (в отличие от технического обоснования проблемы—1-й этап) базируется на изысканиях, опытах, обследовании, иногда длительном изучении заграничных сооружений и строительств, привлечении крупных иностранных консультантов-организаторов больших промышленных дел; если заказ дается иностранной фирме, то проект не составляется и не требуется до заказа, а представляется фирмой впоследствии для утверждения; тоже относится и к советской организации, поставляющей оборудование знакомое, типовое, уже производившееся; если советской организации сдается заказ на новое для нее оборудование,

---

[1]) Предложения ученых химиков не выходят из рамок необходимого заимствования за границей наиболее совершенных и передовых технологических процессов, ибо в массе перечисленное химиками давно применено и успешно разработано за границей (то, что в перечне названы процессы, не вышедшие из стадии опытов и исследований, как, напр., гидрирование угля или формовка в электрической ванне, еще не дает основания базировать на них новое промстроительство).—практически это так, ибо мы едва ли собираемся «даже» в плане десятилетки отбросить «рутину» современного технического века и понести на своих неокрепших плечах культуру прямо в химический рай.

подлежащее копировке из-за границы, то проект покупается там целиком и лишь если это невозможно, то проектирование организуется в СССР или за границей только после получения всеми возможными путями иностранных конструкторских материалов или привлечения из-за границы проектировщиков.

Несомненно, найдутся типы строительств, в отношении которых моя общая схема организации проектирования не вполне применима. Весьма вероятно, что можно вообще внести улучшения, исправления в предложенную систему, но давайте обязательно *систему вводить*, организационные принципы устанавливать.

При рационально организованном строительстве выявятся и с пользой приложатся к делу как инициатива, так и немалые организационные, производственные и конструкторские способности и знания русских инженеров, хозяйственников, рабочих, а также будут продуктивными заимствования всеми способами достижений заграницы. Но хаотически поставленное строительство не избавят от провала ни подбор людей (их твердые права и уменьшение опеки могут выродиться в мало продуктивную партизанщину), ни безудержное проектирование (бесплановое, оно только удорожает и затягивает строительство), ни суматошный крестовый поход на Америку и приглашение полчищ варягов.

Организация заимствований из-за границы.

Сейчас, с началом «кампании» по рационализации нового промстроительства признана и осознана всеми (даже ВСНХ) важность использования заграничных достижений; остается выразить надежду, что не повторится в дальнейшем картина безразличия, в которое упирались раньше попытки организовать заимствования.

Что требуется из-за границы, перечислялось последнее время достаточно полно и аргументировалось подробно и красноречиво,—это поездка наших хозяйственников и техников на учебу, приглашения иностранных специалистов, консультации, техсодействие, проекты.

Ограничусь небольшими коррективами и добавлениями: а) техфирмы имеют своим единственным назначением платное техсодействие, при чем хорошие техфирмы не универсальны, а имеют узкую специальность, затем надо учитывать, что по ряду производственных процессов, где достижения засекречены промфирмами, они всегда дадут отсталое решение. Вот почему, вопреки имеющейся уже практике, договора с техфирмами о техсодействии, создающие *монопольное* положение фирмы, не должны иметь места; техфирмы следует приглашать лишь для составления отдельного проекта или постановки отдельного производства. Договор о техсодействии может быть полезным только с производственными фирмами, но не надо забывать, что такое техсодействие всегда будет связано с длительной коммерческой заинтересованностью фирмы б) Небесполезно ограничить понятие потребных из-за границы проектов,—в узком смысле проект нужен лишь в отношении оборудования, которое мы хотим *строить в СССР вновь и по точному иностранному образцу*; получение из-за границы проектов для ориентировки в закупках или как материал для компановки производства совершенно недопустимо. в) Приглашая иностранных специалистов не надо забывать в первую очередь о возможном обмене специалистами с торгпредством и о русских инженерах—дореволюционных эмигрантах. г) Из многочисленных возможных добавлений отмечу некоторые. Засекреченность достижений заставляет обратить большее внимание на постановку *техразведки*, взявши пример хотя бы с немцев, использующих ее широко и открыто в Америке. Необходимо напомнить, что *концессии должны*

быть *формой технической учебы* у иностранцев; в наиболее потребных участках (в отсталых производствах)—строительное дело, станкостроение, моторостроение, производство высокосортных металлов—не только нет реальных достижений у Концескома, но по примеру Америки мы видели полный индиферентизм со стороны наших организаций, когда предложение исходило от иностранцев; едва ли можно сомневаться, что заполучить в СССР контору Фаундешен, строящую в Америке десятки тысяч домов в сезон (вместе с тем являющуюся потенциально крупнейшим потребителем наших экспортных стройматериалов), не менее интересно, чем иметь концессию гребешков или карандашей. Наконец, отмечу, что на закупки оборудования надо смотреть не только как на коммерческую сделку, но и как на форму заимствования иностранных технических достижений.

Как организовать вышеуказанное всестороннее заимствование из-заграницы?

На этот основной организационный вопрос нам известны в печати и вне ее лишь два предлагаемых решения,—во-первых, *числом поболее* всего того, что перечислено выше, и, во-вторых, *раскрепостить от опеки инициативу отдельных* проморганизаций, строительств и проектировочных учреждений, предоставив *крупнейшим* из них *право непосредственных сношений* с иностранными фирмами и техническим миром и право открывать *свои техбюро*.

В этих обоих ответах налицо элементы перегиба палки, пренебрежения к вопросам системы и скороспелости решений.

1) Эффект, от количественного увеличения связей с заграницей будет незначительным, пока в это дело не будет внесена система; без этого количество не перейдет в качество.

Несмотря на слабо развитое до сих пор дело заимствований, хозяйственные круги знают, насколько внушительно были уже представлены ошибки и бесполезная трата денег; конечно, малопродуктивность заимствований у заграницы была прямой функцией неорганизованности строительства в целом, — очевидно, что нельзя ожидать продуктивного использования иностранных специалистов-производственников (не конструкторов), если они приглашены когда проектирование сооружения еще не закончено; если проекты, патенты приобретаются, когда схема производства не установлена, то ничтожны шансы использовать приобретенное; если посылаются хозяйственники или техники, оторванные от производства и не имеющие конкретного задания, то невелика польза от их учебы.

Едва ли нам нужны такие заимствования числом поболее.

Должен отметить, что, помимо непроизводительных денежных затрат, неорганизованная активность *портит* важную для нас деловую *почву технической кооперации* с иностранцами. Возьму для примера область получения проектов и технических предложений от производственных фирм; мы наблюдали, как американские фирмы давали материалы нам—новой стране—сперва весьма охотно, но затем наступало охлаждение по мере того, как они раскусывали бессистемность запросов и бесцельность своей работы. Едва ли можно рассчитывать на что-либо иное, когда после разговоров о якобы реальном строительстве, требований проектов и их серьезного выполнения, фирма узнает, что это блеф, что проблема строительства еще не решена, что схема производства не выбрана, что вся их тщательная проектная работа пойдет в основу ученических исследований вопроса русским инженером; или же, если после выполнения проектной работы, ам. фирма узнает, что заказ давно сдан на германские или русские заводы и ее работа пошла для проверки, зачастую же выдана с головой конкурентам; или же еще, когда заказ решено сдать в Америку, но проект требует, чтобы его испортил малоопытный русский техник, затянув заказ, иногда же приведя к отказу фирмы выполнять «такое» оборудование.

Первоочередной является задача системы, а не количества.

Это отнюдь не проповедь гомеопатии, а рекомендация разобраться, какое когда лекарство требуется; усвоивши диагностику и рецептуру, можно будет хлебать нужный нам элексир дозами максимальными, которые переварит организм.

2) Соображения против непосредственных сношений:

а) Это потребует, чтобы соответствующие хозорганы занялись вместо своего производства *изучением сложнейших условий* рынка и фирменных взаимоотношений в каждой стране; самое прилежное изучение не даст сотням хозорганов такого знакомства с обстановкой, какое *может быть* у сидящего на месте торгпредства, впитывающего в себя весь опыт сношений с данной страной. А без детальнейшего знакомства *неизбежно* попадать в руки посредников или супляй-гаузов, получать отсталые, не передовые технические заключения под влиянием коммерческой заинтересованности, перманентно ошибаться в адресе при переговорах о техпомощи, проектировании, специалистах. Разве мы еще недостаточно богаты опытом таких ошибок, вытекавших из партизанских действий хозорганов? Ведь не случайно, что именно Югосталь, игнорировавшая и в коммерческой и в технической работе торгпредства и импортобщества, наделала такие ошибки в заграничной работе.

б) Приглашение специалиста, сдача проектной работы, покупка патента путем заочных «непосредственных» переговоров вообще не понятна. Такое раскрепощение приведет или к переписочной *волоките* или к угрожающему *росту раз'ездов*.

А ведь и сейчас в практике есть достаточно примеров, когда из-за незнакомства с обстановкой страны и из-за трестчванства выезжали целые комиссии хозорганов вместо элементарно понятных и быстро выполнимых действий торгпредства.

Что же касается переписки, то если иностранные фирмы будут получать все те запросы, что сейчас получают торгпредства, то деловая дискредитация и невнимание к нашим серьезным, нужным запросам будут быстро *обеспечены*.

в) Единственное правильное решение вопроса—в перенесении аппарата заимствований в страну, с которой устанавливаются связи. Но, к сожалению, предложения о техбюро делаются в форме непрактичной по причине того, что они несут печать идеи непосредственных связей хозорганов,—промышленность Союза не будет ведь устроена тем, что десяток крупных хозорганов будет в праве посылать свои бюро; затем создается почва для параллелизма, когда инженеры, проектирующие, скажем, одинаковые литейные для Сталинградского тракторного и Ростовского сельскохозяйственного заводов, будут знакомиться в Нью-Йорке; наконец, остаются беспризорными многие важнейшие общие стороны технических заимствований у заграницы.

г) Наконец, в природе совершенно *отсутствуют* такие идеальные *технические связи*, которые были бы *чисты от коммерческих вопросов*. Наоборот, смычка между ними идеальная. Не приходится говорить, что техсодействие и фирменное проектирование, парализуя возможности вызвать конкуренцию, являются прямой составной частью коммерческой сделки. Даже такие наиболее чистые формы технической кооперации, как приглашение специалистов или консультация технической кооперации, как приглашение специалистов или консультация фирмы, связывают не меньше, а даже больше, чем предварительные коммерческие переговоры, ибо наши карты делаются открытыми для производящей оборудование фирмы.

д) Предоставление права непосредственных сношений только крупнейшим хозорганам является настолько же невесовым аргументом, как и ограничение сферой технических вопросов. Ведь если путь «раскрепощения от опеки» есть единственное решение вопроса, как заимствовать из-за границы, то по этому пути будет вынуждена стараться пойти и вся толща промышленности; создается тенденция, угрожающая системе. Но помимо этого, если даже только десяток крупнейших основных промоб'единений прочно установит свои непосредственные связи с капиталистическим деловым миром, то при усиленной поддержке этого последнего будет неизбежно дезорганизовываться и дискредитироваться работа каждого торгпреда в каждой стране.

Необходимо твердо искоренить центростремительные, партизанские усилия, ибо нет решительно никаких практических деловых доводов для внесения таких рискованных поправок к системе монополии внешней торговли; ведь поперек развития связей стоял индиферентизм наших хозорганов и наркоматов, а не опека и отсутствие каналов для выявления инициативы.

Вместо перегибов палки нужно выправление весьма хромающей практической работы промышленности и торгпредств в вопросах технического сотрудничества и закупок оборудования, пользуясь в полной мере инструментом монополии, не являющимся ведь привилегией Наркомторга, а дающим нашему хозяйству осязаемые выгоды и преимущества перед капиталистическим деловым миром.

Некоторые предложения:

1) Упорядочение заимствований из-за границы должно итти в ногу и по общим методам с системой, вносимой вообще в новое промстроительство. Если взять за основу метод разделения строительства на три этапа, приведенный мною в предыдущем разделе, то: а) в первом этапе (анализ хозпроблемы) нужен информационный монографический материал о соответствующих выполненных за границей наиболее передовых строительствах, и затем возможна посылка товарищей для длительного изучения постановки дела за границей, б) во втором этапе, при составлении генерального плана производства, полезны кратковременные экскурсионные поездки авторов проекта и приглашение консультантов—организаторов крупных иностранных предприятий; далее, если оборудование заказывается за границей, то нужен выбор его; если же оборудование должно изготовляться в СССР, то потребен проект, или конструктивный материал, или специалисты-конструктора; в) в третьем этапе (строительство и монтаж) возможно приглашение специалистов-производственников, монтеров, рабочих и нужна справочная производ. и конструк. литература.

Эта беглая схема показывает, насколько систематизация строительства одновременно облегчит контроль, самоконтроль и рационализацию заимствований у заграницы.

2) При каждом из крупнейших торгпредств должно быть образовано техническое бюро. Такое единое постоянное бюро должно обслуживать всю промышленность, имея основным назначением содействовать новому промстроительству и реконструкции существующих предприятий; по точным заданиям проморганов оно привлекает в требующейся для них форме техническую помощь иностранных фирм, контор, обществ и отдельных специалистов или же организует само проектирование, собирание конструкторских материалов, снабжение литературой. В состав такого единого бюро должны входить постоянные представители (работающие) от отраслей промышленности, крупнейших производственных об'единений и строительных организаций; если для выполнения отдельной конкретной технической или проектировочной работы посылается временно комиссия или представитель, то они работают в составе и при содействии бюро.

Не попробовав создать хоть в одной стране одно такое бюро (несмотря на два года разговоров об этом), сразу заговорить о десятках бюро, о раскрепощении, о прямых сношениях можно или увлекшись «сезоном» до явного перегиба, или будучи убежденным противником монополии внешней торговли.

3) В отношении нового промстроительства особенно чувствительны дефекты в практике и политике закупок оборудования.

Сейчас цена и кредит решают страну, фирму, тип и таким образом темп, содержание и судьбу нашего промстроительства. Это в корне неправильно. Нельзя с одинаковой меркой подходить, скажем, к оборудованию для нового производства, быстро меняющего рыночные отношения или сокращающего импорт, и к оборудованию, идущему на плановую замену изношенных установок,—в первом случае целесообразно переплатить за кредит, поскольку это ускорит осуществление рентабельной постройки, во втором же случае лучше потянуть годик и вместо даже нормального кредита купить на 20% больше станков. В новом строительстве качество оборудования, обеспечивающее производство от простоев, может иногда оправдать большие переплаты в цене и т. д.

В общем это значит, что дело закупок оборудования надо из двух измерений перевести на четыре, добавив к цене и кредиту факторы технические и времени. Индивидуализировав таким образом подход к закупкам, мы подведем жизненную хозяйственную базу под внешнеторговый расчетный баланс.

Общие организационные вопросы.

Затрону пока вопросы плана и управления новым строительством.

1) Многочисленные разговоры, резолюции и усилия к перенесению годового плана с весны на осень пока не привели к ощутимым результатам.

В основе большинства дефектов нового промстроительства лежит, как такое запаздывание годового плана, так и сама его структура.

Нужна радикальная постановка этих обеих сторон вопроса, сводящаяся по нашему мнению к а) уничтожению карточной системы в плане (регулировании, контролировании) и б) к упразднению знака равенства между планом и годовым бюджетом.

Опека пайкового плана допустима только в капиталистической стране, где бюджет обнимает лишь сборы и содержание чиновничьего аппарата, армии, полиции.

У нас же бюджет обнимает хозяйство, строительство, жизнь всей страны, а они не могут так полно зависеть не только от месячного, квартального пайка, но даже от изолированного годового финансового назначения; это и приводило к таким уродствам, как систематическая неподготовленность строительных сезонов, как загонка в конце года средств в материалы и т. д. Когда в листке № 1 РКИ сообщалось, что строительство Туркестано-сибирской дороги тратило в одном месяце больше планового назначения, а в другом меньше, то из этого с очевидностью вытекал не упрек строительству, а приговор плану.

Каждое хозяйственное начинание должно иметь свой законченный целевой план. Необходимая ежегодная увязка с бюджетом сможет быть обеспечена без труда, если в основе плана в целом будут лежать сокращенные минимально-гарантиро-

ванные контрольные цифры (подчеркиваю, что это лишь способ гарантии бюджета; план же строится не годовой, а целевой).

С другой стороны, в наших условиях регулировать денежиое обращение можно и без карточной системы, изучая и направляя кривую сезонной активности элементов хозяйства (она, кстати, регулируется природой и без вмешательства НКФ—зимой хлебозаготовки, летом строительные работы и т. д.).

Такая реорганизация плана и его взаимоотношений с бюджетом раскрепостит практическую работу и, с другой стороны, облегчит финансово-плановую работу, приблизив к проведению бюджета осенью.

Отмечу еще необходимость в наших планах большей концентрации средств. Удельный вес нового промстроительства должен значительно возрасти по сравнению с долей латания дыр в нашем промплане.

Достаточно посмотреть промплан этого года: новое строительство занимает всего 23%, что, конечно, лучше 17,5% прошлого года; кстати, в этих 23% по существу не менее половины работ не подходит под понятие нового промстроительства, как я его сформулировал в первом разделе статьи, а относится к капитальному строительству и достройкам; в натуре этот план выражается, для примера, в черной металлургии в назначении всего 17 млн. рублей на новое строительство с программой в отдаленной перспективе выпуска 18 млн. пудов чугуна и 180 т. т. труб.

Ведь черная металлургия это одна из самых отставших и вместе с тем решающих отраслей промышленности; несмотря на это, в промплане совсем не отражена нужная для ее под'ема цепь домен (две штуки в капитальных работах), мартенов, прокатки и т. д.

Надо отметить, что по сравнению с внушительными суммами наших финпланов ничтожные средства, сконцентрированные на определенных об'ектах нового строительства, могут не только изменить рыночные отношения и техническую базу, но и освободить громадные средства, идущие на поддержание устаревших заводов. Приведу пример: за 50 млн. руб. в два—три года может быть построен завод непрерывной прокатки металла, который обеспечит катанкой страну, удешевит более чем в два раза стоимость и выведет в тираж массу ветхих, устаревших станов; в промплане не видно, сколько тратится средств на латание старых прокатных цехов и заводов, на их простои, на лишнюю энергию, рабсилу, но можно сказать, что экономия на этом очень быстро окупила бы постройку указанного завода.

2) Едва ли требует доказательств и примеров то, что в общей системе трестов и их главков тонут особенности нового промстроительства, отличающие его от обычного обслуживания и управления промышленностью. Ведь не только методы проектирования, закупки оборудования, заимствования за границей, способы планирования, но даже рабочий вопрос, отчетность, техника администрирования и т. д.—все это питает почву взаимного непонимания с трестом, главком и частенько дает ущерб строительству.

С другой стороны, создание отдельных автономных строительств на каждое большое сооружение на наш взгляд также нерационально, ибо в различных строительствах одной отрасли производства будет дублироваться техническая работа, кадры специалистов, затраты на все формы связи с заграницей; усилится преемственность между строительством и производством в ущерб более важному накоплению в деле нового строительства опыта, знаний, методов, кадров; не будут создаваться пути к постепенному уменьшению подготовительного периода, ибо издержки времени, средств, работы будут на каждом новом строительстве повторяться.

Правильнее иметь строительство такого типа, какой применяется в военведе с 24-го года,—там проектирование, кадры, подготовка строительств, некоторые заготовки были централизованы, а производство работ и отчетность были строго отграничены в отношении каждого сооружения и велись ответственно отдельной строительной комиссией (председатель—командир части, строитель—инженер); в печати упоминалось, что близкий к этому метод сейчас применяется Текстильстроем.

Это—наиболее правильная схема: сторительства по отраслям производства (строительство металлургических заводов, строительство заводов массового производства по механической обработке металла и т. д.); такие строительства должны централизовать все работы 1-го и 2-го этапов по проектированию и подготовке сооружения, но зато при подходе к производству строительных работ в собственном смысле, должен выделяться автономный аппарат (имеющий в составе и производственников—будущих руководителей предприятия) для законченного и ответственного выполнения данной постройки; быстрота, экономность и накопление опыта таким образом будут лучше всего обеспечены.

Полагаем, что самоочевидна потребность об'единения всех этих строительств особым Главком ВСНХ (главк, а не ячейки в главках, ибо неавторитетные отделы окажутся лишней бюрократической инстанцией и штатной единицей).

Командный состав.

Хотя в последнее время помимо выявления недостатков комсостава было сделано много весьма существенных практических предложений по под'ему его квалификации и улучшению условий работы, однако же остались незатронутыми вопросы комплектования и установления твердых прав. На этих двух сторонах вопроса я и остановлюсь в виду их решающего значения.

1) Надо прямо сказать, что подбор комсостава вообще отсутствует, комплектование идет самотеком, стихийно.

Хозяйственник предоставлен целиком себе и случаю,—на Старой площади, как в некоем загсе, лишь проверяют и регистрируют его полюбовные соглашения с наркоматами; сами переговоры с организацией об интересующей работе зависят от момента, знакомств, удачных встреч, стажа, но почти никогда не зависят от квалификации. Если хорошему хозяйственнику нет подходящей в данный момент работы, то он поневоле делается, например, дипломатом или прокурором. Дистанция между конфетной фабрикой и доменным цехом кажется большой лишь товарищам, не подвергавшимся учету и распределению; то, что доменным цехом заведует пекарь (и его, может быть, собираются через два месяца снять), никто не знает, не учитывает, сегодня вакантна только кондитерская фабрика, и вы должны итти на нее или... сидите без работы.

Никто не заботится, чтобы сумма опыта и достижений отдельных работников на конкретной работе, являющейся для дела большим и естественным накладным расходом, была капитализирована. Ведь и ошибки часто полезно капитализировать, ибо они дают опыт; у нас же слишком легко из каждой ошибки делается повод к уходу, смене, чехарде, и этим питается перманентность ошибок; воспитываемая указанным «осторожность» иногда более вредна для дела, чем ошибки.

Сказанное выше в несколько иной форме, но полностью относится и к специалистам; стихию их неорганизованного комплектования не менее важно обуздать.

Как известно, у нас без особого труда расстаются с человеком: если имеются суб'ективные причины, то даже любая ошибка системы делается основанием к уходу, но помимо того в природе существуют реорганизации, расформирования, коммунизация (частенько проводится уродливо и тогда служит началом, дезорганизующим и спецов и партийцев). От этой стихии не спасает ни осторожность с начальством и в деле, ни квалифицированность, ни достигнутые в работе успехи. Перерыв же в службе влечет к неорганизованным поискам работы, частой смене специальности и таким образом к потере накопленного опыта и к деквалификации.

Отсутствие системы в комплектовании комсостава уничтожает стимул и у хозяйственников и у техников к приобретению и развитию квалификации в определенном деле. При отсутствии же стимула, учиться не станут (сейчас малограмотностью частенько позорно спекулируют как классовым клеймом) или проку от учебы будет мало, как ни развить сеть учебных заведений и как бы много ни образовалось свободного времени не только от работы, но и от разных видов советского пасьянса (преферанс, викторина и проч.); также под сомнением будет продуктивность поездок и учебы за границей. Необходимо поставить индивидуальный учет по всей линии, прикреплять кадр зарекомендовавших [1]) себя администраторов и специалистов к определенным отраслям хозяйства; при временных перерывах в работе держать их в резерве, не отпускать в другую отрасль; при затяжном избытке практических работников в данной отрасли переводить их на научную или конструкторскую работу; все эти или другие практические меры—их следует тщательно разработать—должны клониться к тому, чтобы не растрачивать образовавшиеся кадры комсостава в данной отрасли производства и создать им стимулы дорожить своей квалификацией и углублять ее.

2) В практической работе комсостав промышленности наделен безграничными, часто неоформленными обязанностями и совершенно лишен твердых деловых прав. Существующая сейчас множественность влияющих на промышленность организаций не может и не должна быть устранена,—в этом коренное и положительное отличие нашего хозяйства от капиталистического; но влияние не должно переходить в командование,—для этого потребна строжайшая ответственность организаций за содержание и последствия их влияния и, с другой стороны, твердые права хозяйственнику, обеспечивающие единоначалие.

Сейчас же налицо именно безответственность командования; дискредитировать и снять с работы может с излишней легкостью и ВСНХ и РКИ и партия, профсоюз, местные организации, рабкор, сотоварищи, специалисты; сама по себе увязка интересов всех этих организаций чрезвычайно сложна; вызвать недовольство какой-либо из них это вопрос только времени; угодить всем невозможно,—если ты удешевляешь строительство, то довольны ВСНХ, ЦК и др., но зачастую недоволен профсоюз или местные организации или подчиненные, если удорожаешь, то симпатии и антипатии перемещаются обратно—и так в массе случаев; наконец, никто не мешает любому из указанных органов свалить свою вину на хозяйственников (в этом деле уже выработаны стандарты: например, когда план, проведенный высшей организацией, на деле не оправдывается, то виноват всегда хозорган, хотя бы он в свое время возражал против плана). Чтобы протянуть долгое время и не

[1]) Предлагавшееся в печати нечто в роде пятибальной курсовой системы с кондуитным журналом может повести к погоне за показным эффектом, очковтирательству, подсиживанию. В случае потребности, отзыв должен даваться коллегией руководящего органа открыто, с конкретной оценкой проведенной работы и с несением полной ответственности за отзыв.

подвергнуться атаке с какой-либо стороны, надо попросту родиться под счастливой звездой (или в зрелом возрасте попасть под покровительство звезды).

Играющий роль козла отпущения хозяйственник чаще всего не знает даже источника нареканий, они зашифрованы, возможности оспаривать обвинения он все равно никогда не получает, судьба его работы и успех дела решается кем-то с лицами Авгуров на основе того, что сказала «Мария Алексеевна». Разве можно в таких условиях удивляться, что комсостав похож на кочующих цыган?

Особенно вредным недостатком в хозяйственнике считается излишняя инициатива и активность; когда этакие качества проявлены, то срыв работы хозяйственника, безответственные нападки на него и его уход от дела обеспечены; ведь в этих случаях второпях иногда мозоль отдавишь одному из многих стоящих по дороге или вообще нарушишь тишину и порядок; а у нас ведь выработана уже ужасная терминология чиновничьей мертвечины, засасывающей всякое живое дело, это—трафареты: «не сработался», «бузит», «склочник». Эти ярлыки надо порвать и заменить их правом инициативы и живым подходом к людям и делу; если б, скажем для примера, в Средазводхозе нашелся человек, который в свое время «не сработался» бы с подсудимыми и «бузил» по поводу дефектов принятых Москвой проектов и планов строительства, то его, несомненно, выгнали бы в свое время, как «склочника». Надо торопиться с исправлением вышеуказанной обстановки, ибо чиновничья приспособляемость и вырождение активности растут на глазах.

Есть некий минимум гарантий и прав, коими надо наделить комсостав: во-первых, снять с работы может не первая, а вторая инстанция (директора завода—главк, председ. треста—през. ВСНХ), которая, рассекретив причины и дав возможность хозяйственнику или специалисту оспаривать деловые нарекания, обязана мотивировать снятие; во-вторых, хозяйственник или специалист в праве переносить во вторую инстанцию свои инициативные предложения и критику, а эта инстанция обязана их обсудить и вынести решения; в-третьих, должна быть установлена строжайшая уголовная ответственность за необоснованную дискредитацию, нападки, помеху или срыв работы комсостава промышленности.

Недостатков развилось в нашем комсоставе немало и не надо щадить их, критика поможет самому комсоставу изживать недочеты.

Но не условия ли роста и работы повинны главным образом? Ведь сырой материал техников и хозяйственников у нас, несомненно, прекрасный,—посмотрите как в Америке ценят достоинства русской техшколы, из среды русских инженеров, весьма причастных к созданию передовой американской индустрии, вышли и технические вожди целых отраслей американской промышленности—Карапетов, Виноградов, Тимошенко, Моисеев и др.; на примере той же Америки мы видим, что путь от станка к руководящей хозработе считается естественным и высоко ценится, культурность же и кругозор у среднего питерского или московского пролетария не ниже, чем у американского промышленника в массе.

Только если будет тщательно поставлено комплектование комсостава и обеспечено за ним право инициативы и полного влияния на дело, то указанный сырой материал будет продуктивно использован, его квалификация и ответственность за дело во всех деталях будет развита до необходимой высоты; в противном случае ответственность будет бессодержательной, а кадры хозяйственников будут таять и деквалифицироваться.

Мы должны помочь комсоставу выполнить пред'явленную ему историей почетную, но беспримерную по сложности задачу технической революции.

П. Китайгородский.

Египет под пятой английского империализма.

I.

Национально-революционное движение Египта еще не прошло первой фазы своего развития, еще не проделало «первого шага». Как в годы «бури и натиска», 1919—21 гг., так и сейчас перед ним стоит еще во всей остроте задача непосредственной борьбы против империализма. Английский империализм по настоящий день оккупирует страну. Империалистический обруч сковывает воедино все живые силы египетского общества. Это обстоятельство окрашивает национально-революционное движение в однообразный цвет единого нацфронта, придавая «общенациональную» форму всему движению.

Гегемоном на этом первом этапе борьбы все время выступает египетская буржуазия в лице руководящей партии «Вафд», об'единяющей самые разнообразные слои египетской демократии и «третьего сословия», от рабочих, крестьян-феллахов до городской торгово-промышленной буржуазии, средней бюрократии и... обуржуазившихся принцев крови (как принц Тусун, играющий в оппозицию). Однако, несмотря на присутствие в рядах партии «Вафд» представителей трудовой демократии, тон задает умеренно-буржуазная группа, образующая руководящую верхушку в этой организации. Лидеры партии «Вафд»—Мустафа-Нахас-паша, Баракат-паша, Висса-Вассеф-бей и др., как и в свое время покойный «отец народа» Заглул-паша, являются столпами буржуазного египетского общества, представителями рвущейся к полновластию национальной буржуазии (в скобках заметим, многие из этих лидеров, как Заглул-паша, Баракат-паша, являются выходцами из крестьян, но впоследствии они «вышли в люди» и стали властителями дум умеренной национальной буржуазии).

Левое крыло, отражающее интересы широкой трудовой демократии, представленное Ахмедом Махером-беем, Махмудом Некраши и др., обыкновенно стушевывается перед правым крылом, руководимым более авторитетными и более влиятельными «отцами нации». Идеология этих последних окрашивает собою на протяжении всего первого этапа национально-революционного движения политические выступления «Вафда». Эти «отцы нации» довольно искусно укрощают не в меру ретивых «левых», маневрируя, лавируя между Сциллой напористо нажимающей трудовой демократии и Харибдой английского империализма.

Но тут нам необходимо сделать хотя бы беглый анализ природы египетской национальной буржуазии, осветить ее социально-экономическое нутро, определить ее роль в экономике страны. Не забудем, что разрывающий пуповину натурального хозяйства и выходящий на широкую арену капиталистического развития угнетенный Восток крайне неоднороден. Нельзя мерить одним аршином персидскую буржуазию, еще не приобщившуюся к индустрии, и индусскую буржуазию, вкусившую уже от древа познания индустриализации. Точно так же мы обыкновенно применяем общий термин «национальная буржуазия» в Сирии, Турции, Алжире, Тунисе, даже Марокко, забывая, что во всех этих странах удельный вес буржуазии в экономике и хозяйстве страны не везде является решающим, что буржуазно-капиталистические отношения не всюду еще проникли, а если и проникли, то зачастую национальный капитал играет весьма мизерную роль. Поэтому необходимо узнать, на какой стадии развития находится национальный капитал, какова его сила в экономике страны, какие позиции он уже успел отвоевать у господствующего финансового капитала метрополии.

II.

Общеизвестно, что Восток бурно шагнул вперед по пути капиталистического развития в годы империалистической войны, когда воюющие империалистические страны вынуждены были делать уступки угнетенной буржуазии своих колоний и создавать условия, облегчающие победы национальной промышленности. Буквально, нет ни одной колониальной и полуколониальной страны, в которой дыхание капиталистического промышленного развития так или иначе не задело национального торгового капитала, начавшего проникать в сферу индустрии. Однако, не во всех колониальных странах этот процесс развивался с одинаковым темпом. Такая страна, как Индия, скажем, переживала буквально медовый месяц своего промышленного расцвета. Невозможность снабжать Индию военными припасами во время войны, недостаток товаров в самой Великобритании, скудость английского тоннажа, боязнь, как бы Япония не захватила индусского рынка—побудили Англию пойти навстречу индусской буржуазии. Индусский национальный капитал в области текстильной стал почти монополистом. Эта отрасль промышленности стала *национальной*.

Но если Англия в силу вышеуказанных причин вынуждена была итти навстречу индийской буржуазии, то в отношении Египта та же Англия вела совершенно иную политику. Процесс индустриализации, роста национальной египетской промышленности двигался за время и после войны черепашьим шагом. Взошедший на дрожжах военных поставок и подрядов национальный капитал устремился в сферу сельского хозяйства, землевладения и по пути приобретения городской недвижимости. Этот национальный капитал сделался собственником хлопковых плантаций, земельных угодий, домов и городских участков земли. Англия ни в области тарифной таможенной политики, ни в области правовой экономической политики не пошла навстречу египетскому национальному капиталу. Те причины, которые побуждали Англию на компромисс с индийской буржуазией, в Египте отсутствовали. Египет был превращен в плацдарм английского военного командования, ведшего по ту сторону Суэца военные действия с Турцией. Значительная часть соединенной англо-французской эскадры была сосредоточена в Суэцком канале; Египет был фактически включен в театр военных действий, в базу, снабжавшую людским и сырьевым материалами английскую армию (египтян англичане по преимуществу использовали для тыловых работ). Попрежнему египетский хлопок экспортировался в Ланкашир, а не обрабатывался в самом Египте. Только лишь первичная стадия обработки хлопка-сырца кое-где реализовалась на текстильных фабриках Александрии, Танты, Каира и др. Но все это занимало ничтожный процент всего хлопкового сырья, которое почти на 99% экспортировалось в Англию и в «союзные» страны.

Режим капитуляций, таможенная политика, являющаяся орудием в руках иностранных банков, давили на национальный капитал, не давая ему возможности развернуться. Национальный капитал Египта, за время войны значительно окрепший, оставался капиталом преимущественно акционерным, ипотечным, аграрным, торговым, но отнюдь не промышленным.

Египетская буржуазия лишь за последние годы начинает пробивать себе дорогу в сферу промышленности. Но это ей трудно удается. Свирепствующий за последние три года хлопковый кризис в стране освободил зна-

чительные капиталы. Часть этого капитала используется для создания национальных банков, как, например, банка «Миср», учрежденного исключительно для содействия развитию местной промышленности. Основанная в 1925 г. «Лига египетских промышленных предприятий» охватывает промышленные владения с капиталом более 40.000.000 фун. стерлингов и 200.000 рабочих (всего городских рабочих около 600.000).

Однако, вся политика господствующего финансового капитала, поработившего Египет и сосредоточившего в своих руках все командные высоты, направлена на то, чтобы всячески помешать и затруднять рост и развитие национального промышленного капитала. Достаточно указать, что за все импортируемые товары, как машины, сырье (не забудем, что Египет, несмотря на свой аграрный характер, всецело зависит от импорта сельскохозяйственных продуктов из-за границы, ибо английский капитал превратил страну Нила в сплошную хлопковую плантацию, в монокультурную страну) египетскому промышленнику приходится уплачивать пошлину в размере 8% ad valorem и даже больше, в то время как благодаря режиму капитуляций английские, французские, греческие и другие предприниматели от этого почти-что освобождены. Иностранные капиталы почти не платят налогов, в то время как, например, развитие местной текстильной промышленности небывало тормозится из-за акциза в размере восьми процентов. Медленно туземная промышленность пробивает себе дорогу, с большим трудом завоевывая свои позиции в стране.

В Египте существует еще одно специфическое обстоятельство, усугубляющее положение национальной туземной буржуазии. Это вопрос о распределении воды, о владении водой, об ирригационной системе. Оказывается, рекой Нилом распоряжается английский империализм. Захват Судана, этого ключа от Нила, изгнание египетских гарнизонов из Судана и фактическая аннексия Судана, бывшего частью Египта, англичанами нависли смертельной угрозой над Нижним Египтом. Проведение англичанами сети ирригационных сооружений в Судане, для каковой цели в Англии был еще в 1924—25 г. сделан заем в 13 миллионов фунт. стерлингов, гарантированный парламентом, ставит орошение Нижнего Египта в полную зависимость от англичан.

Поскольку значительная часть туземного капитала вложена в земледелие (одних только рантье было в 1918 г. около 15—20% всего населения, а ведь в Египте существует довольно развитая дифференциальная рента, процесс капитализации земельной ренты имел место еще до войны), естественно, что национальная буржуазия кровно заинтересована в борьбе за «водную» гегемонию. Борьба за Судан для египетской буржуазии обозначает в первую очередь борьбу за воду, за независимое и свободное орошение. Один только вопрос о Судане стимулирует волю национальной буржуазии в борьбе за независимость. Буржуазия не может мириться с отторжением Судана от Египта. Для нее это вопрос жизни и смерти. Согласиться на отказ от суверенного распоряжения Суданом значит заранее подписать себе смертный приговор. В вопросе о Судане египетская буржуазия может итти на незначительный компромисс. Вот почему египетское пр-во отклонило англо-египетский договор, ибо в нем, между прочим, пункт о Судане был редактирован в явно неприемлемой для египетской буржуазии форме.

Перейдем к «текущему моменту».

III.

В египетском парламенте, выборы в который произошли 22 мая 1926 г., соотношение сил представляется в следующем виде: 162 депутата партии «Вафд», 38 «либерало-конституционалистов», партии, напоминающей российских «октябристов» в Государственной Думе,—эта партия крупных земле-

владельцев, бюрократов и компрадоров стоит за сближение и сговор с англичанами ценою даже урезывания национального суверенитета; 7 депутатов-«эттихадистов», типичных зубров, открыто поддерживающих английский режим,—эта партия отражает интересы королевского двора, феодальной аристократии, этой социальной опоры империализма на Востоке. Кроме того, 5 депутатов-ватанистов, или крайних левых националистов.

Располагая подавляющим большинством голосов в парламенте и пользуясь значительным влиянием на широкие массы трудовой демократии, «Вафд», тем не менее, вынужден был под давлением англичан итти на образование коалиционного правительства из заглулистов и либералов.

Но это коалиционное правительство переживало перманентный кризис. Заглулисты выдали крупные векселя своим избирателям, в частности, миллионам несчастных, эксплоатируемых крестьян-феллахов, сильно страдающих вследствие затянувшегося хлопкового кризиса. Феллахи требуют аграрных реформ, снижения арендной платы, улучшения налоговой системы, государственной кредитной помощи.

В виду хлопкового урожая в Америке, за последние 2—3 года, египетский хлопок остался нереализованным и около 2.000.000 квинталов хлопка остаются на складах. (См. «L'Economiste Egyptien» за март 1928 г.) [1].

Заглулисты до сих пор мало сделали для крестьян. Министры-либералы, возглавлявшие до последнего кризиса коалиционное правительство, противились реформам, стремясь взвалить на плечи трудящихся масс бремя налогов. В рядах партии «Вафд» на этой почве происходили значительные трения. Стала складываться левая фракция, требующая немедленного платежа по выданным заглулистами политическим векселям, разрыва коалиции с либералами, ведения четкой антиимпериалистической политики.

Правое крыло «Вафда», руководимое «отцами нации» в роде Нахаса-паши, лавировало, увиливая от сформирования чисто заглулистского правительства, боясь взять на себя целиком всю ответственность за власть. Но вот подоспел момент окончания переговоров для заключения англо-египетского соглашения,—и события приняли совершенно иной оборот.

Колеблющаяся, нерешительная, капитулянтская руководящая верхушка «Вафда», социально соприкасающаяся с торговой, спекулянтской, рантьерской частью египетского общества, под давлением длящегося экономического кризиса, под напором феллахов, рабочих и обираемой городской мелкой буржуазии, вынуждена была сделать крен в сторону своего левого крыла, настаивавшего на отклонении англо-египетского договора.

Некраши-бей, Хасан Нафан, Махмуд Сабид, «рабочие» депутаты-заглулисты, прошедшие в парламент исключительно голосами рабочих и испытывающие давление этих рабочих избирателей, все более и более стали внутри «Вафда» переходить в атаку против правого крыла. Надо принять во внимание, что значительная часть египетского рабочего класса находится под обаянием националистической идеологии «Вафда». Преобладающая роль европейского капитала в Египте, империалистический гнет Англии, режим капитуляций затрудняют борьбу египетского пролетариата, порою попадающего под влияние угнетенной национальной буржуазии, выступающей в роли защитницы «общенациональных» интересов. Национальный момент затушевывает пролетарский характер классовой борьбы. «Вафд» искусно эксплоатирует националистические предрассудки рабочих масс, используя государственный политический аппарат для своих целей.

---

[1]) 92% египетского экспорта составляет хлопок. За последние три года вывоз хлопка уменьшился с 65.733.935 егип. фунтов (егип. фунт = 10 зол. руб.), каковой цифры он достиг в 1924 г., до 48.341.000 егип. фунт. в 1927 г.

«Рабочая» фракция «Вафд» под напором наседающих иа иее рабочих кругов вынуждена играть в «левизну», делать вид недовольства половинчатой, торгашской политикой умеренной руководящей головки «Вафда». Последняя напоминает своим поведением русских кадетов, искусно пускающих оппозиционную пыль в глаза, ведя за кулисами торг с царской камарильей.

Нахас-паша, лидер «Вафда», напоминает российского Милюкова, презиравшего демос, пугавшегося революции и готового продавать народную свободу (без кавычек) за чечевичную похлебку. В самом крайнем случае, он подписывает выборгское воззвание, чтоб потом его же саботировать.

В самом деле, под напором пришедших в движение широких кругов Египта (демонстранты-студенты стали бить стекла в «доме народа», клубе «Вафда» в Каире) египетский парламент, в котором депутаты, принадлежащие к партии «Вафд», или заглулистам, составляют подавляющее большинство, постановляет отвергнуть англо-египетский договор. Этот договор предусматривал оставление английской армии в Египте на 10 лет, сохранение Судана в руках англичан, приблизительно в такой же срок, лишение Египта права заключать договоры с третьими державами без санкции Великобритании. «Вафд» отказался подписать этот договор, который озиачал фактическое порабощение Египта при номинальной независимости.

Правительство Сорвата-паши вынуждено было подать в отставку. Лидер «Вафда» берется образовать самостоятельное правительство, но тут же проявляет свою трусость, не решаясь составить чисто-заглулистский кабинет. Нахас-паша униженно умоляет партию «либерало-конституционалистов», партию крупной буржуазии и высокопоставленных бюрократов, делегировать своих двух членов в кабинет. Эта партия получает 2 портфеля: финансов и военный.

Не успели вставить стекла в разбитые демонстрантами-студентами окна в клубе «Вафда» (каирские студенты, как и студенты Александрии и других городов Египта, первые вышли на улицу, требуя, чтоб «Вафд» отверг продиктованный из Форен-Офиса кабальный договор), как «отец народа» Нахас-паша уже спешит заключить трогательный союз с египетскими «октябристами». Этот шаг уже явился грозным предзнаменованием для наивных, уверовавших в способность египетских кадетов вести решительную борьбу за национальный суверенитет. Ибо, в самом деле, как можно бороться за независимость, когда в кабинете участвуют два «либерала», готовых во всякий момент выдать Египет с головой английскому империализму?

Мустафа Нахас-паша не решился на образование самостоятельного заглулистского кабинета, ибо по своей социальной природе он сам не особенно большой охотник до последовательной, решительной борьбы против английского империализма.

Когда англичане увидели, с кем они имеют дело, то они перестали особенно церемониться. Едва только в марте 1928 г. было сформировано правительство Нахас-паши, английское правительство потребовало отклонения законопроекта о публичных собраниях. Этот законопроект преследовал цель ослабления власти английских чиновников министерства внутренних дел, ведающих правом разрешения собраний. Законопроект предусматривал за городскими и сельскими «омдами» («омдэ»—городской голова, сельский староста) право наблюдать за порядком во время публичных митингов. Этот законопроект о публичных собраниях даже с точки зрения буржуазной демократии крайне реакционен. Он вовсе не прокламирует свободу собраний. Он только преследует цель из'ятия права предоставления разрешения на публичные собрания из ведения центрального ведомства, в котором верховодят английские советники, и передачи этого права городским и сельским мэрам. Законопроект карает штрафом от 100 до 300 рублей и месячным тюремным заключением устроителей собрания в случае, если они перейдут за рамки,

установленные законом. Единственным прогрессивным моментом в этом реакционном законопроекте о публичных собраниях является его посягательство на режим капитуляций, на привилегию англичан.

Последние ухватились за этот законопроект, идущий во вред господству английских чиновников, распоряжающихся в Египте, как в своей вотчине. Нота Чемберлена в начале марта настаивала на отклонении этого законопроекта. Нахас-паша произносил пышные речи, распространяясь на тему о том, что Египет не входит в состав английской империи, что сами англичане заинтересованы в независимости Египта. Этот премьер угодливо уверял Чемберлена, что свободный Египет готов служить Англии и воевать на ее стороне (против СССР?). Одним словом, в своих нотах, многочисленных интервью и выступлениях в парламенте Нахас-паша держался задорно, уверяя, что египетское правительство не может отказаться от своего права проводить те законы, которые оно считает целесообразным.

Египетский премьер-министр указывал, что само египетское правительство может взять на себя охрану интересов иностранцев. (Как известно, в своей декларации от 28 февраля 1922 г. английское правительство об'явило Египет независимым, но оговорило 4 пункта, по которым Египет должен столковаться с Англией, а именно: 1) Суэцкий канал, 2) Судан, 3) режим капитуляций и охрана интересов иностранцев и 4) защита Египта от внешнего врага. Этим самым Нахас-паша игнорировал декларацию англичан от 28 февраля 1922 г. Нахас-паша убеждал английское правительство предоставить Египту полную независимость, ибо «угнетенный Египет в случае войны Англии с третьей державой, использует эту возможность для своих освободительных целей».

Этот «главноуговаривающий» Нахас-паша держал себя, однако, непринужденно до английского ультиматума. Стоило Лондону приказать двум военным судам погрузиться углем, чтобы поплыть к египетским берегам, как тот же Нахас-паша быстро капитулировал. Ему пришлось выдержать жестокую борьбу не только с оппозицией в парламенте, но даже с сенатом, который долго не соглашался на капитуляцию. В закрытых заседаниях парламента и сената левые сурово критиковали трусливых министров-вафдистов с Нахас-пашей во главе. Нахас-паша добился с большим трудом согласия обеих палат на капитуляцию, выразившуюся в отсрочке рассмотрения законопроекта о собраниях до следующей сессии парламента. «Отцы народа» отдали приказ по полиции строжайше следить за порядком и в случае надобности обратиться за помощью к... английской армии. Так, по крайней мере, сообщает корреспондент «Таймса» в номере от первого мая. Предатели народной свободы, испугавшиеся последствия своей капитуляции, поспешили апеллировать за помощью к той самой иностранной силе, против которой они будто бы хотят бороться! Не доверяясь национальной армии, они готовы искать спасения от народного гнева у английских штыков. Требуется ли более яркое доказательство никчемности, измены и предательства «Вафда», чем это секретное распоряжение, отданное полицейским властям?

Капитуляция «Вафда» перед Англией в вопросе о публичных собраниях явно обнаружила, что элементы, руководящие этой организацией, пользующейся наибольшим влиянием на широчайшие круги населения Египта, неспособны на борьбу за независимость и ждут только удобного момента, чтоб сторговаться с английским империализмом.

Долг египетских коммунистов разоблачить перед широкими рабоче-крестьянскими массами предательскую политику «Вафда», сорвать с него маску «друга народа» и призвать эти массы на борьбу за независимость, как от английского, так и отечественно-буржуазного ига.

Я. Виленкин.

Американский империализм и революция в Никарагуа.

История империализма Соед. Штатов не нова. С момента возникновения республики Соед. Штатов ее внешняя политика развивалась параллельно ее экономической экспансии. «Иностранная политика,—говорил бывший министр иностранных дел Чарльс Юз,—строится не на абстракциях. Она является результатом практически понятого национального интереса, базируясь на тех или иных текущих требованиях, или вырастая на исторических перспективах... Государственные деятели, несущие на себе бремя управления, не должны ни на один момент упускать из виду те требования, которые диктуются стремлением к господству». Подобное заявление такого известного американского государственного деятеля, как Юз, имеет большой удельный вес, так как сам Юз в течение всей своей долгой политической карьеры (в качестве губернатора штата Нью-Йорк, судьи в верховном суде Соед. Штатов и, наконец, министра иностранных дел) проявил себя энергичным апологетом капиталистической системы и крупного капитала в форме трестов или корпораций. В своей декларации он с совершенной точностью определяет, каковы цели внешней политики всех капиталистических стран и в частности Соед. Штатов. «Требования, диктуемые стремлением к господству» с самого основания Соед. Штатов сводились к завоеванию континента, лежащего на западе в направлении к Тихому океану, и к развитию торговли и промышленности вдоль Атлантического океана. Таким образом, история Соед. Штатов представляет собой почти непрерывную линию роста и территориальных захватов.

Доктрина Монроэ,—Америка для Америки,—провозглашенная в 1823 г., явилась отражением империалистических тенденций американского капитализма, несмотря на то, что молодая американская буржуазия выдвигала ее сначала в противовес Священному Союзу, которым на Веронском конгрессе 28 ноября 1822 г. был подписан тайный договор, «чтобы положить конец системе представительного правления, в каких бы европейских странах оно ни существовало, и предотвратить его появление там, где оно еще неизвестно».

Но лет 30 спустя президент Польк дает уже свое собственное толкование доктрины Монроэ, которое на практике сходится с современным толкованием этой доктрины Юзом и сводится к тому, что «внешняя политика является результатом практически понятого национального интереса, базируясь на тех или иных текущих требованиях или вырастая из конкретных исторических перспектив». Но очень скоро доктрина Монроэ, первоначально направленная против вмешательства европейских стран в дела молодой северо-американской республики, стала ширмой, прикрывающей стремления нарождающегося империализма Соединенных Штатов подчинить своему контролю весь американский континент. Капиталу Соед. Штатов нужно было обеспечить себе свободу экспансии в странах Южной и Центральной Америки; и он это сделал под благовидной вывеской доктрины Монроэ.

Владельцы хлопчатобумажных плантаций в Южных Штатах остро нуждались в земле, чтобы удовлетворить повышенный спрос английских хлопчатобумажных фабрик в Англии и в Северо-Восточных Штатах. Распространять свои плантации в северные районы они не могли из-за климатических условий, а также потому, что Северные Штаты противились распространению рабства к северу от линии Мейсона и Диксона. Таким образом, плантаторам юга открывался один только путь—в южном направлении. Под давлением этой необходимости президент Польк в 1848 году об'явил войну Мексике. С помощью грубой силы Соединенные Штаты захватили территорию Новой Мексики и нынешнего штата Калифорнии, где приблизительно около того же времени было открыто золото.

Значение этого открытия было проанализировано Карлом Марксом в двух статьях, появившихся в «Новой Рейнской Газете». Статьи датированы Лондоном от 31 января и от 1 ноября 1850 года. (Nachlass, Dritter Band, S. 443—460). Сделаем несколько извлечений из этих статей: «Теперь перейдем к американскому вопросу. Самое значительное событие, которое там произошло, это—открытие калифорнийских золотых россыпей, открытие более важное, чем февральская революция (революция 1848 г. во Франции. *Я. В.*). Даже теперь, через полтора года после открытия, можно предсказать, что оно чревато более крупными последствиями, чем открытие Америки...». «Открытие калифорнийских золотых россыпей подняло благосостояние Америки на небывалую высоту. Во втором номере настоящего издания мы уже раньше, чем другие европейские журналы, обратили внимание на всю важность этого открытия и на те необходимые последствия, которые оно будет иметь для мировой промышленности. Важность этого открытия не в том, что, благодаря эксплоатации новых россыпей, увеличится количество золота; но такое увеличение средств обмена не может не оказать благоприятного влияния на мировую торговлю и промышленность. Открытие горных богатств в Калифорнии дало толчок размещению капиталов во всем мире. Оно также увеличивает торговлю на западном американском и на восточном азиатском побережье Тихого океана, открывая новые рынки в Калифорнии и в соседних странах. Один калифорнийский рынок имеет большое значение: год назад население Калифорнии составляло 100.000 человек, в настоящее время там живет не менее 300.000, которые занимаются только добычей золота, обменивая его на предметы первой необходимости, ввозимые извне. Но сам по себе калифорнийский рынок представляется незначительным по сравнению с постоянным расширением рынков на Тихом океане, по сравнению с выдающимся ростом торгово-промышленной жизни в Чили и Перу, в Западной Мексике, на островах Гаити, и, наконец, по сравнению с фактом молниеносно установившихся сообщений между Азией и Австралией и Калифорнией. Открытие калифорнийского золота поведет к созданию новых мировых путей, которые по своему значению затмят все мировые пути прошлого. Основной торговый путь на Тихий океан, недавно ставший таким важным фактором для мореплавания и приобревший мировое значение, это—путь, лежащий через Панамский перешеек. Установление путей сообщения через Панамский перешеек с помощью дорог, железных дорог и каналов, властно диктуется требованиями мировой торговли и должно быть осуществлено. Железная дорога, соединяющая Чагра с Панамой, находится в процессе постройки. Одна американская компания занимается обследованием района реки Сан-Хуан-де Никарагуа с целью соединить в этом месте оба океана сначала железнодорожной веткой, а затем каналом. Американские и английские газеты обсуждают возможности других путей: через перешеек Дариана, через Атрато в Новой Гренаде, через перешеек Тетуантепека. Цивилизованный мир внезапно обнаружил свое невежество насчет территориальных условий Центральной Америки. Отсюда невозможность точно установить, в каком месте удобнее всего постройка

канала. Судя по скудным информациям, путь на Атрато и путь через Панаму представляют наилучшие шансы...».

Итак, еще свыше 77 лет назад молодой американский капитализм начал изыскания в области реки Сан-Хуан-де Никарагуа. Быстрое развитие капитализма в Соединенных Штатах заставляло его все время искать новых рынков, которые можно было найти, с одной стороны, в Латинской Америке, а с другой стороны, в старых азиатских странах с густым населением. В связи с этим американское правительство начинает изыскивать наиболее короткие переходные маршруты, наиболее дешевые средства сообщения с вышеупомянутыми странами. Каналы являются одним из самых важных путей сообщения, как это правильно отметил Маркс.

После того, как французская компания неудачно пыталась построить Панамский канал, закончив свое предприятие шумным панамским скандалом, затмившим всю прочую скандальную хронику, известную в анналах французской истории, многие американские инженеры обращались к правительству Соединенных Штатов с предупреждением не повторять ошибки французов и не пытаться проводить канал через Панамский перешеек не только потому, что французское предприятие закончилось неудачей, но и потому, что почва в этом месте слишком мягкая и не годится для канала. Американские инженеры указывали на возможность оползней, и это оправдалось впоследствии, несмотря на то, что Панамский канал был построен лучшими инженерами мира. Американские дальновидные эксперты советовали правительству вести канал через Никарагуа.

Клейтон-Бальверский договор 1850 года между Соединенными Штатами и Англией, имеющей крупные вложения капитала в странах американского континента, благодаря настойчивости американских инженеров, предусматривает проведение нейтрального канала через Никарагуа. И позднее проект такого канала серьезно рассматривался на ряду с планом Панамского канала.

В начале текущего столетия создался специальный концерн, во главе которого стояли бывший президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт, Генри Тафт, брат нынешнего главного судьи Верховного суда Соединенных Штатов Вильяма Говарда Тафта. Обоих политических деятелей поддерживал старый Дж. П. Морган, отец нынешнего Моргана, а также многие другие американские банкиры. Концерн скупил у обанкротившейся французской компании все ее землечерпальные и прочие машины за ничтожную цену (около 10 млн. долларов). Концерн затем продал свое имущество правительству Соединенных Штатов за 40 млн. долларов и повел в прессе агитацию за постройку Панамского канала, вопреки мнению крупнейших американских экспертов.

После долгих переговоров с Колумбией и оживленных дебатов относительно преимуществ панамского и никарагуанского направлений конгресс уполномочил президента Рузвельта, который, как мы выше упоминали, был заинтересован именно в Панамском канале, начать переговоры о постройке канала через Панамский перешеек. Если бы в течение определенного времени такие переговоры не увенчались успехом, то президент Рузвельт был уполномочен перейти к переговорам о постройке канала в Никарагуа. Однако, Рузвельт, будучи заинтересованной стороной, не пытался использовать последнего пути. Когда конгресс Колумбии, собравшийся на чрезвычайную сессию для ратификации договора о постройке канала, отложил 31 октября 1903 г. свои заседания, не придя ни к каким результатам, Рузвельт организовал восстание в провинции Панама, входившей в состав Колумбии, опираясь на некоторые зажиточные элементы местного населения, которые ожидали для себя больших выгод в случае победы Соединенных Штатов. Восстанием инсургентов руководили офицеры Соединенных Штатов при поддержке американских военных кораблей, посланных специально для этого в панамские

воды. Таким образом, возникла республика Панама, которая, по существу, являлась и является попросту вассалом Соединенных Штатов.

Панамский канал, законченный в 1914 г., имеет много недостатков, не считая частых оползней, которые, заметим мимоходом, хотя и скрываются от широкой публики, случаются часто и мешают регулярному движению. Наоборот, план канала через Никарагуа имеет много явных преимуществ: прежде всего почва там каменистая, что гарантирует от оползней; во-вторых, с точки зрения стратегической, канал через Никарагуа представляется более защищенным, в виду смежности с Караибским морем и близости от Соединенных Штатов, в особенности от Флориды. Еще более велики преимущества никарагуанского направления по сравнению с Панамским каналом в коммерческом отношении, так как первый путь ближе к Соединенным Штатам приблизительно на 500 миль. Это обстоятельство, с одной стороны, ускоряет сообщение между Азией и Соединенными Штатами, а с другой стороны, между восточным и западным побережьем самих Соединенных Штатов и некоторых частей Южной Америки.

Все эти преимущества выдвинули проект постройки канала через Никарагуа сейчас же после того, как Панамский канал был готов для навигации. Теперь же, в связи с невероятной экспансией американского капитала, Соединенные Штаты особенно остро ощущают необходимость иметь на ряду с Панамским каналом еще одну отдушину в виде нового Никарагуанского канала тем более, что он представляет столько преимуществ. Методы, применяемые для осуществления этого плана, совпадают с теми, которые применялись перед постройкой Панамского канала.

Следует иметь в виду, что консервативное правительство в Никарагуа пришло к власти в 1912 г. с помощью американских войск и одержало победу на выборах 1916 и 1922 гг. при поддержке американских сухопутных и морских сил. У правительства 1916 года Соединенные Штаты купили право постройки канала через территорию Никарагуа, при чем нью-йоркские банкиры, в том числе Бр. Браун и К° и Зелигман и К°, приобрели больше половины акций Никарагуанской Тихоокеанской железной дороги, единственной железнодорожной линии в Никарагуа. В Никарагуа замешаны также интересы и других капиталистических групп. Об'единенная фруктовая компания владеет громадными земельными участками, на которых расположены фруктовые насаждения, сахарные плантации и фабрики цукат. Крупные американские капиталы вложены в богатые золотые россыпи в Никарагуа. По мере роста материальной заинтересованности американских империалистов в Никарагуа, Америка начинает непрестанно вмешиваться во внутренние дела Никарагуа, третируя ее, как вассальную страну, подчиненную интересам магнатов капиталистического мира Соединенных Штатов.

Договор, дающий Соединенным Штатам право прорытия канала через Никарагуа, был подписан 18 февраля 1916 года. Соединенные Штаты обязуются уплатить Никарагуа 3 млн. долларов в обмен за следующие уступки:

1) Право постройки канала по линии реки Сан-Хуана и Великого Озера, или в любом другом направлении через территорию Никарагуа.

2) Право аренды на 99 лет островов Большой Рог и Малый Рог в качестве морской базы в заливе Фонеска.

3) Соединенные Штаты имеют право преимущества при возобновлении аренды на морскую базу еще на 99 лет.

Договор этот отдает Никарагуа в полное подчинение американскому империализму.

Во время переговоров, приведших к этому договору, республики Коста Рика и Сальвадор выступили с протестом. Морская база в заливе Фонеска вызывала особенное беспокойство, так как создавала для обеих соседних стран постоянную угрозу финансового и промышленного подчинения Соединенным Штатам. По условиям договора, канал через Никарагуа должен был

итти непосредственно вдоль границы между Никарагуа и Коста Рикой. Несомненно, Соединенные Штаты собираются приобрести некоторые земельные участки к югу от Никарагуа, а это значит, что они произведут набег на Коста Рику для того, чтобы насильственно прихватить кое-какую территорию этой последней. Это-то соображение главным образом и беспокоит мелкие государства Центральной Америки, которые в борьбе никарагуанских либералов усматривают пролог к своей собственной драме.

Соединенные Штаты всецело прибрали Никарагуа к своим рукам. В то время как американские банкиры оказывают давление на экономическую жизнь Никарагуа, министерство иностранных дел Соединенных Штатов и американское морское ведомство устанавливают контроль над этой республикой. Оппозиция со стороны либеральных националистов консервативному правительству, ставленнику Соединенных Штатов, не прекращается с 1913 г. Восстание вспыхнуло летом 1921 года, и правительство ввело в стране военное положение. Вашингтонское правительство послало 10.000 винтовок, значительное количество пулеметов и миллионы снарядов и патронов. Благодаря этому консервативное правительство Никарагуа удержалось у власти. Весной 1922 года перед консервативным правительством Чаморро встала новая угроза восстания. Правительство арестовало 300 либералов и ввело военное положение. Американская эскадра грозила перейти к открытым действиям, и правительство Чаморро благодаря этому было спасено.

В 1924 году Солорцано, кандидат либералов, был избран президентом подавляющим большинством голосов, побив генерала Чаморро, своего противника из консервативного лагеря.

В следующем же году Чаморро произвел государственный переворот. Он провозгласил себя главнокомандующим, провел свое избрание в Сенат и очистил конгресс от либерального большинства. Затем он выслал из страны либерального вице-президента д-ра Сакасу и сам пожаловал себе титул «первого делегата». Солорцано счел более благоразумным выйти в отставку, и Чаморро стал фактически президентом. Нет никаких сомнений, что все эти «революции» не могли бы иметь места без согласия представителей финансовых и промышленных кругов Соед. Штатов. Но при этом крупным северо-американским капиталистам и их правительству пришлось прикидываться невинными овечками, лицемерно отказывая в признании правительства Чаморро. Это обстоятельство использовали никарагуанские либералы. В мае 1926 года они восстали против Чаморро и захватили Блуфилдс, об'явив президентом страны либерала Сакасу. Президент Кулидж отправил эскадру под предлогом защиты интересов граждан Соед. Штатов, но по существу исключительно для защиты Уолл-Стрита. Американский десант провозгласил Блуфилдс нейтральной зоной и затем удалился. (В Блуфилдсе расположены крупные золотопромышленные предприятия, принадлежащие северо-американским капиталистам). В лондонской газете «Таймс» от 7 января, мы находим следующее описание недавних событий в Никарагуа: «В августе 1926 года Чаморро сделал ловкий ход, настолько ловкий, что принужден был в ноябре выйти в отставку. А именно, он обратился к Лиге Наций, членами которой состоят Никарагуа и соседние республики, с жалобой против доставки оружия и снаряжения его противникам-либералам на мексиканском пароходе. Лига Наций обратила внимание Мексики на это обстоятельство, в ответ на что Мексика предложила Лиге не соваться не в свое дело. Своим обращением к Лиге Наций Чаморро нарушил доктрину Монроэ. В сентябре уже министерство иностранных дел в Вашингтоне предложило свое посредничество, а через три дня после этого мистер Кулидж приостановил экспорт оружия и снаряжений в Никарагуа. Вашингтон упорно стремился примирить воюющих консерваторов и либералов, но через неделю обе воюющих стороны предпочли возобновить враждебные действия. Еще немного спустя Чаморро был вынужден выйти в отставку, и президентом был избран

Диас, правда, в обстановке военного положения, но с соблюдением конституционных правил, достаточным для того, чтобы успокоить американскую совесть».

«Но, если Соед. Штаты признали консерватора Диаса, то Мексика признала «либерала» Сакаса... Нет необходимости следить за мелкой партизанской войной между армией Диаса,—пользовавшейся при случае поддержкой со стороны морской пехоты и аэропланов Соед. Штатов,—и «повстанцами» и «бандитами» Сакаса. После многочисленных боев Диас, с помощью оружия, снаряжения, а также моральной поддержки из Соед. Штатов, в конце-концов победил. Никарагуа обратилась почти в такую же мирную страну, как и большинство центральных американских республик в нормальное время, и Белый Дом имел все основания быть довольным результатами своего вмешательства. Но внезапно генерал (или, может быть, бандит) Сандино, не пожелавший согласиться на условия перемирия, выработанные в мае, зашевелился в отдаленных районах, на границах Гондураса, вместе с какой-то женщиной бежал в трудно проходимые горные местности, засел в неприступной крепости, имевшей выход на территорию Гондураса, заманил в ловушку колонну северо-американской морской пехоты, нанес ей потери и вообще создал такое положение, которое заставило Северную Америку отправить в Никарагуа подкрепления как раз в очень неподходящий и неудобный момент. Нет сомнения, что это новое восстание (1927 г.) будет быстро подавлено и «генералу» Сандино придется бежать за границу в ожидании лучших времен. Но тем не менее моральный эффект его авантюры несомненен и отразится на атмосфере президентских выборов, которые предполагались в этом месяце под надзором Америки».

Эта выдержка из статьи, напечатанной в реакционной капиталистической газете, доказывает, что американское правительство провоцирует «революции» в Никарагуа с той же целью, с какой оно в свое время спровоцировало восстание в Панаме в 1903 г. Соед. Штаты стремятся подчинить себе Никарагуа с целью осуществить свой, восходящий еще к 50-м годам прошлого века, план канала через никарагуанскую территорию. Канал этот необходим американскому империализму по многим причинам: во-первых, его торговля с Азией и Австралией растет, а, во-вторых, быстрый рост основных отраслей промышленности Южных Штатов выдвигает на очередь вопрос о постройке канала через Никарагуа, так как относительная близость этой последней от Южных Штатов чрезвычайно для них выгодна.

Короче говоря, интересы американского капитализма диктуют постройку канала через Никарагуа, и американские капиталисты не остановятся ни перед чем, чтобы привести свой план в исполнение.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

А. Кармалитов.

Как под гром победного шествия... отступают.

Есть разные методы полемики. Когда твердо уверен в правильности своей позиции, то имеешь возможность на простых, ясных примерах показать бессодержательность выдвигаемых положений противника. Но когда позиция шатка, когда доказательства построены на песке, когда вместо анализа того или иного вопроса в активе имеешь лишь одну пустую эквилибристику ума, тогда можно считать, что дело проиграно. В таких случаях приходится защищать не свои положения, а просто самого себя, свое «алиби». В таком случае чаще всего берут нахрапом. Становятся в гордую позу потрепанного победителя, привлекают весь арсенал простой ругани, которую можно по цензурным условиям напечатать, и на этом затихают. Вот на такой второй путь и вступили маятникоподобные Леонтьев и Хмельницкая.

В своих «Критических заметках», напечатанных в «Большевике» № 23—24, я пытался на ряду с разбором выдвигаемых положений авторов «Очерков переходной экономики» поставить некоторые проблемы. Редакция «Большевика» сочла необходимым поднять обсуждение по затронутым вопросам. Необходимость такого обсуждения настоятельна, так как до настоящего времени, несмотря на довольно об'емистую литературу (одними Л. и Х. уже написано свыше тысячи страниц), эти вопросы у нас не получили разрешения. В своих «Критических заметках» мы имели смелость не согласиться с основными положениями Леонтьева и Хмельницкой. Разобиженные «теоретики», закинув голову вверх, выступают в поход. Прежде всего, они оповестили, что критика их положений (в самом деле и х положений) «не заслуживает ответа». А потом снизошли... стали отвечать. Тон взяли самый высокий, на какой вообще способны. Но удержаться на взятой высокой ноте не удалось,—ответная статья Л. и Х. превратилась в набор голо-ругательских «аргументов». У каждого есть свой вкус. Леонтьев и Хмельницкая могут упражняться в ругани. Наша задача более скромная: снова поставить поднятые вопросы, очистив их от бранной шелухи непризнанных «теоретиков».

Как ни безрадотстна работа, все же придется итти шаг за шагом за наблудившими «теоретиками» для того, чтобы показать, с каким сортом оппонентов приходится иметь дело.

I. План и стихия или „плановая" работа по замазыванию своих ошибок.

В своей рецензии на книжку Л. и Х. «Очерки...» я указывал как на положительные, так и на отрицательные стороны книжки. Как на одну из таких отрицательных сторон, я указывал на то, что авторы, несмотря на неоднократное заявление, что они не абстрагируются от экономполитики при анализе теоретических проблем советской экономики, на деле такое абстра-

гирование проделывают. В частности я указывал на абстрагирование от экономполитики при анализе стоимости в советских условиях. Авторы богом клянутся, что нигде этого нет, называют «полемическим трюком» такое изложение их взглядов, кричат и беснуются за «искажение», «замалчивание» их подлинных взглядов и т. д.

Тут же с гордой самоуверенностью заявляют, что чуть не впервые разобрали этот вопрос. Вот полюбуйтесь: «вопрос о роли экономполитики в хозяйстве переходного типа нами специально разработан с довольно большой полнотой» (стр. 81 ответа).

Ну, что ж, хвала и привет, если «специально разработан» с «довольно большой полнотой». В наш век товарных отношений рекламировать себя не возбраняется. Но в этот же век, помимо рекламы, требуют и «товар лицом». Раньше, чем будем рассматривать предлагаемый «товар», сделаем еще одно замечание. В «Критических заметках» я указывал, что позиция авторов «Очерков» во многом сходится с позицией Преображенского. Авторы возмущены: оказывается, что они-то впервые дали «р а з в е р н у т у ю» критику положений Преображенского. Оказывается, что «в нашей работе дается в е с ь м а развернутая т е о р е т и к о-э к о н о м и ч е с к а я критика этого (Преображенского) автора» (стр. 88). Теперь посмотрим, как авторы «весьма развернуто» критикуют понимание экономполитики Преображенского, тем более, что этот вопрос по гласящей рекламе «специально разработан».

Вот самая «полная» характеристика экономполитики, даваемая Л. и Х. в их «Очерках»: «Что же касается экономической политики, представляющей форму сознательной социально-хозяйственной деятельности в переходной экономике, то следует помнить, что это есть п о л и т и к а, что она имеет место в обществе с определенной к л а с с о в о й структурой». («Очерки», стр. 97, разрядка авторов).

Следовательно, экономполитика пролетарского государства есть п о л и т и к а.

А вот характеристика той же экономполитики, даваемая Преображенским.

«Указание на то, что у нас государство руководит социалистическим сектором хозяйства и от него неотделимо, доказывает лишь, что здесь больше трудностей для абстракции, чем при капитализме, но ни в малой мере не говорит против необходимости отделить э к о н о м и к у от п о л и т и к и на определенной стадии исследования» (цит. по Бухарину: «К вопросу о законах переходного периода», стр. 15).

Чем отличается положение Преображенского от положения авторов «Очерков», неизвестно. Правда, отличие есть. Оно заключается в том, что эту премудрость Преображенского Л. и Х. вытащили из примечания, куда он его запрятал, и написали в своих «Очерках» курсивом.

Тов. Н. Бухарин по поводу такой трактовки экономполитики Преображенского пишет: «Преображенский, очевидно, не в целях политики, а самого об'ективного «исследования»—ухитрился насильственно запихнуть самое важное, «э к о н о м и ч е с к а я политика» превратилась, с божьей помощью, просто в «политику» (там же, стр. 16). У Л. и Х. экономполитика превратилась тоже в «политику». Вот вам и «весьма развернутая критика Преображенского», вот вам и «специальная разработка» вопроса экономполитики. Оказывается, «специальная» «весьма развернутая» критика Преображенского выразилась в простом списывании у последнего. Когда Кармалитов на это указал, то оказался «путаником», «безграмотным» и т. д. «Грамотность» авторов «Очерков» выступает здесь в самой неприкрытой форме. При таком понимании экономполитики, какое выдвигают Л. и Х., Преображенский совер-

шенно прав, что абстрагируется от нее. Л. и Х. не понимают, что они делают самую безграмотную ошибку, когда на ряду с определением экономполитики, *как политики*, заявляют, что абстрагироваться нельзя. Здесь оказывается, что Преображенский в тысячу раз последовательнее, умнее и смелее авторов «Очерков».

Почему нельзя абстрагироваться от экономполитики? Да потому, что сама экономполитика пролетарского государства не «надстройка», а срослась с базисом, стала составной частью этого базиса. «Ибо у нас тресты и синдикаты,—пишет тов. Бухарин,—входят в совокупный государственный аппарат, а их политика *входит* важнейшей составной частью в политику государственной власти. Аппарат нашего госхозяйства является составной частью производственных отношений советского общества, т.-е. сам целиком включен в «базис». «Хозяйственные органы госаппарата суть верхушка нашего специфического *базиса*». Отвлекаться, абстрагироваться от них, значит отвлекаться от основной характеристики «новой экономики» (Бухарин, «К вопросу....», стр. 20—21). В дальнейшем мы еще посмотрим, как авторы «Очерков» увязывают экономполитику с проблемами советской экономики, теперь же перейдем к другому перлу «весьма подробной критики» положений Преображенского.

Как известно, Преображенский для экономики переходного периода констатирует два регулятора: закон ценности и закон первоначального социалистического накопления, которые ведут борьбу между собою.

В это коренном вопросе Преображенский получил сильный отпор. Авторы «Очерков» идут в ногу с веянием времени, они тоже выступают противниками этих двух регуляторов. Но как? Дадим слово самим авторам для того, чтобы избежать обвинения в «замалчивании» их положений. «Таким образом,—пишут Л. и Х.,—мы приходим к совершенно естественному выводу, что если общественный сектор является областью максимальной атрофии стихийного закона ценности, то противоположный полюс—частнохозяйственная сфера—остается полем наибольшего сохранения закона ценности». Написав эти слова, авторы задумались. «Такая расчлененная постановка вопроса, которая представляется нам *единственно плодотворной*, вызывает иногда сомнения такого сорта: не означает ли она допущение двух регуляторов в едином хозяйстве? Подобное возражение фигурировало в полемике вокруг работы тов. Преображенского». Немного подумав, дают оценку двум регуляторам Преображенского. «Не в *том беда, что он находит в едином хозяйстве два различных регулятора* (!!??), а в том, что он сопоставляет два явления совершенно различной логической конструкции, дает им одинаковое название «законов», состязание между этими двумя различными и разнородными тенденциями трактует как борьбу двух логических однородных законов и на этом сопоставлении, на этой борьбе строит все свое теоретическое здание». («Очерки», стр. 185). Другими словами, ошибки Преображенского *не в том*, что он находит *два регулятора* в нашей системе, а в том, что их называет двумя законами одной и той же «логической конструкции». Как бы ни вертелись авторы «Очерков», а тут черным по белому написано, что Преображенский «виноват» не за два его регулятора, а за название этих двух регуляторов «различной логической конструкции» законами. За такую «критику» Преображенского, я в «Критических заметках» назвал позицию Л. и Х. сходной с позицией Преображенского. Я приводил слова Маркса из его письма к Кюгельману, где говорится об одном единственном регуляторе для всякой экономической формации. Эти же слова в противовес Преображенскому приводит т. Бухарин. Он пишет дальше: «Другими словами закон пропорциональных трудовых затрат, или, для краткости, «закон трудовых затрат» есть необходимое условие общественного равновесия при

всех и всяческих общественно-исторических формациях». Я указывал, что закон пропорциональных трудовых затрат и есть тот регулятор, который действует как при капитализме, так и в экономике переходного периода. Регулятор единый, он действует при всех формациях, а форма проявления его бывает разная. «Он (закон трудовых затрат. *А. К.*) может иметь разные «формы проявления». «Таким образом, закон трудовых затрат—голенький или в костюме—оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни» (Н. Бухарин. «К вопросу...», стр. 37). «Закон трудовых затрат» есть «универсальный регулятор хозяйственной жизни», — говорит тов. Бухарин. Ошибка Преображенского «не в том... что он находит в едином хозяйстве два различных регулятора»—говорят Леонтьев и Хмельницкая. «*Нельзя* себе представить дело таким образом, — пишет тов. Бухарин по поводу двух регуляторов Преображенского,—*чтобы были два регулятора*»... Нет,—возражают Л. и Х.,—ошибка Преображенского «не в том... что он находит в едином хозяйстве два различных регулятора». А когда их ловишь на месте «химического соединения» (излюбленное выражение авторов «Очерков») с Преображенским, тогда авторы разражаются простой руганью: «путанный», «бессистемный», «неграмотный» и т. д. Кроме того, заявляют, что они все то, что им противопоставляют, и «доказывали». Им, припертым к стенке, пойманным с поличным, ничего не остается делать, как отказываться от своих же слов и... разражаться руганью.

Особенность разбираемых «Очерков переходной экономики» состоит в том, что на ряду с совершенно верными положениями фигурирует самая непроходимая путаница. Мы только-что разобрали один из перлов путаницы, а вот несколькими страницами дальше читаешь: «С точки зрения теоретической системы марксизма единственным регулятором общественного хозяйства на всех его ступенях, при всех его экономических структурах является одна и та же субстанция, а именно человеческий общественный труд», (стр. 187). Прямо диву даешься, как это в одной и той же «работе» может уживаться заявление, что «ошибка не в двух регуляторах» и «регулятор есть труд». Да, действительно, человеческий труд есть единственный регулятор, это должно быть в основе и критики Преображенского, это же должно быть в основе и «Очерков», но этого-то нет. Совершенно верная мысль приведена так, между прочим, сбоку, за это вам и попало и будет попадать, если не исправите.

Место не позволяет возиться с подобными вихляниями разобиженных авторов. Всякий при внимательном чтении их «труда» может сам это сделать.

Остановимся на том, как дается анализ стоимости в советском хозяйстве. В своем ответе Л. и Х. заявляют, что указание на то, что они абстрагируются от экономполитики есть «выдумка» Кармалитова.

«У нас в работе,—пишут авторы в своем ответе,—красной нитью проходит мысль о том, что переходная экономика, несмотря на наличие различных укладов, представляет собой тем не менее *единую* систему» (Ответ, стр. 80).

А в своей работе («Очерки») пищут: «План, сознательное рациональное руководство противопоставляется доселе неограниченной власти рынка. Но само это противопоставление происходит на основе товарно-меновой, т.-е. рыночной формы производственных отношений».

В доказательство этой мысли сразу же, единым духом приводят довольно большую цитату из Троцкого. «Государственный план хозяйства,—пишет Троцкий,—в условиях нынешнего пероида не ставит себе утопической задачи—заменить универсальным предвидением стихийную работу спроса и предложения» (Троцкий). Приведя эту цитатау, Л. и Х. радуются, они

пишут: «Задача планирования в современной системе советского хозяйства здесь очень удачно сформулирована». («Очерки», стр. 120—121).

О чем говорят Л. и Х., а вместе с ними цитируемый в «Очерках» Троцкий? «План противопоставляется неограниченной (?!!) стихии рынка», «план не ставит себе утопической задачи — заменить универсальным предвидением стихийную работу спроса и предложения». Цитируем дальше: «Противопоставление рынка, с одной стороны, и плана, с другой, вполне законно с логической и медологической точки зрения». («Очерки», стр. 113).

Вот вам уже три «красных» мысли: 1) «Противопоставление плана и стихии законно с логической и методологической точки зрения»; 2) «план не ставит утопической задачи предвидения стихийной работы спроса и предложения» и 3) «план противопоставляется неограниченной стихии рынка». С одной стороны—план, с другой—«неограниченный» рынок. Но они по Л. и Х. связаны между собою. Как?

«Если бы в народном хозяйстве, — пишут Л. и Х., — существовали рядом товарно-капиталистическая часть и дефетишизированная, натурально-организованная, социалистическая, мы не имели бы единого народнохозяйственного организма, а имели бы скорее подобие смеси масла и воды. Механическая смесь заняла бы место химического соединения, ибо социалистическое хозяйство обладает химическим сродством с товарно-капиталистической структурой лишь в том случае и при том условии, когда оно принимает фетишистическую стихийно-рыночную ценностную (валористическую) форму производственных отношений». («Очерки», стр. 110). «Стихийно-неограниченный рынок», с одной стороны, план (социалистический сектор), с другой, «связаны» через «ценностную» форму производственных отношений, при чем план не ставит себе задачи заменить «стихийную» «работу спроса и предложения»—вот и вся премудрость приводимых цитат. Когда я в «Критических заметках» указал, что авторы видят единство плана н стихии только на их стыке, в процессе обмена, тогда как надо искать этого единства и внутри каждого сектора отдельно, Л. и Х. «ужасно» разобиделись. Оказывается, что они только и говорили, что о таком единстве внутри секторов. «Нашу очередную «ошибку»,—пишут Л. и Х.,—наш критик находит в том, что мы будто бы видим «единство плана и стихии на их стыке, в процессе обмена», тогда как это единство следует искать «внутри каждого сектора отдельно». Приведенные цитаты из нашей книжки достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что этот упрек так же голословен, как и все остальные». (Ответ, стр. 84).

Выходит, что они видят единство плана и стихии в каждом секторе отдельно при... «неограниченной власти рынка», при... отсутствии задачи перед планом заменить «работу стихии рынка». Как это план проникает в стихию без поставленной задачи проникнуть —авторам лишь это доступно, как это ограничивается стихия при «неограниченности стихии»—аллах ведает. Такие вещи могут происходить не иначе, как с помощью святого духа. Мистикой веет от подобной «теории».

Теперь о законе ценности.

Дадим слово самим авторам. Пусть не обижаются, что их «замалчивают». «В то время как первая «коалиция» олицетворяет плановое, сознательно - управляемое начало, второй «блок» представляет противоположное начало—господство стихийных экономических законов. Отсюда ясна не только допустимость, но и полная необходимость разделения советской экономики на два сектора—обобществленный и частнохозяйственный—при анализе отношений связи между хозяйственными единицами, отношений, олицетворяемых стихийным законом ценности, с одной стороны, и плановым

началом, с другой». («Очерки», стр. 257). Я в «Критических заметках» писал: «Вся система советской экономики делится авторами на два сектора: 1) социалистический и 2) частнокапиталистический», подразумевая под частнокапиталистическим «сектором» простое товарное хозяйство и капиталистический сектор. Приведя мои слова, авторы пишут: «Эту придуманную им самим формулировку наш критик повторяет неоднократно». (Ответ, стр. 80). Где тут моя выдумка, не пойму. Авторы пишут: требуется «полная необходимость разделения советской экономики на два сектора», я пишу: «Вся система советской экономики делится авторами на два сектора». А в результате — «критик выдумал». Понимают ли Л. и Х., что это глупо и смешно. Пытаются поймать на чем-то «критика», а сами неизменно садятся в лужу. Так что будем считать, что все же авторы делят советскую экономику на два сектора. Страницей дальше авторы резюмируют результат анализа стоимости. Приведем эту цитату целиком.

«Итак, при анализе категории ценности, при рассмотрении тех метаморфоз, которым она подвергается в условиях переходного хозяйства, мы делим весь народнохозяйственный организм на два сектора, привлекая по временам к рассмотрению также дальнейшее распадение одного из этих секторов, а именно частнохозяйственного на два противоположных уклада. Такое теоретическое расчленение отнюдь не приходит в какое-либо противоречие с реальным единством народнохозяйственного целого. Ведь анализ не ограничивается поочередным рассмотрением закономерностей, складывающихся в каждом из секторов, взятом в совершенно изолированном виде. Напротив, главное внимание уделяется рассмотрению именно тех отношений, которые возникают, как результат связи и взаимодействия отдельных секторов переходного хозяйства, поскольку реальное единство системы ни в коей мере не может пострадать от расщепления этой системы на части, вполне соответствующие фактически существующим крайне различным типам отношений» («Очерки», стр. 258). Здесь весь метод анализа стоимости в советской системе. В приведенной цитате три мысли: 1) советская система расщепляется на два сектора; 2) каждый сектор рассматривается в совершенно изолированном виде; 3) потом оба рассматриваются в их связи.

А вот, что пишет Преображенский:

«Наше советское хозяйство делится на государственное и частное. Государственному хозяйству присущи свои закономерности в развитии, частному свои. Но и то и другое входит в единый организм всего хозяйства союза в целом. Для теоретического анализа методологически необходимо рассмотреть отдельно и те и другие закономерности, а потом уже об'яснять, как получается равнодействующая реальной жизни. Но рассматривать тенденции развития государственного хозяйства необходимо в их чистом виде, т.-е. проанализировать их так, как если бы развитие государственного хозяйства шло, не встречая сопротивления частного хозяйства, рассматривать закономерность оптимума. Это есть единственный правильный метод, унаследованный нами от Маркса. Только он дает нам возможность разобраться в пестрых фактах реальной жизни и понять внутренний смысл всего происходящего». (Преображенский, «Новая экономика», стр. 250). И тут три мысли: 1) советское хозяйство делится на два сектора; 2) каждый сектор рассматривается в изолированном виде; 3) а потом рассматриваются в их связи «для того, чтобы получить равнодействующую реальной жизни». Теперь видно вам, путаники, как вы «весьма развернуто» критикуете Преображенского. Это просто неблагодарность к Преображенскому. Ведь он ваш духовный отец. Я писал, что изолированное рассмотрение частного сектора означает абстрагирование от экономполитики. А мои любезные оппоненты называют это «наездническим подвигом», «все это у нас есть»,

нигде абстрагирования, мол, не делали, «исказил», «замолчал» и т. д. Я уже и не знаю, как назвать такие приемы. Отказываться от своих слов! Ну, и публика, на ходу подметки рвет. Идем дальше. Нас интересует, как авторы «Очерков» связывают «изолированно» рассмотренные секторы. Вот что делается с законом стоимости в несоциалистическом круге: «Перед законом ценности здесь в общем и целом открывается такое же поле деятельности, как и во всякой несоциалистической хозяйственной системе, мы бы сказали, что принципиально дело не меняется, изменения заключаются лишь в том, что соседство социалистического сектора весьма существенно суживает те пространственные, если можно так выразиться, рамки, в пределах которых проявляется суверенное действие закона ценности» («Очерки», стр. 182—183). План борется со стихией, в стихии закон ценности «суверенно действует», план побеждает стихию, от этого «пространственные» «рамки» «суверенно действующего» закона стоимости суживаются, в более узких пространственно рамках закон стоимости «суверенно действует». Ну, а Преображенский как смотрит на этот вопрос? Вы думаете иначе? Желаете, чтобы я привел парочку цитат? Не стоит: для всех, интересующихся этим вопросом, ясно и так. Идем дальше. Берем социалистический сектор и посмотрим, что там делается с законом стоимости. «Сущность закона ценности в теоретической системе Маркса заключается как раз не в рыночной форме, а в рыночном стихийном содержании». («Очерки», стр. 262). Другими словами, сущность закона стоимости, как исторической категории (Маркс ведь рассматривал капиталистический строй) заключается не в форме, а в содержании. А тов. Бухарин, исходя из анализа марксовой теории стоимости, пишет: «В законе ценности нельзя видеть закон трудовых затрат—и только, ибо это значило бы отвлекаться от специфически-исторического значения и характера ценности. Но, с другой стороны, нельзя за общественно-исторической формой проглядывать материально-трудовое содержание этого закона. «Сущность» ценности, как исторической категории в ее фетишистическом характере» (Бухарин, «К вопросу...», стр. 35).

Следовательно, сущность марксова закона стоимости, как исторической категории не в содержании, а в форме. «Измениться, в зависимости от различных исторических условий,—пишет Маркс,—может лишь форма, в которой эти законы проявляются». Маркс говорит, что исторической сущностью стоимости является форма, «грамотеи» Л. и Х.—наоборот: «Сущность закона ценности в теоретической системе Маркса» не в форме, а «в содержании». Вот с такой «ужасно» грамотной чепухой, подходят к решению стоимости в нашем социалистическом секторе. Полемизируя со Смилгой пишут: «Здесь мы у автора имеем полное соединение (чтобы не сказать—смешение) ценностной формы с содержанием закона ценности, между тем как наиболее характерной особенностью переходного хозяйства вообще является наполнение прежней, свойственной товарно-капиталистическому хозяйству, формы совершенно новым содержанием». («Очерки», стр. 262). Следовательно, в социалистическом секторе хозяйства фетишистическая ценностная форма стоимости остается, меняется содержание стоимости. А тов. Бухарин, в согласии с Марксом пишет: «О чем может итти вообще речь при переходе от стихийных регуляторов к регуляторам сознательным? Может итти речь о том, чтобы выскочить из рамок закона, о котором Маркс говорит в письме к Кюгельману. Достаточно поставить только вопрос, чтобы ясной стала вся бессмысленность отрицательного ответа. Ибо этот закон (закон трудовых затрат. *А. К.)* есть всеобщий и универсальный закон хозяйственного равновесия. Стало быть, речь может итти лишь о смене его (этого закона) общественной формы». (Там же, стр. 39).

По поводу Преображенского т. Бухарин пишет: «Ведь у него выходит, что пролетарское, плановое начало является принципом борьбы не с ценностной оболочкой закона пропорциональных трудовых затрат, а принципом борьбы с этим законом, так сказать по его материальному существу». «Тов. Преображенский никак не может понять, что в данном случае (в случае борьбы с этим законом стоимости. *А. К.)* речь не может итти об антагонизме по существу материального содержания закона, а что речь может итти лишь об антагонизме общественной формы». (Бухарин «К вопросу...», стр. 41).

По Преображенскому выходит, что дело идет о смене содержания стоимости. А по Л. и Х.—дело идет о «наполнении прежней, свойственной товарно-капиталистическому хозяйству, формы совершенно новым содержанием». А по Бухарину выходит что «...неправильно то, что наши методы противоречат материальному содержанию закона стоимости» (там же, стр. 43).

Ясна теперь вам весьма развернутая «критика» Преображенского? Я думаю, что теперь даже Л. и Х. ясна. Не лучше ли было вместо поднятой ругани против безобидных замечаний прежней моей рецензии заняться наполнением старой формы своей черепной коробки, новым содержанием? В своих «Очерках», а также и в «Ответе» авторы неоднократно открещиваются от Преображенского, оказывается, только за тем, чтобы протащить «прилизанным» того же Преображенского. Получается новая форма со старым содержанием. В истории бывали и такие случаи—знаем. Но будьте уверены, этого-то сделать вам и не удастся, потому что неграмотные становятся грамотными.

II. Проблема распределения.

В своих «Критических заметках», разобрав, что, по нашему мнению, является неправильным у Леонтьева и Хмельницкой по вопросу распределения, я попытался поставить эту проблему для того, чтобы был материал для дальнейшего обсуждения вопроса. Мною были выдвинуты три основных требования, которые необходимы при разборе проблемы распределения в переходный период. Эти требования следующие: 1) исходить из экономполитики пролетариата, 2) рассматривать каждый сектор не изолированно, а в связи с другими секторами, 3) рассматривать эту связь в форме рыночной связи. Прав я или нет, это вопрос другой. Л. и Х. считают, что прав. Мало того, они обвиняют меня в том, что я, выдвигая эти требования, не сказал, что у них «тоже» «имеются» эти требования. Посмотрим. Берем капиталистический сектор и посмотрим, в какой «связи» рассматривают его авторы с другими секторами. «В секторе частного, необобществленного хозяйства, категория заработной платы полностью сохраняет свое социально-классовое антагонистическое содержание. Частнокапиталистический характер отношений здесь с полной бесспорностью определяет и сохранение качественного содержания капиталистических законов заработной платы» («Очерки», стр. 299). Я не ставлю пока вопроса о правильности того положения, что «капиталистические законы заработной платы» остаются здесь нетронутыми. Я ставлю вопрос: где тут первое требование—экономполитика пролетарского государства, требование, которое, якобы, я заимствовал у Л. и Х.? Нет его. Механически, изолированно берется частнокапиталистический сектор, и решается проблема распределения. После такой «механики» авторы «соединяют» социалистический и частнокапиталистический секторы воедино. Что делается с категорией заработной платы? «Здесь процесс перерождения содержания заработной платы находится в непосредственной зависимости от степени роста сферы обобществленных отношений, т. е. от прямого

вытеснения частного капитала». («Очерки», стр. 299). Другими словами: «законы заработной платы» в «качественном» и «количественном» смысле, «пространственно» ограничиваются, поскольку пространственно ограничивается «вытесняемый частный капитал». Та же музыка, что и с проблемой стоимости в капиталистическом секторе. «Процесс перерождения содержания заработной платы» связан с «прямым вытеснением капиталистического сектора, а там, где еще частный капитал действует, «законы заработной платы» остаются не тронутыми. А я говорил, что мы их трогаем и трогаем так существенно, что старые «законы заработной платы» даже в капиталистическом секторе действуют не полностью. Авторы пишут: «Момент классовой борьбы и соотношения классовых сил здесь (в капиталистическом секторе. *А. К.)* находят свое выражение прежде всего в том, в какой мере профессиональным союзам удается об'единить и организовать рабочих и воздействовать на условия заработной платы». («Очерки», стр. 299). А я говорил, что указания на профсоюзы не достаточно. На такие замечания авторы в «Ответе» пишут: «не сомневаемся, что подобный «анализ» привел бы в восторг каждого частника». («Ответ», стр. 86). А мы не сомневаемся, что подобный «анализ» заработной платы в условиях СССР, который дают авторы, приведет в телячий восторг меньшевиков. Ведь они доказывают, что «законы заработной платы» капитализма у нас действуют, а что касается профсоюзов, то они влияют на зарплату и в капиталистических условиях. Я писал, что нельзя частный сектор рассматривать изолированно вне экономполитики. Почему? Да потому, что заработная плата, как категория капитализма, имеет основные законы движения. Какие эти законы? 1) Рабочий класс находится в полной зависимости от капитала, переливы и отливы капитала вызывают переливы и отливы рабочей силы. Спрашивается, прикован ли наш рабочий к «колеснице капитала» так, как он был прикован при капитализме. Я говорил: нет. В ответ на это Л. и Х. пишут: «...Подобное творчество следует решительно отвергнуть, как вреднейшую и безграмотную путаницу в весьма важном вопросе». («Ответ», стр. 86). Значит, по Леонтьеву иХмельницкой, наш рабочий класс «прикован к капиталу, как молот Гефеста приковал Прометея к скале» (Маркс). Я думаю, что такое творчество надо действительно отметать, как вреднейшую путаницу. 2) Заработная плата при капитализме имеет тенденцию понижаться. Отсюда относительное и абсолютное обнищание. Я спрашивал, действует ли этот закон капитализма по отношению даже к рабочим, занятым в капиталистическом секторе. И отвечал—нет. Меня перевирают и пишут: значит «нэпман и кулак выступают в качестве эксплоатируемых наемным рабочим» (стр. 86). Вот это называется поистине «грамотным» изложением своего противника. 3) При капитализме рабочий не суб'ект производства, а об'ект, «труд рабочего приравнен к товару, а вследствие этого подчинен тем законам, которыми определяется общее движение цен» (Маркс). Другими словами, рабочий при капитализме выступает как товар. Я доказывал, что при диктатуре пролетариата этот специфический товар становится человеком, и интересы пролетариата, как того, который занят в социалистическом секторе, так и того, который занят в капиталистическом—одинаковы. Отношение обоих этих частей пролетариата к капиталистическому сектору одинаково, отношение их к социалистическому тоже одинаково. Авторы в «Ответе» пишут: «Но в отношении к данному предприятию, к распределению дохода, производимой в нем ценности «интересы этих двух частей пролетариата неодинаковы», что приводит в ужас Кармалитова» (стр. 86). Да, действительно, меня приводит в ужас такая элементарная неграмотность авторов. Оказывается, что, когда дело идет о распределении дохода на «данном предприятии», частном, между капиталистом и занятыми здесь рабочими, то интересы этих рабочих противоречат интересам рабочих, занятых на госпредприятии.

Вот такая трактовка интересов рабочих, действительно, «привела бы в восторг каждого частника». Вот еще маленький образец «полемики». На стр. 86 «Ответа» меня обвиняют, что я придаю большое значение экономполитике: «Ведь, если бы «пропорции распределения» зависели целиком (?)—поучают меня Л. и Х.,—и единственно от нашей экономической политики, то проще всего было бы сразу искоренить без остатка капиталистическое производство и элементы капиталистической эксплоатации». А на стр. 87 «Ответа»: «он (это я, значит) даже договаривается до того, что будто бы у нас стихийные, гетерогенные силы определяют тенденции распределения». Должен заявить, что как первое: «Целиком экономполитика (по-моему) определяет распределение», так и второе: «стихийные силы (по-моему) определяют распределение», есть выдумка. И последний вопрос. О законе трудовых затрат. «Спору нет,—пишут авторы ответа,—закон трудовых затрат великое дело, тем более (!), что этот закон составляет единственное теоретическое оружие нашего критика». Да, должен заявить, что это «такое теоретическое оружие», которое опрокинуло капитализм, опрокинуло построения Преображенского и на обе лопатки опрокидывает и ваши построения.

III. Заключение.

Я выдвигал ряд положений в противовес положениям Л. и Х. в своей рецензии. Авторы в ответе заявили, что «все это у нас есть». Здесь было продемонстрировано, что у них есть. Кроме основных, приглаженных положений Преображенского, за душой не оказалось ничего.

Вопрос о Чупрове. Авторы в «Очерках» «критикуют» Чупрова не по существу [1]), а за два словечка «расчет» и «баланс» и думают этим разделаться с Чупровым. Я мягко указал, что читателю непонятно, почему «расчет» и «баланс» выступают, как категории капитализма. Я писал: «Можно и надо критиковать Чупрова за его попытки просунуть капиталистические отношения, как вечно существующие, но критиковать пустое место не очень похвально для авторов об'емистых «очерков». Мне в ответ пишут: «Наш критик становится на общую почву со всеми буржуазными экономистами, увековечивающими категории капитализма» (Ответ, стр. 87). Оказывается, что «расчет» и «баланс», это—категории капиталистического строя так же, как «деньги», прибавочная стоимость, стоимость и т. д. Я не знаю, где это при прохождении политической экономии в Советском Союзе, изучаются категории политэкономии «расчет» и «баланс» на ряду со стоимостью, деньгами и т. д. Ведь от такой «критики» Чупрову ни жарко, ни холодно. Надо прямо сказать, такая критика—курам насмех. Смеха ради буржуазные экономисты могут в нос тыкать подобные перлы их «критики» марксистом. Я бы тоже смеялся над такими путаниками, если бы эти путаники были не моего лагеря.

Подведем итоги. Теоретическое осмысливание процессов, происходящих в нашей советской системе, требует того, чтобы над этими проблемами поработать. Споры по тем или иным вопросам и неизбежны и плодотворны. Но тот тон, который взяли «теоретики» в полемике, затрудняет разбирать вопросы по существу. В своем «ответе» Л. и Х. применили самые чудовищные приемы ругани. Вместо отстаивания своих взглядов занялись просто шельмованием, при чем в основном якобы они согласны с «критиком». Я подробно показал, что ничего у них не заимствовал и не собираюсь пока заимствовать, что основные их положения есть положения Преображенского и что ругаться даже «профессорам» даром не пройдет.

---

[1]) Точь-в-точь как Преображенского.

В. Мотылев.

К вопросу о пятилетнем плане.

Дискуссия о пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР в Комм. Академии [1]) показала, что вопрос о принципах построения пятилетнего плана вызывает еще среди экономистов-коммунистов существенные разногласия. Разногласия, обнаружившиеся между докладчиком тов. Милютиным и содокладчиком тов. Струмилиным и нашедшие свое отражение в прениях, обнаружили, что единодушное одобрение выступавшими коммунистами директив XV партийного с'езда не избавило их, однако, от существенных разногласий о тех выводах, которые должны быть сделаны из этих директив. Это создает необходимость в продолжении деловой дискуссии по вопросам пятилетнего плана. В частности, это убеждает нас в целесообразности продолжения нашей дискуссии с тов. Струмилиным.

Выступая в Комм. Академии, мы высказали те критические замечания о проектах пятилетнего плана, которые были развиты в статье «Проблема темпа в проектах пятилетного плана», напечатанной в № 3—4 «Большевика». Деловой характер этих замечаний был констатирован не только тов. Кржижановским, но и тов. Струмилиным. «У тов. Мотылева,—заявил тов. Струмилин в заключительном слове,—были попытки показать конкретно, к чему приводит недостаток экономического анализа в нашей пятилетке. Подход тов. Мотылева, по моему, является наиболее правильным. Он говорит: плох был ваш экономический анализ, и вот из-за этого вы впали в такие-то грубейшие ошибки. Вот, тт., если бы каждый из вас таким же образом констатировал и конкретизировал те ошибки, в которые мы впали, как это сделал тов. Мотылев, нам гораздо легче было бы найти общий язык» (стр. 108). При такой оценке характера нашего выступления, тов. Струмилин должен был, казалось бы, проявить при разборе наших замечаний добросовестность и вдумчивость. Приходится, однако, констатировать, что он, к сожалению, не проявил ни того, ни другого. Если мы, тем не менее, считаем необходимым разобрать его ответ, то лишь потому, что развиваемые им взгляды нуждаются, по нашему мнению, в критике.

1. О директивах XV партийного с'езда.

Ярким проявлением ошибочности позиции тов. Струмилина является недооценка им директив XV партийного с'езда. В то время, как тов. Милютин и выступавший в прениях тов. Кржижановский сосредоточили свое внимание на выяснении тех новых задач, которые вытекают из директив XV партийного с'езда, тов. Струмилин не нашел в этих директивах ничего нового. «Правда, некоторые директивы партии,—заявил тов. Струмилин в своем докладе,—формально только теперь на XV с'езде даны нам. Но придется ли нам все переделывать теперь заново потому, что мы их не предусмотрели? Нет, не придется... Может быть, не в такой четкой формулировке, не так прекрасно выраженные, но в основном все эти моменты, которые даются нам в директивах XV с'езда, уже находились, были положены в основу нашей работы и худо или хорошо уже нашли свое отражение в пятилетке... Почему мы это могли сделать? Само собою ясно, почему. Потому что в сущности в этих директивах нет ничего такого абсолютно нового и неожиданного, чего бы не было и раньше в целом ряде постановлений предыдущих партийных с'ездов и руководящих центров. Конечно, все это было нам известно. Но все это не было в достаточной степени просуммировано» (стр. 31).

[1]) См. «О пятилетнем плане развития народного хозяйств СССР». Дискуссия в Комм. Академии, изд. «Комм. Ак.», 1928 г. Стр. после цитат в тексте указаны по этой книге.

Таким образом, тов. Струмилин считает, что директивы XV партийного с'езда лишь «просуммировали» те принципы, которые «уже нашли свое отражение в пятилетке» Госплана. О чем свидетельствует это утверждение? Совершенно очевидно, что оно свидетельствует о непонимании тех новых задач, которые в действительности были выдвинуты XV партийным с'ездом.

Это утверждение тов. Струмилина является вопиющей недооценкой директив. Тов. Кржижановский, отметивший ошибочность этого утверждения тов. Струмилина, охарактеризовал то новое, что дано этими директивами, следующим образом: «Я считаю, что XV с'езд дал громадный сдвиг и сказал не только то, что мы знаем, и не просто просуммировал то, что есть. Если бы вы меня спросили, какие самые общие моменты были выдвинуты XV с'ездом, то я бы сказал: тут есть три основных момента: 1) установка методологии планирования, по преимуществу телеологической, целевой; 2) новая трактовка методов разрешения деревенских тупиков; 3) определенная ставка на культурную революцию. Эти установки с'езда, конечно, пронизаны мыслями Владимира Ильича. Но надо откровенно признать, что в материалах наших пятилеток они еще не нашли развернутого выражения» (стр. 70). В действительности и это заявление тов. Кржижановского не исчерпало того нового, что дано этими директивами.

Директивы выдвинули по-новому вопрос об учете районных особенностей, об эффективности капитальных вложений, о социалистической рационализации. Эта новизна заключается в основном в том удельном весе, который придается директивами этим задачам в связи с пятилеткой — в той конкретной постановке, в какой они выдвинуты,—в непосредственной связи этих директив с недостатками проектов пятилетнего плана, выявленными на с'езде. Вспомним, как характеризовал эти недостатки в своем докладе тов. Рыков: «Эти недостатки, как мне кажется, сводятся к двум. Первый из них состоит в чересчур статистическом характере плана, в своеобразном, если можно так выразиться, статистическом уклоне в планировании. За цифрами, которые фигурируют во всех вариантах, не чувствуется достаточной экономической разработки; не говоря уже о технико-производственной установке. Между тем, настоящий период мы рассматриваем, как период органических изменений во всей системе хозяйства... Значение ассигнований на строительства будет зависеть от того, насколько крупные изменения в технике, организации производства и труда произойдут благодаря новому капитальному строительству. В имеющихся вариантах пятилетки этот вопрос, являющийся не менее важным, чем вопрос о размерах капитальных вложений, еще не учтен в достаточной мере. Вторым недостатком пятилетних планов является отсутствие в них районного разреза и ясной постановки проблемы экономического районирования Союза» [1]).

[1]) Доклад тов. Рыкова на XV с'езде. Изд. ГИЗ, стр. 25—26.

Если тов. Струмилин утверждает, тем не менее, что директивы не дали ничего нового, что они *уже* нашли свое отражение в проекте пятилетки, разработанном до с'езда, то это доказывает, что он по существу несогласен с этой критикой проекта, не понимает отмеченных на с'езде недостатков проектов пятилетки, недооценивает директив с'езда.

Все это проявилось также в его полемике с тов. Милютиным. Тов. Милютин, в полном согласии с этими заявлениями тов. Рыкова и с директивами с'езда, выдвигал в своем докладе вопрос о необходимости более тщательной и развернутой разработки проекта с качественной стороны. Он указывал на необходимость разработки планов рационализации, стандартизации, специализации экономических районов, снижения себестоимости, коллективизации сельского хозяйства. Тов. Струмилин, полемизируя с тов. Милютиным, пытался доказать, что в развернутом виде эти планы могут найти свое место лишь в генеральном плане. «Мы считаем,—заявил т. Струмилин,—что основная задача пятилетки, это—план капитального строительства» (стр. 29).

Ошибочность этого утверждения совершенно очевидна. Выработка обоснованного плана капитального строительства невозможна в действительности без соответственных качественных планов. Без тщательной разработки экономических и технико-производственных планов план капитального строительства не может быть обоснованным и удачным, ибо как об'ем капитальных затрат, так и их конкретное распределение зависят от этих планов. С другой стороны, как правильно возразил тов. Струмилину тов. Кржижановский, пятилетний план должен быть не только планом капитального строительства, но и планом целесообразной и эффективной эксплоатации наличного производственного аппарата. А это требует *развернутой* разработки качественных планов.

Таким образом, ошибочность позиции тов. Струмилина проявилась не только в тех конкретных вопросах, по которым дискуссия происходила между нами, но и по основным методологическим вопросам построения пятилетнего плана. Наши разногласия явились естественным результатом ошибочности общей установки тов. Струмилина.

2. Темпы оптимального варианта.

В статье в № 3—4 «Большевика» и в выступлении в Ком. Академии мы указывали, что в результате недостаточной разработанности в пятилетке проблемы эффективности капитальных вложений и эффекта социалистической рационализации оптимальный вариант недоучел наличные возможности и преуменьшил возможный темп развития. Наша аргументация сводилась в основном к следующему [1].

Оптимальный вариант рассчитан на полное напряжение волевых усилий и материальных ресурсов в достаточно благоприятной обстановке. Если *отправной* вариант, рассчитанный на менее благоприятные условия, должен быть составлен с чрезвычайной осторожностью, чтобы определить вполне обеспеченный об'ем вложений и темп развития при такой обстановке, то *оптимальный* вариант должен стремиться к максимальной реализации всех возможностей ускорения темпа развития, имеющихся при благоприятных условиях. Поэтому, проект оптимального варианта должен намечать темп развития, превосходящий значительно темп отправного варианта, так как в условиях благоприятной внешней обстановки, благоприятных урожаев, максимального напряжения волевых усилий и материальных ресурсов—*даже тот же об'ем капитальных затрат и тот же*

[1] Более подробно эта аргументация развита в статье в № 3—4 «Большевика».

производственный аппарат могут и должны дать гораздо более значительный эффект. Между тем, об'ем капитальных затрат в действительности по оптимальному варианту на 20% выше, чем по отправному, а в промышленности—даже на 23%. Учитывая все это, мы полагаем, что намеченная разница в приросте валового оборота и народного дохода—на 7—8%, а продукции промышленности—на 11%, является явно недостаточной.

Вместе с тем мы отмечали, что такая незначительная разница в эффективности капитальных затрат и всего производственного аппарата по оптимальному и отправному вариантам понижает ценность оптимального варианта. Отклонения в таких пределах возможны даже в течение одного года, если условия этого года учтены правильно. Так как в пределах пятилетия трудности предвидения осложняются неопределенностью ряда основных условий хозяйственного строительства, то такая незначительная разница между вариантами не отражает возможных колебаний в этих условиях. Благодаря этому оптимальный вариант недоучел возможный эффект социалистической рационализации при благоприятном сочетании условий и преуменьшил возможный темп развития.

Тов. Струмилин пытается опровергнуть эти критические замечания следующим образом: «Тов. Мотылев говорит, что у нас в пятилетке разница между оптимальным и отправным вариантом по капитальным вложениям 20%, а по их эффекту всего 7—8%. Явная ошибка. Да, товарищи, это грубейшая, крупнейшая ошибка. Но это—ошибка тов. Мотылева, а вовсе не наша. Такого соотношения в нашей пятилетке нет. В самом деле, к чему относятся эти цифры прироста в 7—8%. Они относятся ко *всему* народному доходу. Но разве мы начинаем эту пятилетку с пустого места? Разве наши капитальные вложения прибавляются к нулю? Мы собираемся вложить по одному варианту 18,5, а по другому варианту—22 млрд. Но у нас, кроме этих вложений, в народном хозяйстве было уже вложено в октябрю 1927 года около 61 млрд. Естественно поэтому, что если мы хотим говорить об эффективности тех вложений, которые мы за эти 5 лет проектируем, нужно сопоставить капитальные вложения не с полной суммой народного дохода, а с тем *приростом* народного дохода, который обусловлен новыми вложениями за эти пять лет. Народный доход по отправному варианту возрастает за 5 лет с 25 млрд. до 33,5 млрд., всего на 8.446 млн. По оптимальному варианту он возрастает с 25 млрд. до 36 млрд., т.-е. примерно на 10.923 млн. Вторая сумма на 30% больше первой. Стало быть, при увеличении вложений на 20% их эффект возрастает не на 7—8%, как это сосчитал тов. Мотылев, а на целых 30%. Подобно этому по промышленности при увеличении затрат по оптимальному варианту на 23%, их эффект возрастает при правильном подсчете не на 11%, а на целых 43%. Спрашивается, мало это или много? Это трудно сказать. Я не знаю, как ответит на это тов. Мотылев. Но во всяком случае его аргумент о 7—8% теряет свое значение». (Стр. 109).

Этот ответ тов. Струмилина представляет собою целую цепь искажений и ошибок.

Во-первых. Совершенно неверно утверждение тов. Струмилина, будто мы рассматривали рост капитальных вложений на 20% и рост народного дохода на 7—8%, как арифметически соизмеримые величины. Попытка тов. Струмилина изобразить дело так, будто мы не понимаем, что цифра 7% относится ко всему народному доходу, а цифра 20%—лишь к сумме капитальных вложений за пятилетие,—просто *забавна*. Если этот упрек брошен тов. Струмилиным серьезно, то это свидетельствует лишь о том, что он даже не вдумался в сущности наших возражений. В действительности сущность их вовсе не в арифметическом сопоставлении 20% с 7—8%, а в установлении того положения, *что разница между оптимальным*

и отправным вариантами должна определяться не только добавочными капитальными вложениями, но большей эффективностью основной суммы капитальных затрат и всех основных фондов, так как в предполагаемых оптимальным вариантом благоприятных условиях даже намеченные в отправном варианте затраты и наличные основные фонды должны дать гораздо более значительный эффект. Разницу в 7—8% мы считали недостаточной именно потому, что такая разница и даже более значительная могла бы быть достигнута в более благоприятных условиях и *без добавочных вложений.* Указанием же на 20% прироста капитальных вложений мы лишь еще сильнее подчеркивали, что намеченный оптимальным вариантом рост является недостаточным.

Таким образом, мы вовсе не сопоставляли арифметически 20% с 7—8, и «открытие» тов. Струмилиным в наших замечаниях такой «грубейшей» (!) ошибки является не только забавным, но свидетельствует о легкомысленном отношении нашего критика к аргументам противника.

Во-вторых. Каков эффект этих 20% дополнительных вложений, мы, вопреки утверждению тов. Струмилина, вообще не пытались, таким образом, «сосчитать», ибо разница в приросте валового оборота и народного дохода по оптимальному и отправному вариантам должна, по нашему мнению, вызываться не только и даже не столько добавочными капитальными вложениями, сколько большей эффективностью основной суммы капитальных вложений и всего функционирующего основного капитала при предполагаемых оптимальным вариантом благоприятных условиях.

Если же принять это во внимание, то тот подсчет, который произведен тов. Струмилиным, лишь блестяще подтверждает наши критические замечания. По его подсчетам «при увеличении капитальных вложений на 20% их эффект возрастает на 30%». В абсолютном выражении эти 30% представляют ту же сумму, что и 7%, но отнесенную не ко всему народному доходу, а к сумме прироста его за пятилетие по отправному варианту. Прежде всего, факт об'яснения 30% прироста народного дохода лишь ростом капитальных затрат на 20% обнаруживает методологическую ошибочность подхода тов. Струмилина к оптимальному варианту. Тов. Струмилин забывает, что в предполагаемых оптимальным вариантом благоприятных условиях большую эффективность должна проявить также *основная* сумма капитальных затрат, *весь* функционирующий основной капитал. Если же учесть это обстоятельство,—а указание на него является сущностью наших возражений,—то преуменьшение оптимальным вариантом возможного темпа роста становится совершенно очевидным. Разница в приросте народного дохода на 30 % при росте вложений на 20% отражает рост капитальных затрат, но не отражает возможности большей эффективности всей суммы капитальных затрат в целом, всего функционирующего основного капитала.

То же самое можно сказать о промышленности. Тов. Струмилин утверждает, будто при росте капитальных вложений на 23% их эффект возрастает на целых 43%. Прежде всего, неизвестно, каким путем тов. Струмилин получил эту цифру. По «Перспективной ориентировке» (а дискуссия между нами идет именно о ней, ибо к моменту наших выступлений новый вариант, с учетом трех смен, еще не был опубликован в такой форме, чтоб о нем можно было судить) [1]) продукция государственной цензовой промышленности возрастает по отправному варианту за 5 лет с 6.057 млн. дов. рублей до 10.408 млн. д. р., всего на 4.351 млн. д. р., а по оптимальному варианту—до

[1]) Об опубликованных в ноябрьской и декабрьской книгах «План. Хозяйства» вариантах пятилетнего плана с учетом 7-час. раб. дня и 3-х смен мы затруднялись судить, так как в об'яснительных статьях не выяснен основной вопрос —

11.688 млн. д. р., что составляет прирост в 5. 631 млн. д. р. 5.631 больше 4.351 лишь на 29%, а не на 43%. Рост же продукции государственной цензовой промышленности на 29% при росте капитальных вложений на 23% является совершенно недостаточным, если учесть возможность и необходимость большей эффективности по оптимальному варианту всего функционирующего основного капитала.

В-третьих. Чрезвычайно показательна заключительная часть приведенной выше цитаты. Тов. Струмилин заявляет, что ему «трудно сказать», «мало это или много». О чем говорит эта фраза? О том, что вопрос о принципах и критериях оценки степени эффективности капитальных вложений при разработке пятилетки не привлек должного внимания. Можно ли считать нормальным такое положение, когда один из составителей пятилетки, крупный специалист по экономической статистике, затрудняется оценить степень эффективности капитальных затрат? Ведь этим своим заявлением тов. Струмилин лишь подтверждает, что темпы пятилетки являются недостаточно проработанными с экономической и технико-производственной стороны, т.-е. подтверждает справедливость той критики, которая направлена против него его оппонентами.

Таким образом, то конкретное разногласие, которое имелось у нас с тов. Струмилиным по вопросу о темпах оптимального варианта, явилось естественным результатом недоучета им возможного эффекта социалистической рационализации и капитальных затрат при благоприятных условиях. Между тем, директивы XV партийного с'езда, в которых тов. Струмилин не нашел ничего нового, говорят о том, что «в центре всего должна стоять самая энергичная, самая напряженная работа *по рационализации*», что необходимо «исходить из наибольшей эффективности капитальных затрат как *по срокам окончания* работ, так и по *производственному эффекту* строящихся предприятий».

Как в статье, так и в выступлении мы указывали, что проект ВСНХ, являющийся оптимальным, при несколько меньших затратах в госпромышленности достигает более значительного роста об'ема продукции. Мы приписывали это более внимательной разработке в нем технико-производственных возможностей, хотя подчеркивали, что и этот проект учел их в далеко не полной мере, как это признают и «Контрольные цифры» ВСНХ. Тов. Струмилин указывает, что тут явное недоразумение, что разница между проектами об'ясняется лишь тем фактом, что проект ВСНХ учел увеличение числа смен, а оптимальный вариант Госплана, опубликованный в «Перспективной ориентировке» этого учета еще не произвел.

Прежде всего, считаем необходимым отметить, что в статье это обстоятельство было нами отмечено. Однако, мы не считали, что оно может вполне об'яснить эту разницу, ибо в «Контрольных цифрах» ВСНХ этот переход учтен лишь в хлопчатобумажной промышленности, и нам казалось маловероятным, что такой частичный учет мог вызвать существенное отличие между вариантами. Мы и сейчас продолжаем относиться с сомнением к утверждению тов. Струмилина и сожалеем, что характер опубликованных материалов не позволяет его проверить. Если прав тов. Струмилин, то чем об'яснить, что «Контрольные цифры» ВСНХ намечают несколько меньший об'ем капитальных затрат (7.088 млн. против 7.298 млн. руб. по оптимальному варианту Госплана, при чем в последнюю сумму включено 134 миллиона рублей на индустриализацию сельского хозяйства). Совершенно очевидно, что переход к трем сменам требует некоторого увеличения капиталь-

в каких размерах учтен переход к 3-м сменам. Считаем, однако, необходимым подчеркнуть, что основной недостаток «Перспективной ориентировки»—недостаточная разница между темпами отправного и оптимального вариантов—в этих новых проектах не устранен.

ных затрат (в связи с усилением износа оборудования и необходимостью приспособления его к работе в 3 смены), и то обстоятельство, что в оптимальном варианте ВСНХ они слегка меньше, подтверждает, по нашему мнению, что проект ВСНХ лучше учитывает возможную эффективность капитальных затрат и всего функционирующего основного капитала.

Существенной частью наших возражений было указание на необоснованность и недопустимость затухающей кривой роста продукции промышленности (в %% к пред. году) на протяжении пятилетия. В то время как решающие капитальные затраты приходятся на первые годы пятилетия и должны, казалось бы, обнаружить свой эффект в последние годы пятилетия, кривая роста продукции в проектах [1]) почти систематически понижается. Тов. Струмилин пытается спорить с нами и по этому вопросу. Однако, фактически он вынужден был согласиться с необосиованностью такого соотношения. «Может быть,—заявляет тов. Струмилин,—мы и перегнули палку в сторону осторожности. Но это требует еще проверки. Я лично отнюдь не склонен к пессимизму» (стр. 110). Дальше тов. Струмилин отмечает, что практика истекших лет доказала, что фактический темп при переходе от восстановительного периода к реконструктивному оказался выше предположений, что, в частности, темп роста продукции промышленности в 1927/28 г. оказывается выше предположений оптимального варианта.

Мы видим, таким образом, что, несмотря на упрек по нашему адресу в априорном решении вопроса, тов. Струмилин фактически вынужден был признать, что вопрос об эффективности капитальных вложений и кривой роста продукции недостаточно разработан. Но разве это не является новым подтверждением правильности наших критических замечаний? Ведь вопрос о кривой роста продукции является одним из центральных вопросов пятилетнего плана! Ведь тот факт, что первый же год пятилетки—1927/28 г.—даст прирост, превосходящий не только предположения отправного варианта, но и оптимального,—блестяще подтверждает наше мнение, что оптимальный вариант преуменьшил возможный темп развития, так как недооценил возможный эффект капитальных вложений и социалистической рационализации.

* * *

Тов. Струмилин отмечает, однако, что такой темп, как 23% прироста продукции промышленности в текущем году, создает угрозу перенапряжения, что «мы не можем проектировать созиательно иа целое пятилетие вперед хроническое перенапряжение». Считаем необходимым в связи с этим еще раз подчеркнуть, что мы критикуем за преуменьшение темпа лишь оптимальный вариант, рассчитанный на сочетание благоприятных условий. Недоучет возможностей ускорения темпа может вызвать недостаточную их реализацию. «Недонапряжение» столь же вредно поэтому, как и перенапряжение. Избегнуть того и другого—задача ежегодных «Контр. цифр», которые тем легче это выполнят, чем правильнее каждый из вариантов учтет наличные возможности при соответствующих условиях. Сопоставление конкретных условий предстоящего года с условиями, предположенными в каждом из вариантов, поможет избежать при выработке контрольных цифр как перенапряжения, так и «недонапряжения».

---

[1]) В вариантах Госплана с учетом 7-час. дня и 3-х смен этот недочет ослаблен, но не устранен.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

М. Г. ГАЛКОВИЧ. «С. Штаты и дальневосточная проблема».

Предисловие Е. Пашуканиса. ГИЗ. 1928. Стр. 208.

О важности и злободневности темы рецензируемой книги говорить не приходится. Теодор Рузвельт как-то заявил: «Эра средиземноморья закончилась, атлантическая эра—на ущербе, начинается новая—тихоокеанская эра». Если даже признать гиперболичность этого утверждения, особенно в эпоху президентства Рузвельта, то все же приходится согласиться с такой характеристикой тихоокеанской проблемы: «В Тихом океане лежит теперь великая ось будущих конфликтов. Эта ось имеет приблизительно такое же первостепенное значение, как до войны—линия на Багдад» [1]).

Между тем литература, имеющаяся на русском языке по тихоокеанской проблеме, чрезвычайно скудна. Можно назвать работы Доливо-Добровольского, Головина, Ангарского, Кайиро Сато—и обчелся. Большинство перечисленных книг имеет, однако, ярко тенденциозный характер, марксистская же литература совершенно отсутствует.

Книга т. Галковича охватывает только часть тихоокеанской проблемы, а именно—политику С. Штатов в бассейне Тихого океана. Главный об'ект северо-американской империалистской экспансии в концепции автора — Китай. Важнейшие конкуренты, с которыми С. Штатам приходится сталкиваться в борьбе за китайский рынок—Англия и Япония.

В таком, примерно, плане намечено построение книги, центр тяжести которой—анализ чрезвычайно сложных и запутанных политических и дипломатических взаимоотношений, складывающихся в результате выступления С. Штатов на широкую дальневосточную арену. Нужно заметить, что политико-дипломатическая история северо-американской экспансии, которая прослеживается автором весьма тщательно, на основе богатого фактического материала ab ovo—со времени первых попыток американского капитала завязать торговые связи с Китаем и Японией — тесно увязана с экономической базой, с ростом промышленного и финансового могущества С. Штатов.

Тов. Галкович на протяжении ряда глав показывает, как американский лозунг «open door»—«открытых дверей» в Китае по мере роста американско-китайской торговли и общего укрепления американского империализма из оборонительного становится наступательным лозунгом. В этом отношении традиционная политика «открытых дверей», провозглашенная американской дипломатией, близко напоминает пресловутую доктрину Монроэ «Америка для американцев». Фактически же неоднократные выступления вашингтонского правительства «в защиту» Китая вызывались, как это показывает автор, отнюдь не соображениями альтруистического свойства, но тем прозаическим фактом, что С. Штаты оказались обойденными при разделе Китая на сферы влияния. Положение в Китае является все время основным стержнем американо-японских отношений. До русско-японской войны взаимоотношения С. Штатов и Японии были наиболее дружественны. Главную опасность в этот период для С. Штатов представляли Россия и Англия. В главе «Русско-японская война и американская политика» автор прослеживает, как усиление Японии, окончательное закрепление ею Кореи и Манчжурии и захват Порт-

---

[1]) Гракх. «Война и Революция». 1926. Стр. 82.

Артура знаменуют новую ориентацию в американской дальневосточной политике. Эту новую, в 1905 г. еще только намечавшуюся политическую линию характеризует вмешательство в русско-японскую войну Рузвельта, предложившего американское посредничество.

После 1905 г., по мере дальнейшего роста и укрепления Японии, в особенности после империалистической войны, японо-американские отношения резко обостряются. Увеличение внешнеторговых оборотов Японии с 1.362 млн. иен в 1913 г. до 4.272 млн. иен в 1919 г., захват Шаньдуня, знаменитые «21 требование» к Китаю, усиление японского флота,—все это настолько обострило положение, что японо-американская война одно время казалась совершенно неизбежной. В связи с ухудшением японо-американских отношений стали намечаться и новые группировки среди великих держав. С одной стороны, после русско-японской войны Россия все теснее сближается с Японией; эта политика нашла свое наиболее яркое выражение в тайном договоре 1916 г., опубликованном НКИД в 1917 г. в сборнике секретных документов.

С другой стороны, англо-японская кооперация обнаруживает зияющую трещину, разрастающуюся с каждым годом по мере роста агрессивности Японии в Китае, во-первых, по мере кристаллизации центробежных тенденций японофобских тихоокеанских доминионов—Австралии и Н. Зеландии—во-вторых. Новая расстановка сил в тихоокеанском бассейне, наметившаяся правда, еще в туманных контурах после русско-японской войны, но выявившаяся вполне после Версаля сказалась на двух чрезвычайно важных внешнеполитических моментах:

а) Отрицательная позиция С. Штатов к японской интервенции в Сибири. Энергичное давление государственного департамента на японское правительство в пользу скорейшего очищения Сибири и северной части Сахалина. Этот вопрос автор подробно освещает в гл. IV «Русская революция и конец войны. Версальский мир».

б) Временное англо-американское сотрудничество сменилось, как известно, ныне острым ухудшением англо-американских отношений по линии вооружений, борьбы за колонии (Абиссиния) и т. д. Немалую роль в этом ухудшении сыграло вступление японо-американских отношений в новую фазу, после землетрясения 1923 г. На трактовке автором последнего вопроса мы и намерены сейчас в нескольких словах остановиться.

В нашей периодической печати почему-то и посейчас господствует на японо-американские отношения такой взгляд, что японо-американские противоречия являются в настоящее время, пожалуй, доминирующим фактором в борьбе за Тихий океан; оба соперника стоят друг против друга вооруженные до зубов, в любой момент готовые броситься в бой. Такое представление навеяно в значительной мере популярными у нас книжками Головина, Виленского-Сибирякова и Кайиро Сато.

Но книги эти были написаны в период резкого обострения японо-американских отношений и с той поры успели устареть; книжка же Головина носит явно провокационный характер, наподобие нашумевшей за границей книги английского офицера Байотера (Bywater) «The sea power on the Pacific». Автор во всеоружии экономической и политической аргументации выступает решительно против этих традиционных взглядов, в заслугу которым отнюдь нельзя поставить диалектическое понимание внешнеполитических отношений.

После ослабления Японии в результате землетрясения 1923 г., убытки от которого, по данным Индустриального банка, составили около 5 млд. иен, американские капиталисты заинтересовываются японскими займами; американский капитал проникает в важнейшие отрасли японской промышленности. Такая командная отрасль, как гидроэлектротехническая индустрия, попадает целиком под контроль американских фирм.

«Нам приходится констатировать,—справедливо отмечает тов. Галкович,—что в настоящее время поток американских капиталов направляется, главным образом, в Японию, а не в Китай, где отсутствующая твердая власть не способна к сроку выплачивать проценты».

Из других экономических факторов, помимо инвестирования капитала, способствующих японо-американскому сближению, автор отмечает растущую зависимость Японии от американского рынка.

Тот факт, что Америка поглощает 40% японского экспорта и по преимуществу предметы роскоши и полуфабрикаты (особенно шелк-сырец) и что она же является почти монополистом по снабжению Японии нефтью, металлами и хлопком,—вызывает среди влиятельных кругов японской буржуазии сильное течение, идеологом которого является известный японский экономист Каваками, в пользу прогрессирующего экономико-политического сближения. Большой интерес представляет VI глава: «Иммиграционный вопрос». ственный момент: китайский рынок в значительной мере является для С. Штатов японским рынком [1]).

Огромную долю американского экспорта в Китай потребляют японские предприятия в Китае.

Это обстоятельство недавно отметил в Rotary club японский генеральный консул в Нью-Йорке Учияма, по свидетельству которого от 30 до 40% всего американского экспорта в Китай закупается японскими фирмами для нужд японских предприятий.

По заявлению директора одного из крупнейших японских банков в Нью-Йорке через его банк ежегодно закупается японскими купцами американских товаров для Китая на сумму от 30 до 40 млн. долл. [2]).

Предстоящий в ближайшее время крупный американский заем манчжурским железным дорогам вполне оправдывает прогноз автора, высказанный им еще в 1926 г.

Следует указать, что, отмечая и анализируя факт японо-американского сближения, после переломного 1923 г., автор не впадает в апологетику и не затушевывает того кардинальной важности факта, что, как и всегда бывает в подобных альянсах, противоречия между обоими империалистическими государствами, отнюдь не снимаются и в период японо-американского сближения. Большой интерес представляет VI глава: Иммиграционный вопрос». Здесь систематично и марксистски выдержанно автор обнажает истинные корни американской политики в отношении японской иммиграции.

Американское правительство в первые годы относилось чрезвычайно благожелательно к японской иммиграции, так как в это время японцы доставляли дешевую рабочую силу для калифорнийских фермеров. Положение резко изменилось, когда японские иммигранты стали обнаруживать склонность к самостоятельной обработке земли. В 1919 г. под контролем японцев в Калифорнии находилось уже 458.056 акров.

Все же удельный вес японцев в Калифорнии — единственном штате, имеющем значительную японскую иммиграцию—как в численном, так и в экономическом отношении настолько ничтожен, что не дает основания опасаться серьезной японской конкуренции ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве. Блеф о желтой опасности, усиленно раздувавшийся в С. Штатах после 1898 г., не оправдывался теми соображениями, которыми оправдывалось, напр., запрещение японской иммиграции в Австралию и Н. Зеландию, а именно: конкуренцией европейской рабочей силе. Агитация против японцев.

---

[1]) Этот момент, вполне, впрочем, согласующийся с общей концепцией автора о японо-американских отношениях за последние 2—3 года, отмечен им впоследствии в статье «Японо-американские отношения в Манчжурии». («Мировое Хозяйство и Мировая Политика». 1928 г., № 2).

[2]) «The Far Eastern Review». March 1928.

вызывавшая постоянно острое возмущение в Японии, имела троякого рода корни: 1) внутриполитические соображения: японцы и негры были для центральных и провинциальных властей С. Штатов таким же громоотводом, каким евреи были для царского правительства. В особенности следует здесь иметь в виду тяжелое положение калифорнийских фермеров, стонущих под прессом финансового капитала; 2) стремление японцев осесть в качестве самостоятельных хозяев на собственных участках. В Гавайях, где японцы работают на сахарных плантациях, американская буржуазия оказалась куда более терпимой, чем в Калифорнии; 3) наконец, третий, наиболее важный фактор—общая линия японо-американских отношений.

Выражаясь математически—иммиграционный вопрос был лишь функцией или, по словам автора, «логическим следствием общего комплекса американско-японских отношений, ухудшившихся в результате усиления Японии за период войны и первые послевоенные годы».

Один из существенных минусов книги—недостаточное освещение англо-американских отношений в Тихом океане; не остановился автор и на связях американского империализма с внутрикитайскими социально-политическими группировками: слабо выявлена роль Австралии и Индонезии; не упомянут и тихоокеанский секретариат профсоюзов и его упорная борьба с американским империализмом в бассейне Тихого океана.

Нельзя согласиться с таким утверждением т. Галковича: «Внешняя политика капиталистического государства бывает особенно агрессивной в период экономического расцвета—экономического под'ема» (стр. 139). Высказанное в такой общей форме, это положение вряд ли соответствует действительности. Напротив, временами можно установить обратную связь между империалистической экспансией и кон'юнктурными фазами капиталистического цикла [1]).

Нынешнее усиление агрессивности сев.-американского империализма вызвано, напр., экономической депрессией в С. Штатах, ставящей более остро вопрос о завоевании внешних рынков.

Обращает на себя внимание небрежная редакция книги, множество опечаток, помимо указанных издательством.

Но это—мелочи.

В общем, можно вполне согласиться с автором предисловия, т. Пашуканисом: «Мы уверены, что эта книга принесет пользу советскому читателю, ознакомив его с той областью мировой политики, где, по выражению одного американца, посеяны семена будущей великой войны, не говоря уже о том, что именно Китай является страной, где сейчас развертывается величайшая из восточных революций».

Книгу можно рекомендовать учащимся вузов и вообще широкому партийному и советскому активу, интересующемуся вопросами международной политики.

Г. Д.

---

[1]) «Но где же тогда действительная причина капиталистической экспансии? Во-первых, она заключается в затруднениях, вытекающих не из абсолютного и постоянного перепроизводства, а из кризисов со всеми их последствиями...» (Н. Бухарин. «Империализм и накопление капитала». 1927 г., стр. 103).

Редакция: **В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.**